

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

ФЕДОТОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА
КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ**

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора культурологии

Специальность: 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства
(культурология)

Научный консультант:
доктор филологических наук, доцент
Каминская Татьяна Леонидовна

Великий Новгород
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ	28
1.1. Память как объект исследований в «memory studies»	28
1.2. Типы коллективной памяти: социальная, историческая, культурная	46
1.3. Культурная память как объект культурологического исследования	57
ГЛАВА 2 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА	73
2.1. Город как объект культурной памяти	73
2.2. Носители культурной памяти города	92
2.3. Места памяти города	103
Глава 3 СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	120
3.1. Символизация образов городского прошлого	120
3.2. Культурная память города как основа формирования городской идентичности	135
3.3. Нарративы локального патриотизма в культурной памяти города	149
ГЛАВА 4 КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	163
4.1. Символический капитал города	163
4.2. Образы прошлого в городском брендинге	178
4.3. Гений места как символический капитал города	193
Глава 5 КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА В ГОРОДСКОМ ВООБРАЖАЕМОМ	208
5.1. Городское воображаемое как совокупность коллективных представлений о городе	208
5.2. Медиадискурс как генератор городского воображаемого	224
5.3. Культурная память города в репрезентации городского воображаемого	243
Глава 6 СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ	256
6.1. Городская коммеморация в Великом Новгороде	256
6.2. Культурная память Великого Новгорода в условиях цифровой культуры	277
6.3. Цифровизация коммеморативных практик	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	310
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	315
ПРИЛОЖЕНИЯ 1-5	378

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена культурологическому анализу культурной памяти города, познание которой основано на синтезе исследований в области культурной памяти с городскими исследованиями и направлено на изучение процесса поддержания коллективных представлений о городе.

Исследования коллективных форм памяти, репрезентаций образов коллективного прошлого, коммеморативных практик занимают всё более весомую нишу в научном дискурсе гуманитариев, что отчасти связано с «мемориальным бумом» и стремительным развитием междисциплинарных исследований, сложившихся вокруг «memory studies». Благодаря работам немецкой и французской школ (А. Ассман, Я. Ассман, А. Варбург, П. Нора, М. Хальбвакс) были научно доказаны закономерности существования коллективной памяти, которая складывается из воспоминаний конкретного сообщества, а затем и памяти культурной.

Феномен культурной памяти является весьма популярным среди исследователей, однако его концептуальное поле является размытым, в том числе, вследствие изучения культурной памяти в разных контекстах гуманитарного знания. Как полагает культуролог А. Ассман, «за последнее десятилетие память была признана «ведущей концепцией» культурологии, количество книг и эссе, появившихся на эту тему, уже заполняет целые библиотеки... дискурс памяти быстро расширяется ... существует все большее число различных подходов к культурной памяти, которые существуют бок о бок, не обращая особого внимания друг на друга» [Assman, *Re-framing Memory*.... 2012, p. 35].

Коллективное прошлое как источник аутентичности и общих воспоминаний (от транснациональных до субкультурных сообществ) сегодня осмысливается в качестве культурного феномена, позволяющего преодолеть социокультурные разрывы идентичности и сопричастности в условиях

глобализации, межэтнических конфликтов, цифровизации реальности. Как отмечает известный теоретик современности М. Кастельс, в условиях информационного общества, «когда мир становится слишком большим, чтобы быть контролируемым, а социальные субъекты стремятся уменьшить его обратно до осмысляемого размера... люди стремятся ... вспомнить свою историческую память» [Castells, 2010, p. 69].

Одной из причин повышенного научного интереса к культурной памяти является тот факт, что она признается важнейшим детерминантом социальной реальности, оказывает влияние не только на процессы структурирования коллективной идентичности, но и на образы территории как во внутренней, так и внешней среде. Именно поэтому закономерности и теоретические положения феномена культурной памяти могут быть экстраполированы применительно к городу как объекту памятования, который обладает собственным прошлым, культурой и коллективом людей, хранящим и передающим общие воспоминания следующим поколениям горожан.

Город, как современный, присутствующий в многообразных культурных практиках, так и исторический, сформированный многими столетиями развития, порождает собственные контексты и компоненты культурной памяти. Актуализация городского контекста культурной памяти выражается также и в том, что города находятся в ситуации поиска уникальности и соперничают на символическом уровне за мобильные ресурсы – за туристов, инвесторов, потенциальных жителей, что вызывает научный интерес исследователей к тем мягким ресурсам, которые способны стать социокультурным детерминантом преобразования территорий. Отсюда повышается значимость исследований символических аспектов функционирования культурной памяти города, особенно в условиях роста научного интереса ученых к символически значимым феноменам, определяющих городскую реальность. В качестве одного из таких феноменов выступает культурная память города как многослойный социокультурный

конструкт, наполняемость которого напрямую зависит от различных социальных и культурных факторов, стратегий и институтов.

Отсюда повышается значимость исследований символических аспектов функционирования культурной памяти города как многослойного социокультурного конструкта, наполняемость которого напрямую зависит от социальных и культурных факторов, стратегий и институтов.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена также следующими обстоятельствами:

- отсутствие комплексной теории культурной памяти города и фундаментальных исследований, которые бы позволили объяснять и прогнозировать процессы трансформации коллективного восприятия образов городского прошлого;

- фрагментарность исследований городской коммеморации применительно к такой большой стране, как Россия, поскольку имеющиеся научные работы в данной области не объединены единым контекстом;

- недостаточность объема интегративного научного знания о символических ресурсах, социально и культурно влияющих на развитие современных российских городов, формирующих городскую идентичность;

- малоизученность в фундаментальном гуманитарном знании коммуникативных практик, генерирующих и аккумулялирующих, в том числе, на институциональном уровне, образы городского прошлого, скрепляющих городское сообщество;

- занявшая значительное место в культурных практиках современных городов цифровая трансформация реальности, вызывающая кардинальные изменения в принципах сохранения и актуализации культурной памяти города, что необходимо учитывать в процессах социокультурного проектирования и в стратегиях развития города;

- отсутствие системности в прикладных исследованиях, направленных на познание процессов накопления городом символического капитала,

влияющего на узнаваемость, известность, доверие к городу со стороны различных аудиторий;

- потребность российских городов в объективном знании о процессах, структурирующих культурную память города, влияющих на рост городского самосознания и укрепляющих патриотические ценности места, что коррелирует с динамикой оттока талантливой молодежи в крупные города.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на актуальность рассматриваемых в диссертации вопросов и значительное количество исследований по данной теме, в настоящий момент не существует целостного научного труда, который бы стал теоретическим фундаментом для выявления и исследования многообразных форм проявления, репрезентации, сохранения культурной памяти города, использования ее как символического ресурса развития современного города.

Объект исследования – культурная память города как совокупность коллективных представлений о городе, воспроизводящихся и трансформирующихся в многообразных городских социальных и культурных практиках.

Предмет исследования – практики символической репрезентации культурной памяти города, хранящие и транслирующие образы городского прошлого, которые представляют собой символический ресурс развития территории.

Цель исследования: выявить концептуальные, структурные, символические аспекты функционирования культурной памяти города и особенности репрезентации образов городского прошлого в современных практиках, оказывающих влияние на развитие современного города.

Цель исследования предполагает **решение следующих задач:**

1. Выявить и систематизировать основные направления междисциплинарного научного дискурса, в рамках которого осуществляется познание культурной памяти, и определить ключевые направления анализа культурной памяти как объекта культурологического исследования.

2. Теоретически обосновать авторский концепт «культурная память города» посредством научного синтеза городских исследований с исследованиями коллективной памяти, определить типологические особенности мест памяти города и носителей культурной памяти.

3. Раскрыть символический ресурс культурной памяти города сквозь призму анализа внутренних социокультурных процессов города, связанных с формированием городской идентичности и ценностями локального патриотизма.

4. Выявить концептуальную основу феномена «символический капитал города», определить роль культурной памяти города в процессе формирования символического капитала города и особенности капитализации культурной памяти города.

5. Определить роль культурной памяти города в структурировании современных форм репрезентации городского воображаемого, включая дискурсивные способы репрезентации образов городского прошлого в медиаиндустрии.

6. Выявить на материале Великого Новгорода современные способы репрезентации образов городского прошлого в городской коммеморации, раскрыть тенденции цифровизации коммеморативных практик, влияющих на процессы структурирования культурной памяти города как символического ресурса развития города.

Хронологические рамки исследования обусловлены изучением современных социальных и культурных практик города, а также временем получения эмпирического материала, который используется в диссертации, что предполагает охват периода с 2000 по 2023 гг.

Территориальные границы исследования включают в себя города России, тогда как объектом эмпирического исследования преимущественно выступает Великий Новгород.

Эмпирический материал исследования.

Во-первых, эмпирический материал диссертационного исследования получен в ходе применения ряда методик сбора первичной информации. Сбор эмпирического материала был проведен в период с 2016 по 2023 годы в Великом Новгороде. Эмпирические исследования культурной памяти города позволили выявить образы, хранящие коллективные представления а) жителей, включая профессиональное экспертное сообщество и б) внешних по отношению к Великому Новгороду групп (туристы, журналисты).

В качестве методик получения эмпирического материала использовались:

а) экспертные опросы в виде структурированного интервью с наличием открытых и полужакрытых вопросов (два экспертных опроса в Великом Новгороде в 2016 году и в 2017 году с выборкой экспертов в количестве 23 и 37 человек как представителей профессиональных сообществ в области политики, СМИ, бизнеса, науки, образования, туризма);

б) глубинные интервьюирования жителей Великого Новгорода с применением методики вербализированных ментальных карт (два интервьюирования в 2016 году и в 2023 году с выборкой респондентов в количестве 53 и 52 человек с квотой по возрасту, полу, сфере деятельности, времени проживания);

в) дискурсивный анализ медиатекстов с применением методики контент-анализа журналистских материалов (два контент-анализа в 2016 и в 2017 году с выборкой 95 журналистских материалов, опубликованных в федеральных медиа и 83 отзывов гостей Великого Новгорода, размещенных на порталах туристических отзывов).

Особенностью применения методик сбора эмпирического материала стала апробация автором вербализированного ментального картирования, которое может быть использовано для анализа коллективных представлений о городе, определения ценности образов прошлого для тех или иных социальных групп. Модернизация методики ментального картирования коснулась изменения способов фиксации ответа респондента,

раскрывающего особенности восприятия им города и мест памяти из визуального в вербальный контекст, что позволило отойти от психологической основы и сделать метод более универсальным. В ходе дискурсивного анализа выявлялись наиболее значимые смыслы, с помощью которых происходит идентификация города во внешней среде, а также оценочные и контекстные ассоциации с Великим Новгородом.

Во-вторых, в эмпирическую базу исследования также вошли материалы, в которых осуществляется символическая репрезентация образов прошлого Великого Новгорода:

- мероприятия, проводимые на территории города как примеры коммеморативных практик (фестивали, реконструкции);
- произведения живописи и прочие произведения искусства, в которых изображен Великий Новгород;
- известные личности Великого Новгорода как *genius loci* / гении места;
- названия улиц и прочих объектов городской среды, которые представляют собой вербальную семантику Великого Новгорода;
- бренд Великого Новгорода как объект семантического анализа визуальных аспектов носителей культурной памяти города;
- цифровые технологии и ИТ-разработки, в которых воспроизводятся образы прошлого Великого Новгорода посредством цифровых сервисов и устройств.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Исследовательская стратегия диссертационного исследования основана на междисциплинарном подходе, фундамент которой составляет культурологическая парадигма, обладающая интегративным потенциалом, объединяющим исследовательские контексты в изучении культурной памяти города, определяющим ценность образов городского прошлого. Это, в том числе, позволяет рассматривать сам процесс функционирования культурной памяти города в рамках таких категорий, как носители, образы, охватывая целый комплекс городских практик.

Методологическим фундаментом при познании культурной памяти исходя из культурологической парадигмы являются теоретические положения немецкой научной школы (Я. Ассман, А. Ассман) и семиотического подхода к культуре и к памяти. В связи с этим, теоретическим базисом, организующим стратегию исследования культурной памяти города, является коммуникативный (трансляция памятной информации посредством знаковых посредников) и семиотический (кодирование и дешифровка смыслов) подходы, подробно раскрытые в работах У. Эко и Ю.М. Лотмана.

Коммуникативная природа социокультурных исследований предоставляет возможность разных исследовательских ракурсов. Для данной работы важными являются позиции, сформулированные в работах Ю.М. Лотмана, полагающего, что в процессе коммуникации важна генерирующая смыслопорождающая функция взаимодействия с текстом, поэтому структуры памяти города рассматриваются нами как смыслы, поддающиеся многократной интерпретации. Такого рода позиция позволяет раскрывать и познавать процессы символизации образов городского прошлого, поскольку весь социокультурный опыт может быть представлен как совокупность коммуникативных процессов, порождающих все новые формы смыслов.

Кроме того, диссертация отражает научные традиции, сформированные в ведущей научной школе по культурологии при ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Т.С. Злотникова, Н.Н. Летина, Т.И. Ерохина и другие), фокусирующей внимание на процессах репрезентации и интерпретации культурных смыслов, сквозь призму которых возможно и рассмотрение проблематики культурной памяти города.

В диссертационном исследовании применяются следующие методы исследования:

- феноменологический метод (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), который является ключевым в концептуализации феномена «культурная память города», с помощью которого раскрывается сущность данного феномена,

логика функционирования и структурирования, а также определяется символический ресурс;

- семиотический метод (У.Эко, Ю.М. Лотман), который применяется для проведения исследования текстов города, выполняющих коммеморативную роль (на примере Великого Новгорода), как источника символизации городской реальности;

- системный метод (М.С. Каган, Л. Уайт), направленный то, чтобы обеспечить исследованию комплементарность, объединяя различные проявления культурной памяти города: от образных и ценностных форм до институциональных практик;

- конструктивистский метод (П. Бергер, Т. Лукман), позволяющий рассматривать культурную память города как многослойный и динамичный конструкт, который можно и нужно конструировать через процессы актуализации смыслов в процессах коммуникации;

- социологические методы (метод структурированного интервью, контент-анализ текстов), которые позволили получить эмпирические материалы для исследования.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Категорию «культурная память» научно обосновал Я. Ассман [Ассман, Культурная память..., 2004]. В его трудах была сформулирована теория культурной памяти на материале древних культур, и они стали мощным толчком гуманитарных исследований, посвященных различным аспектам аккумуляции и репрезентации культурной памяти, выявления ее роли в представлениях сообществ. Важное значение для понимания значимости, символической природы и механизма работы культурой памяти в обществе играют работы А. Ассманн [Ассман, Длинная тень прошлого ..., 2014], которая представила свои научные взгляды на материале истории Германии Новейшего времени и предприняла попытку обосновать исследования культурной памяти в исторических, философских и социологических контекстах. Для диссертационного исследования особую важность имеют ее

положения о том, что культурная память использует в качестве носителя социальную коммуникацию, а в качестве опоры - символические медиаторы, память требует постоянного истолкования и интерпретации, а сохранение памяти требует больших усилий, особых институтов и средств.

В соответствии с содержанием исследования, объектом и предметом исследования, а также методологическими особенностями изучения темы, нами были взяты за основу научные работы следующей направленности.

Во-первых, исследования, в которых сформулированы общие черты коллективной памяти. В частности, автор опирается на ряд классических источников по заявленной теме: А. Ассман, Я. Ассман, А. Варбург, П. Нора, М. Хальбвакс. Несмотря на длительный этап формирования философских взглядов на категорию «память», который начался еще с античности (Платон, Плотин, Аристотель, Цицерон), затем получил продолжение в средневековой схоластике (Фома Аквинский, Августин) и в философии нового времени (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Д. Локк, Г. Лейбниц, Б. Спиноза, Д. Юм, Д. Вико, Т. Рид, Г. Ф. В. Гегель), все же научное оформление понятия культурной памяти произошло только в XX столетии. В частности, сюда относятся работы французского социолога М. Хальбвакса, первая из которых вышла еще в 1925 году [Halbwachs, 1925], благодаря которым в гуманитарной науке сформировался устойчивый научный интерес к проблематике различных типов коллективной памяти. Связь памяти, культуры и истории отмечено многочисленными работами, многие из которых являются уже классическими при исследовании коллективных форм памяти, а также проясняют сущность коммеморации. Так, французский философ П. Рикер [Рикёр, 2004] с позиции феноменологии исследует категорию коллективной памяти в тесном сопряжении с историей, поскольку память для него является смысловым ядром исторического исследования. Французский историк П. Нора [Нора, 1999] в своих работах отмечал, что история – это не только осязаемая реальность, но еще и символическая реальность, которая регулируется коллективной памятью. Для понимания коммуникативной

природы функционирования культурной памяти важны научные труды, в которых акцентируется внимание на данной проблеме. В частности, в работах российского ученого Ю.М. Лотмана [Лотман, Семиосфера, 2000] подчеркивается, что культурная память выполняет важнейшую коммуникативную функцию, связывая прошлое и настоящее, обеспечивая общение между современностью и культурной традицией.

При обращении к категории коллективной памяти, включая культурную память, в диссертационном исследовании использовались научные труды российских и зарубежных исследователей (О.Н. Астафьева, А.В. Буганов, Е.А. Бегунова, А.Г. Васильев, А.В. Гончарова, J. Bloomfield, J.J. Climo, A. Confino, A. Etkind, J. Fentress, M.G. Cattell, M. Saunders, J.W. Wertsch Ch. Wickham), в том числе, опубликованные в сборниках [Культурная память в контексте..., 2015; Историческая память и российская..., 2018; Memory in a global age..., 2010]. Отдельную группу источников составили работы, которые раскрывают культурологический аспект в познании памяти: Т.И. Ерохина, Е.А. Ермолин, Т.С. Злотникова, О.К. Крокинская, К.А. Мясникова, А. Никжентайтис, Л.П. Репина, M. Damin, V. Dodebei, F. Dumont, A. Erll, B. Gao, D. Makris, M. Moira, F. Hussein, J. Stephens, R. Tiwari.

Во-вторых, научные источники, раскрывающие особенности осмысления города как объекта культурной памяти. В связи с этим, мы использовали научные источники, посвященные исследованиям взаимодействия города и человека, включая работы Г. Зиммеля и К.Линча [Зиммель, 2002; Линч, 1982], работы Чикагской школы [Парк, 2006; McKenzie, 1927; Вирт, 2005], которые заложили традиции ментального картирования города и открыли начало урбанистическим исследованиям.

В современных исследованиях город рассматривается как социокультурный феномен в самых разных контекстах, в том числе, в ряде таких работ анализируется кодирование городской реальности исходя из урбанистических особенностей каждого конкретного города (С.С. Аванесов, А.М. Авдоница, М.Д. Алексеевский, Н.П. Анциферов, М.В. Ахметова, Л.В.

Воробьева, А.А. Вьюгина, О.А. Галушак, Ю.Г. Еманова, Г.Б. Кораблева, А.В. Кузнецова, О.В. Лабунова, Н.Н. Летина, М.Л. Лурье, А.В. Меренков, А. А. Мусиездов, И.А. Петрулевич, Н.К. Радина, А.П. Садохин, Н.Н. Сазонова, С.А. Смирнов, А.Ю. Согомонов, Т.Е. Сорокина, Е.Г. Трубина, В.А. Ткачук, Ю.П. Шабаев, А.И. Шипицин, S. Zukin). Кроме того, ряд источников посвящен исследованиям исторического города, который является местом репрезентации культурно-исторического наследия, отражающего разные эпохи, включая и культурологические исследования провинциального русского города как культурного феномена (Т.А. Булыгина, Ю.А. Веденин, М.Н. Веселова, О.Ю. Воробьева, В.Л. Глазычев, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина, Т.С. Злотникова, М.С. Каган, Г.М. Лаппо, В.И. Лепский, К.А. Михалева, Л.С. Могутова, М.В. Новиков). Семиотические аспекты города раскрыты в ряде исследований исходя из визуальной и вербальной специфики знаков (З.Н. Афинская, П.А. Басина, Й. Брокмейер, Л.Н. Кулаженкова, Н.Ю. Ланцевская, А.А. Маляр, Р. Харре, Т.В. Шмелева, J. Buckler, Ch. Linde).

В-третьих, корпус научных работ, раскрывающих культурные основы коллективной идентичности, включая городскую идентичность. В частности, в диссертации использовались исследования, раскрывающие процессы структурирования культурной идентичности, городской идентичности, идентичности места, территориальной идентичности (О.И. Вендина, Е. Головнева, Г.В. Горнова, Н.С. Дягилева, О.В. Ильина, Е.В. Каблуков, О.В. Игнатьева, О.В. Лысенко, Г. Коржков, П.Л. Крупкин, А.С. Макарычев, И.В. Малыгина, А.Л. Маршак, А.В. Микляева, Е.В. Морозова, А.В. Панибратцев, К.Э. Разлогов, П.В. Румянцева, Е.В. Улько, О.С. Чернявская, А.К. Fabian, M. Lalli, M. Lamont, A.L. Hauge, F. Pollice, H.M. Proshansky).

В-четвертых, была востребована научная литература, представляющая собой концептуальный базис познания символических аспектов конструирования реальности. Так, сюда вошли работы Ж.

Бодрийяра и Ж. Дерриды, позволяющие интерпретировать символическую основу репрезентации образов городского прошлого. Э. Со́йя [Soja, 2000], ссылаясь на Ж. Бодрийяра, подчеркивает, что в наши дни символическая репрезентация города приобретают больший вес по сравнению с реальной территорией. Благодаря символам, прошлое, согласно Я. Ассману [Assmann, *Communicative and Cultural Memory...*, 2011], прошлое не сохраняется как таковое, а скорее гальванизируется (воскрешается). Символическая природа культурной памяти раскрывается в работе на основе не только научных трудов Э. Кассирера или М. Фуко, но и П. Бурдьё [Бурдьё, *Практический смысл...*, 2001] - автора теории символического капитала, позволяющего акцентировать внимание на символическом маркировании реальности, связанном, в том числе, с процессом отражения и закрепления эпизодов городского прошлого в символических практиках города. Опираясь на теоретические положения П. Бурдьё, Дж. Олик [Олик, *Фигурации памяти...*, 2012] использует данную методологию чтобы раскрыть динамику памяти через процессы символического производства социального порядка. В рамках решения задачи выявления символического ресурса культурной памяти города определенную актуальность для работы имеют научные взгляды на символическую капитализацию образов прошлого, включая, городской брендинг (С.В. Аверченкова, Ю.С. Акентьева, Д.В. Визгалов, В.А. Ворожейкина, В.М. Гнедовский, М.Б. Гнедовский, К. Динни, Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, Е.А. Когай, И.Ю. Савельева, А.В. Севостьянов, А.И. Щербинин, Н. Г. Щербинина, S. Anholt, R. Govers, A.L. del Cid, M. Tortora, F. Randelli, P. Romei).

Во-пятых, исследования, в которых сформулированы ключевые теоретические позиции, позволяющие выявлять символические практики функционирования городского воображаемого. В частности, это концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [Андерсон, 2016], поскольку культурная память функционирует по большей мере путем воображения общих воспоминаний у коллектива людей. В ряде современных

исследований [Bloomfield, 2006] культурная память города рассматривается сквозь призму «urban imaginary», которое является проекцией следов культурной памяти. Особенности городского воображаемого как символического репрезентанта образов городского прошлого мы исследовали, обращаясь к целому корпусу научных источников, так или иначе, связанных с исследованиями процессов коллективного представления города (К.О. Валегина, В. Вахштайн, Е.В. Лагодина, А.Н. Назаренко, Л.К. Рябова, Н.Н. Суворов, Г.Р. Хайдарова, Т. Bender, J. Bloomfield, A. Blum, A. Çınar, P. Delorme, A. Huysen, J. Schwenk).

В-шестых, научные источники, в которых выявляются механизмы коммеморации и политики памяти. Так, мы использовали для анализа работы, в которых анализируются городские практики, которые могут быть отнесены к коммеморации (В.В. Абашев, А. Архипова, В.В. Артюшкина, Д. Доронин, Л.Б. Зубанова, А. Кирзюк, Е.И. Красильникова, Д. Радченко, Е.В. Романовская, О.М. Ростовская, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, Н.С. Сапаров, В.Н. Семенова, А. Соколова, А. Титков, Н.Л. Фоменко, М.Л. Шуб, Е. Югай) и исследованию мест памяти (Е.В. Алексеева, О.А. Балла, М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, О.В. Головашина, Л.Р. Мигунова, М.Д. Портнягина, Е.В. Прямикова, И.И. Руцинская, А.В. Стрельникова, Н.Г. Урванцева, О.Р. Хасянов). А также исследования в рамках концептов «символическая политика» и «политика памяти» [Политика памяти в России..., 2023], которые раскрывают определенные аспекты институциональных инструментов управления памятью (К.Ф. Завершинский, Д.В. Ефременко, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, А.И. Макаров, Г.Л. Тульчинский).

В-седьмых, для исследования особую значимость приобрели работы, раскрывающие характер цифровой культуры. В классических трудах демонстрируется тесная связь между изменениями в технологиях коммуникации и преобразованиями мира, человека и культуры, о которых говорил М. Маклюэн [Маклюэн, 2007], а также задающие вектор понимания цифровой культуры как очередной стадии в развитии информационного

общества, детерминированного влиянием тотальной информационной революции, обусловленной виртуализацией социальных коммуникаций с позиции М. Кастельса [Castells, 2010]. Социокультурные последствия цифровой трансформации реальности осмыслены в ряде российских и зарубежных исследований (С. Дудник, М. Кастельс, С.А. Кравченко, Т.Ф. Кузнецова, А.А. Лисенкова, Г.С. Мельник, М.М. Назаров, С.В. Тихонова, I.V. Astakhova, G. Çetinkaya, С. Wagner). Не менее важными в данном контексте являются работы, в которых раскрыты особенности функционирования современных, в том числе, цифровых, медиа, медиатизации реальности и специфики городского медиадискурса (Д.С. Артамона, Н.В. Гоноцкой, Т.Н. Галинской, М.С. Журковой, А.Ю. Жигунова, Т.Л. Каминской, С. Маккуайра, Е. Нима, Н.С. Олизько, С.Н. Оводовой, Н. Allcot, M. Gentzkow, M. Watney, M. Zierold).

Таким образом, следует отметить многообразие исследовательских работ, которые посвящены проблематике культурной памяти и способам ее символической репрезентации в современной реальности, в том числе, в пространстве города. Вместе с тем, комплексных научных работ, которые бы на концептуальном уровне обобщали имеющиеся исследования культурной памяти города и, соответственно, представляли теоретическую основу для дальнейшего, в том числе, эмпирического изучения процессов ее сохранения и актуализации, до сих пор не существует.

Научная гипотеза исследования основана на предположении о том, что объектом культурной памяти может рассматриваться город. Соответственно, предполагается, что феномен культурной памяти города открывает для культурологического знания новый ракурс исследований города и городской культуры, позволяющий выявлять особенности процесса поддержания коллективных представлений о городе. Культурная память города, как мы полагаем, представляет собой тот символический ресурс, который оказывает воздействие на социокультурные процессы в городе через

символическую репрезентацию образов городского прошлого, и может быть использован в стратегиях развития современного города.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

- теоретически обоснована и введена в научный оборот концепция «культурная память города» как совокупность коллективных представлений о городском прошлом, сохраняемая за пределами поколений горожан;

- для систематизации многообразных структур и феноменов культурной памяти города, выявления их типологических характеристик, структурирования информации об образах городского прошлого, введены и концептуально раскрыты понятия «место памяти города» и «носитель культурной памяти города»;

- применен метод вербализированных ментальных карт при выявлении образов городского прошлого в представлениях горожан о своем городе и продемонстрированы возможности эмпирических исследований культурной памяти города;

- введён в научный оборот эмпирический материал, полученный в Великом Новгороде, раскрывающий особенности структурирования, сохранения, актуализации культурной памяти города.

Теоретическая значимость работы заключается в экстраполяции имеющегося научного потенциала, связанного с культурной памятью, в исследование города и городской культуры. Систематизация и концептуализация феномена «культурная память города» является теоретической основой исследований многообразных городских практик, которые связаны с сохранением, актуализацией, репрезентацией образов городского прошлого.

В теоретическом аспекте диссертация имеет важное значение для комплексного осмысления символического ресурса культурной памяти, что может послужить фундаментом для исследования социокультурных проблем города и разработки стратегий его развития, основанных на важности

сохранения и актуализации культурной памяти города. В диссертационном исследовании:

- выявлен символический ресурс культурной памяти города в создании благоприятной социокультурной среды города, связанной с идентификацией, ценностями локального патриотизма, обеспечением преемственности поколений, укрепления символических связей между городом и горожанином;

- теоретически обоснован концепт «символический капитал города», который может приносить символическую «прибыль» в виде доверия к городу, повышать его узнаваемость, известность, формировать позитивное восприятие города;

- определены ключевые векторы символической репрезентации культурной памяти города в городском воображаемом как синтезе реальных и виртуальных представлений о городе;

- выявлены и охарактеризованы процессы городской коммеморации, определены институциональные, эмоциональные, когнитивные, перформативные практики коммеморации;

- выявлены тенденции цифровизации коммеморативных практик, обусловленные влиянием цифровой культуры на процессы хранения, актуализации, репрезентации культурной памяти города в современном обществе.

Практическая значимость диссертационного исследования диссертационного исследования состоит в получении интеллектуального продукта, который содержит материалы для применения как в сфере фундаментальных гуманитарных исследований, так и в прикладной и педагогической деятельности. Результаты диссертационного исследования применимы в реализации Программы развития НовГУ «Приоритет 2030» в рамках Стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности», цель которого состоит в изучении и сохранении локального и национального культурного кода. Результаты исследования могут быть

использованы в педагогическом процессе и учебно-методическом обеспечении преподавания в высшей школе, в том числе, при разработке основных профессиональных образовательных программ направлений подготовки 46.04.01. История, 51.04.01 Культурология, 51.04.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного значения, а также при разработке учебных модулей по истории культуры и искусства, культурологии, менеджменту в сфере культуры, культурной политике. Также результаты исследования могут быть использованы городскими элитами при разработке стратегий и проектов развития городов, в деятельности музеев, домов народного творчества, образовательных учреждений, в городском брендинге, в туристической индустрии.

Личный вклад автора рукописи заключается в следующем:

- определена и проанализирована отдельная область культурологических исследований в рамках *memory studies*, сфокусированная на городском контексте изучения культурной памяти;
- осуществлен синтез фрагментарных исследований различных социальных и культурных практик, связанных с изучением городского прошлого в единое концептуальное поле культурной памяти города;
- раскрыты ключевые аспекты малоизученного в культурологии направления осмысления культурной памяти как символического ресурса развития современного города;
- получен массив эмпирических данных, связанных с исследованиями процессов сохранения и актуализации образов городского прошлого на примере Великого Новгорода;
- апробирована методология исследования культурной памяти города, которая может стать основой для масштабирования подобных исследований в российских городах;
- проведено системное исследование практик символической репрезентации культурной памяти города, в ходе которого осуществлена

типологизация и структурирование разрозненных явлений, транслирующих образы городского прошлого.

Обоснованность и достоверность научных результатов исследования обеспечена новизной решения обозначенной проблемы; комплексностью и научной фундированностью междисциплинарной методологии, адекватной цели и задачам исследования; уникальностью эмпирического материала; многоаспектностью и системным обобщением теоретического и практического опыта исследования заявленной проблемы; репрезентативной апробацией основного содержания диссертации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Культурная память города – это сфера хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, выраженных в различных символических средствах, с помощью которых коллективные воспоминания о городе переживаются и сохраняются горожанами за пределами поколений. Значимость культурной памяти города определяется тем, что она объединяет городское сообщество в целое, связывает прошлое города и его настоящее, обеспечивая преемственность поколений горожан и передавая культурный опыт города.

2. Культурная память является важнейшим символическим ресурсом в создании благоприятной социокультурной среды города, привлекательного образа города, в формировании городской идентичности, укрепляющей символические связи между городом и горожанином, влияя тем самым на восприятие города. Культурная память города является репрезентантом аутентичности города и его уникального прошлого.

3. Городская идентичность формируется посредством установления связей между личностью жителя и городом, она зависима от процесса актуализации культурных смыслов, которые являются частью резервуара культурной памяти города. Идентификационные связи между городом и горожанином строятся на основе известных личностей, природных объектов

и ландшафта, символов и брендов города, памятных мест, значимых событий городского прошлого, архитектуры города.

4. Культурная память города влияет на осмысление горожанами непрерывности развития и преемственности городской культуры, на патриотические ценности и чувства сопричастности горожан с городом. Локальный патриотизм проявляется за счет ценности места и значимости культурных смыслов (героев, символов, событий), где существенную роль играют образы городского прошлого, которые влияют на городское самосознание.

5. Символический капитал города – это совокупность смыслов, которые обеспечивают городу узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп. Одним из способов накопления символического капитала является брендинг города, кодирующий аутентичные фрагменты культурной памяти города в доступных средствах, рассказывая об идее города, его отличиях, ценностях. Частью символического капитала города является гений места, который притягивает людей и ресурсы за счет значимости известной личности, насыщая семиотику города дополнительными значениями.

6. Культурная память города является источником символических практик городского воображаемого, объединяющего в себе процессы восприятия и осмысления города, формирования реальных и виртуальных коллективных представлений о городе. Городское воображаемое представляет собой проекцию коллективного осмысления актуальных следов памяти, формирующих символические связи между городом и его жителями. Трансформация личных воспоминаний города в коллективные осуществляется посредством их маркирования и закрепления в медиадискурсе, являющимся генератором городского воображаемого.

7. Городская коммеморация – это процесс поддержания и актуализации смыслов города, сохранения образов городского прошлого в современном городском пространстве. Коммеморативные практики города

могут быть эмоциональными и когнитивными, перформативными, институциональными, различаться в зависимости от носителей культурной памяти. Коммуникация является главным условием городской коммеморации, обеспечивая процессы генерирования и трансляции культурных смыслов.

8. Цифровизация современных коммеморативных практик имеет существенное значение для жизни города и выражается: а) в оцифровке носителей культурной памяти города, цифровизации институтов хранения и актуализации образов городского прошлого, что позволяет сохранять редкие носители и предоставлять широкий доступ к ним, б) в появлении активных участников цифровых коммуникаций (новых акторов коммеморации) и виртуальных площадок, вызывающих стихийную цифровую репрезентацию образов городского прошлого и «размывание» культурной памяти города, обусловленное многократным увеличением информации, которая оставляет разнообразные, включая противоречивые, цифровые следы о городе.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные положения диссертации представлены и обсуждены более чем на 30 международных научных и научно-практических конференциях, в том числе, Международная научная конференция «Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму» (Великий Новгород, НовГУ, 24-25 сентября 2015 года), Международная научно-практическая конференция «Инновационные технологии развития современной науки» (Пермь, НИЦ «Инноватика», 20 октября 2016 года), Международная научно-практическая конференция «Контурь будущего: технологии и инновации в социокультурном контексте» (Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого, 1-3 ноября 2017 г.), Международная научная конференция «Капитал революций» (Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ, 4-6 октября 2017 года), III Международная научная конференция «Гуманитарные Губкинские чтения» (Москва, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина 5-6 апреля

2018 г.), Международная научная конференция «Новгородика-2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность» (Великий Новгород, НовГУ, 26-27 сентября 2018 года), Международная научная конференция «Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации» (Великий Новгород, НовГУ, 27-28 октября 2020 г.), Международная научно-практическая конференция «Педагогическое образование: история, современность, перспективы» (Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 03-04 октября 2019 года), III Международная научная конференция «Визуальная антропология 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда» (Великий Новгород, НовГУ, 28-30 августа 2019 года), Международная научно-практическая конференция «Человек. общество. коммуникация» (Великий Новгород, НовГУ, 23-24 апреля 2020 года), Международная научная конференция «Визуальная антропология – 2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего» (Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 22-23 сентября 2022 года), Международная научно-практическая конференция «Гуманитарная безопасность как фактор стабильного развития общества» (Псков, ПсковГУ, 4-5 октября 2023 г.), Международная научная конференция «Цивилизационное своеобразие современных обществ в условиях глобальных, региональных и локальных трансформаций» (Санкт-Петербург, Социологический институт РАН, 19-20 октября 2023 года), Международная научно-практическая конференция «XVIII Колосницынские чтения» (Екатеринбург, УрФУ, 16-17 ноября 2023 года), Международная научная конференция «Память и повседневность в культуре и искусстве (к 300-летию Российской академии наук)» (Москва, ИНИОН РАН, 2-4 апреля 2024); VII Ежегодный международный симпозиум «Образование и город: ресурсы взаимного развития» (Москва, МГПУ, 18-20 апреля 2024 года); на всероссийских научно-практических и научных конференциях и конференциях с международным участием, в том числе, III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, «Брендинг

как коммуникативная технология XXI века» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 1-3 марта 2017 года), Ежегодная всероссийская научная конференция с международным участием «РАПН'2020» «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 года), Всероссийская научная конференция с международным участием «Популярная культура между общечеловеческим и манипулятивным: грани междисциплинарного освоения» (Великий Новгород, НовГУ, 17 октября 2023 года), Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – VI Историческая политика и пропаганда» (Москва, РГГУ, 18-19 октября 2023 года), Всероссийская научно-практическая конференция «Связь времен и технологии» (Великий Новгород, НовГУ, 29-30 сентября 2023 г.), Всероссийская научная конференция «Традиции и современность: аксиология российской цивилизации» (Москва, ГАУГН, 25 октября 2023 года), Всероссийская научная конференция «Культурология города: образ, концепт, текст» (Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет, 20-21 ноября 2023 года), XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Творческая личность – 2023: учитель и наставник» (ЯГПУ, Ярославль, 14-16 декабря 2023 года); на круглых столах, в том числе, региональный круглый стол «Инструменты формирования культурной памяти города» (Великий Новгород, НовГУ, 30 мая 2018 г.), Круглый стол «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (БелГУ, Белгород, 5 октября 2023 года), Всероссийская научная конференция «Современные методы изучения культуры – XVI» (Москва, РГГУ, 19-20 апреля 2024 года).

Апробация результатов исследования также проведена на заседаниях НОЦ «Гуманитарная урбанистика» ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого».

Отдельные положения диссертационного исследования стали основой научных проектов, которые поддержаны грантами российских научных

фондов: РГНФ № 16-13-53002 «Территориальная идентичность как символический ресурс региона» (исполнитель), РФФИ № 17-13-53001 «Символический капитал места как конкурентное преимущество территории» (руководитель), РФФИ № 18-411-530001 «Культурная память города в современных коммуникативных практиках» (исполнитель), РФФИ № 20-111-50476 «Культурная память города: современные практики символизации прошлого» (руководитель), РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31690 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США» (исполнитель), РНФ № 23-28-01232 «Городское воображаемое: генерирование коллективных представлений о городе в эпоху цифровой культуры» (руководитель).

Внедрение результатов исследования осуществлено путем их использования в деятельности соискателя, включая проектную деятельность, в том числе, разработку, реализацию и руководство Стратегическим проектом НовГУ «Университет как генератор культурной идентичности» Программы развития вуза «Приоритет-2030». Результаты исследования внедрены в образовательный процесс Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

В частности, соискателем разработаны и внедрены в образовательный процесс ряд авторских учебных курсов (в том числе, в 2022 году курсы «Городская идентичность и брендинг городов» и «Концепции и практики культурной памяти» для магистрантов программы 51.03.01 Культурология «Гуманитарная урбанистика»). Также результаты исследования внедрены в разработку и реализацию проектов, направленных на поддержку образовательной и исследовательской деятельности студенческой молодежи (в т.ч. проекты «Город, в котором хочется жить», Великий Новгород, 2019 г.; «Кадры будущего для региона», Новгородский регион, 2019, 2022, 2023 г.), в рамках реализации «Проектно-ориентированная модель образования» в НовГУ с 2019 по 2023 гг. с координацией витрины студенческих проектов, направленных на сохранение

и популяризацию культурного наследия («Фонд проектных инициатив» и «Культурный код» - проекты, направленные на изучение и репрезентацию молодыми учеными в городской среде локального и национального культурного кода, 2023). Кроме того, в рамках реализации Стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности» соискатель принимал участие в качестве эксперта (эксперт I сессии экспертного полигона «Умные технологии: гуманитарная экспертиза как испытание культурным наследием», 2021 г.; эксперт «Школы волонтеров культурного наследия», 2021; эксперт студенческих научных работ в рамках конкурса «PRO.Научный элемент», 2021-2022 гг.; эксперт и аналитик научно-исследовательского проекта «Молодежные субкультуры Великого Новгорода», 2022 г.).

Результаты исследования опубликованы в 3 монографиях, 83 статьях, в том числе, в 25 рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ, из них 11 статей в изданиях, входящих в МБД. Общий объем публикаций – 69 п.л. (из них авторских – 58,6 п.л.).

Соответствие паспорту специальности.

Работа соответствует паспорту специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства (культурология), в частности, следующим областям исследования: 18. Культурно-историческая память и культурное наследие, 90. Концепции культуры как знаковой и символической системы, 104. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик, 108. Подходы к изучению культурных форм и практик в *memory studies*.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка, содержащего 388 наименований, и приложений. Общий объем выполненной работы – 393 страницы.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

1.1. Память как объект исследований в «memory studies»

Научное внимание не только культурологов, но и историков, философов, социологов в последние десятилетия все больше сосредоточено вокруг феномена «память», ставшего центральным понятием целого направления гуманитарных наук, которое принято называть «memory studies» - исследования коллективных форм памяти.

Как отметил известный немецкий исследователь культурной памяти, египтолог, историк культуры и религии Я. Ассман, «прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 50]. Говоря словами Я. Ассмана, памятники, храмы, идолы выходят за рамки предметной памяти, они влияют на идентичность людей, позволяя формировать представление о своем коллективе. Соответственно, память «проявляется, объективируется и накапливается в символических формах, которые, в отличие от звуков слов или появления жестов, являются стабильными и ситуативно-трансцендентными» [Assmann, Communicative and Cultural Memory..., 2011, p. 17].

Академический дискурс мемориализации становится все более актуальным вследствие глобализационных процессов, информатизации и цифровизации общества, которые вызывают необходимость сохранения локальных, национальных форм памяти и формирования коллективной идентичности. Как полагает И.В. Малыгина, глобализация «обнулила» представления о культуре «как о системе со сколько-нибудь устойчивым ценностно-смысловым ядром, как о символическом универсуме, который,

при всей своей динамичности, прежде всегда имел вполне определенную пространственную локализацию и очевидные субъектные референции», что вызывает «экзистенциональное одиночество» современного человека [Малыгина, Культурные идентичности..., 2021, с. 350].

Данная ситуация отразилась на стремительном росте исследований памяти, а затем и на, так называемом, мемориальном буме, который актуализировал научные работы ряда персоналий, часть из которых были изданы около 100 лет назад (М. Хальбвакс, А. Мегилл, П. Рикер, А. Варбург, П. Нора, Я. Ассман и пр.). Кроме того, мемориальный бум неизбежно повысил интерес к методологическим и теоретическим положениям, концепциям, позволяющим познавать самые разные структуры памяти – от особенностей репрезентации образов прошлого в творчестве до принципов политики памяти, что в целом привело к появлению множества новых научных взглядов для объяснения явлений современности.

Отметим, однако, тот факт, что активизация *memory studies* вскрыла и ряд проблем, которые сдерживают стремительное развитие исследований памяти. Нередко ученые отмечают сложность теоретической рефлексии, негативно влияющей на развитие научного дискурса *memory studies*. Например, ученые заявляют, что в такого рода исследованиях «отсутствуют устойчивые парадигмы, они бесцентричны и потому сугубо междисциплинарны» [Olick, *Social memory...*, 1998, p. 109]. Среди российских исследователей памяти также популярно мнение о том, что в *memory studies* практически нет «хотя бы относительного концептуального и терминологического консенсуса, которого чрезвычайно сложно добиться в столь тематически и методологически разнообразной области» [Ярычев, 2021, с. 26]. Концептуальная и терминологическая точность для гуманитариев особенно важна, поскольку это является условием для научного производства уточнений «в ходе развертывания последовательности, выстроенной в направлении все большей опредмеченности объектов внимания» [Соковиков, 2014, с. 32].

Согласимся с тем тезисом, что введение в научный дискурс концепта «память», как отмечают ученые, «по-новому открывает целую область явлений и представляет в новом свете те феномены, которые до сих пор понимались совершенно иначе» [Kontexte und Kulturen..., 2002, p. 14]. Память является важнейшим маркером современности, а сам факт превращения памяти «в важнейшую точку кристаллизации современного научного знания и выхода дискуссии о памяти далеко за пределы академического сообщества на широкие просторы общественной жизни, внутренней и внешней политики, вовлечение памяти в конфликты разного уровня и степени остроты – не подлежат сомнению» [Васильев, Культурная память... 2015, с. 31]. Это во многом объясняется тем, что проблематика *memory studies* вызывает научный интерес в самых разных областях знания: социология, философия, история, культурология, политология и пр.

Между тем, культурологическая парадигма обладает определенным преимуществом в исследованиях памяти, поскольку для нее характерен междисциплинарный подход к исследуемым объектам и интегративное видение, объединяющее исследовательские контексты в единый смысловой континуум. В данном случае культурология позволяет, с одной стороны, систематизировать разнородные явления *memory studies* в определенную логику исследования исходя, например, из категорий ценности и сакральности памятных мест, образов и символизации прошлого, культурных кодов. С другой стороны, культурологическое знание позволяет выбрать определенный методологический ракурс и раскрыть проблематику исследований памяти с той или иной позиции, которая бы объясняла процессы сохранения и передачи памяти через понятные и устойчивые категории.

Внимание ученых к исследованию различных аспектов памяти стало активизироваться к концу XX века, в тот момент, «когда в проблеме памяти были заинтересованы многие исследователи, не отделимо друг от друга, а в общем виде стали рассматриваться такие понятия, как обычай, запоминание,

коммеморация, производство образов, репрезентация и традиция» [Чернецкая, 2022].

Важно отметить, что понятие «память» предполагает «представление о прошлом» путем фиксации и сохранения воспоминаний, а также узнавания и локализации данных воспоминаний [Память, Философский словарь ... 2000]. Память способна воспроизводить фрагменты прошлого в случае его актуализации, она осуществляет связь между прошлым и настоящим через образы и прочие символические средства, способные фиксировать и осуществлять репрезентацию смыслов.

При этом понятие «образ коллективного прошлого» является ключевым для данной работы, поскольку, используя социокультурную методологию мы акцентируем внимание на символических посредниках, которые обеспечивают фиксацию культурных смыслов и трансляцию культурного опыта. Таким образом, образы коллективного прошлого (или, более кратко, – образы прошлого), по нашему мнению, являются важнейшим символическим средством фиксации и репрезентации общих для того или иного коллектива воспоминаний.

Однако объектом *memory studies* является не просто память, а память как культурный и социальный феномен, обладающий характером коллективного явления, как культура и общество, но касающегося индивидуальных форм сознания. Российский культуролог Т.С. Злотникова подчеркивает, что «память с древнейших времен и по сей день ощущается и понимается как неотъемлемое свойство человеческой психики и человеческого бытия» [Злотникова, Человек, война... 2020, с. 201].

На сегодняшний день в научной традиции исследований памяти существует несколько дискуссионных вопросов, вокруг которых формируются разные научные позиции по целому ряду вопросов, связанных с механизмами функционирования памяти, к которым мы обратимся не только в этой части работы, но и на протяжении всего текста.

Прежде всего, отметим, что в нашем исследовательском фокусе находится надындивидуальная память, которая имеет коллективный характер. Она «как самостоятельный субстрат, не сводимый к совокупности индивидуальных воспоминаний, отражена в концепциях Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана» [Зубанова, 2022, с. 50]. Надындивидуальная память представляет собой уникальный феномен, обладающий определенными признаками, свойствами, структурой, механизмами сохранения, репрезентации и «является фактором, определяющим характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества» [Панибратцев, 2019, с. 110].

Важно отметить, что память как надындивидуальный феномен всегда живет в индивидуальном сознании, несмотря на то, что она структурируется и функционирует в коллективе людей. Однако в этом случае требует особого внимания исследовательский вопрос о том, как индивидуальная память становится частью коллективной? Ответу на данный вопрос отчасти посвящена работа в рамках феноменологии памяти французского философа П. Рикера, который предпринимает попытку раскрыть сложность трансформации индивидуальной памяти в коллективную. Саму память он понимает как «чувство (*pathos*), что решительно отличает ее от вызова воспоминания» [Рикёр, 2004, с. 36], ключевым ее признаком «предметный характер памяти: вспоминают о чем-то» [Рикёр, 2004, с. 44]. Согласно П. Рикеру, именно категория «мы», формирует в коллективной памяти «средоточие следов, оставленных событиями, сказывающимися на ходе истории соответствующих групп, и что за этой памятью следует признать способность обращения к общим воспоминаниям в случае празднеств, ритуалов, публичных торжеств» [Рикёр, 2004, с. 167]. Поэтому общность коллективных воспоминаний и предполагает возможность бытия надындивидуальной памяти.

По нашему мнению, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что память объединяет массы людей и отдельные коллективы (в самом широком смысле этого слова), которые функционирует на основе общей культуры и социальных норм, скрепляющих их, и общего прошлого. Именно так мы понимаем надындивидуальную память (далее – память). В рамках данной работы мы будем опираться на такой тип памяти, характерный для сообщества людей, как коллективная память. Такого рода память становится объектом исследования в *memory studies*, открывающих возможность выявлять и анализировать различные практики культуры и их взаимодействие с позиции того, как воспоминания коллектива «сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре» [Васильев, *Memory studies...*, 2012, с. 477]. При этом сами исследования коллективной памяти расширяются с каждым годом, поскольку коллективов, обладающих собственным прошлым немало – от предприятий до международных сообществ.

Не менее дискуссионной, помимо вопросов осмысления природы надындивидуальной / коллективной памяти, для исследователя в рамках *memory studies* является проблема многообразия локальных направлений исследований в данной области, которые подчас не связаны никак между собой. Следует согласиться с израильским историком культуры А. Конфино, который отмечает отсутствие устоявшихся теорий и методов *memory studies*, а также направленности исследований, которая бы обезопасила от обесценивания частого употребления понятия «память». Он небезосновательно полагает, что понятие «память» заняло в последнее время место ведущего термина в истории культуры для обозначения разных вещей, объединяющих то, что исследователи изучают как «способы, с помощью которых люди осознают ощущение прошлого» [Confino, 1997, с. 1386]. По мнению А. Конфино, память исследуется для изучения событий недавнего времени, чтобы запечатлеть эти воспоминания, но вторая часть исследований направлена на «репрезентацию прошлого и превращение его в общее

культурное знание для поколений в «средствах памяти» таких как книги, фильмы, музеи, памятные мероприятия» [Confino, 1997, с. 1386]. Данное обстоятельство, как мы полагаем, отчасти порождает исследовательские коллизии, следствием чего эвристичность использования понятия «память» в гуманитарных исследованиях снижается. Данная работа призвана отчасти решить вопрос теоретической и концептуальной устойчивости данной категории, однако в культурологическом ракурсе.

При систематизации локальных исследований коллективной памяти важно учитывать тенденции развития академического дискурса *memory studies* с выявлением ключевых узлов мемориальной проблематики. В частности, как отмечает российский исследователь А.Г. Васильев [Васильев, *Memory studies ...*, 2012], который провел обзор ряда популярных в мировой науке изданий [*Memory in a global age...*, 2010; *Memory and power...*, 2002; *Memory and political...*, 2012; Linde, 2009], вышедших за последние два десятилетия, среди них следует отметить следующее: глобализация и трансформация процессов памятования; использование памяти в качестве инструмента политики и как средства для качественных перемен в обществе, в том числе, в рамках достижения интеграции, единства, стабилизации общества; акцентирование внимание на нарративе как ключевом носителе памяти; институционализация коммеморативных практик; понимание важности коммуникации для поддержания и актуализации памяти.

Таким образом, наличие большого спектра научных направлений *memory studies* и, соответственно, теоретическая фрагментарность исследований коллективной памяти и методологических подходов к ее изучению вызвали специально отмечаемый нами концептуальный «разброс» относительно данного объекта в мемориальных исследованиях.

Для того, чтобы раскрыть данную проблематику и определить магистральные векторы рамки нашего исследования, обозначим ключевые теоретические изучения коллективной памяти, которые мы возьмем в качестве основы для настоящего диссертационного исследования.

Во-первых, как показал теоретический анализ классических работ в области исследований коллективной памяти, мы полагаем, что важнейшим свойством памяти является ее социальная обусловленность. Истоки дискурса *memory studies* в контексте феномена коллективной памяти ученые связывают с именем французского философа и социолога М. Хальбвакса [Halbwachs, *Les cadres sociaux...*, 1925; Halbwachs, *The collective memory ...*, 1980; Хальбвакс, 2007], который раскрыл сквозь призму социологической науки социальную обусловленность коллективной памяти. Он показал, что «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [Хальбвакс, 2007, с. 30]. Индивидуальная память через процессы коммуникации наслаивается на воспоминания других членов сообщества и, тем самым, возникает единое пространство смыслов, скрепляющих общество. Коллективная память, согласно социологической теории памяти М. Хальбвакса, формируется социальной группой, обосновывающей свою идентичность через социальные нормы и ценности относительно своего прошлого.

Первым тезисом для дальнейшего изложения данной работы является утверждение ученого о том, что «коллективные структуры памяти ... являются именно теми инструментами, которые коллективная память использует для воссоздания образа прошлого, который в каждую эпоху соответствует доминирующим мыслям общества» [Halbwachs, *Les cadres sociaux*, p.7], что предполагает наличие: а) коллективных представлений о прошлом, которые могут меняться от эпохи к эпохе, б) образов прошлого, благодаря которым общество хранит воспоминания об ушедших событиях и воссоздает их с помощью тех инструментов, которые актуальны в данную эпоху.

Во-вторых, и это второй важный тезис для данной работы, для памяти характерна локализация, а значит, наличие локализованных в пространстве мест, которые сохраняют и осуществляют репрезентацию образов прошлого.

Впервые понятие «место памяти» ввел в термин известный французский историк П. Нора [Les lieux de mémoire..., 1984-1992]. Под местом памяти он понимает «останки прошлого» или «утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда» [Нора, 1999, с. 26], это объекты материального или нематериального характера, которые с течением времени благодаря усилиям множества людей приобретают символический характер и становятся элементом памяти [Nora, 1996]. По его мнению «память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [Нора, 1999, с. 40], «память порождается той социальной группой, которую она спланирует» [Нора, 1999, с. 40]. П. Нора проводит четкое разделение между памятью и историей, подчеркивая, что «память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим», «память – это абсолют, а история знает только относительное» [Нора, 1999, с. 40].

Соотношение памяти и истории – достаточно актуальный и полемически детерминированный вопрос в гуманитарной науке. Так, американский историк А. Мегилл в своих работах концентрируется на структуре исторического сознания и предпринимает попытку разделить данные понятия в эпистемологических, экзистенциальных, концептуальных контекстах. В частности, он отмечает, что «память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность», и если память не только «воспроизводит прошлое и сохраняет воспоминания, но и трансформирует факты прошлого в зависимости от контекстов настоящего», то история «стремится восстановить события прошлого так, как было на самом деле» [Мегилл, 2009, с. 94].

В-третьих, в рамках культурологического знания особое значение приобретает тесная связь памяти с культурой как системой норм социального взаимодействия и коммуницирования людей [Флиер, 2017, с. 102], обеспечивающей коллективный характер их жизни. Мы полагаем, что для культуры память – инструмент воспроизводства общих для коллектива

значимых смыслов. Культура, как и «смыслотворческая деятельность, неизбежно диалогична», и развивается в рефлексивном пространстве креативных межличностных контактов, опосредованных памятью культуры (культур)» [Ермолин, 2017, с. 282]. Поэтому следует учитывать, что «современной гуманитарной науке свойственно внимание к культуре как к контексту, способу и результату человеческой жизнедеятельности» [Репина, 2011, с. 198], поскольку человек не существует вне культуры.

Третий тезис состоит в том, что память сохраняет наиболее важные для культуры фрагменты прошлого и является, по сути, тем символическим резервуаром, который позволяет оправдывать настоящее и вдохновлять на будущее. Так, канадский философ, социолог Ф. Дюмон в своей работе раскрыл понимание культуры как своеобразного «места человека» через категории дистанцирования и памяти, подчеркнув, что культура, по сути, также является памятью, в которой через связи с окружающим миром нужно жить [Dumont, 1968].

Заметим, что тесная связь памяти с культурой проявляется с семиотической и коммуникативной позиции. По мнению Ю.М. Лотмана, культура в рамках семиотики «представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман, Память в культурологическом освещении..., 1992, с. 200]. Культура всегда опирается на общую для данного коллектива память, то есть на хранимые и актуальные для него смыслы, выраженные в знаковой форме – в виде изображений, слов и так далее.

Память как таковая всегда относительна, как относительны и ценности любого общества. Как считал Ю.М. Лотман, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению» [Лотман, Память в культурологическом освещении..., 1992, с. 200], память — это инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое [Лотман, Внутри мыслящих миров..., 1996, с. 384].

Культура сохраняет прошлое благодаря культурному коду, а также возможности постоянной интерпретации смыслов для каждой новой эпохи. Память обладает и локальной семантикой, что, следовательно, приводит к появлению множества «памятей», сохраняющих воспоминания о данных культурах (территориальных, географических, профессиональных, молодежных и пр.), формирующих свой культурный код, отражающих культурные ценности данного коллектива людей.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, память играет ключевую роль в передаче и сохранении общественных знаний, она вносит свой вклад в формирование культуры, также определяя, как общество вспоминает и понимает свою историю. Ученые подчеркивают, что «память не только отражает культуру, но и активно создает ее, формируя общественные нарративы и образы, которые определяют нашу идентичность и место в мире» [Бергер, 2008, с. 203].

Память, как и культура, динамична по своей сути, она во многом зависит от появления новых идей, веяний, идеалов, изобретений, технологий, отсюда «тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые» [Лотман, Память в культурологическом освещении..., 1992, с. 201]. Какие события попадают в память коллектива? Как отмечает Ю.М. Лотман, мы запоминаем события, которые, как правило, уникальны и единичны, которые мы понимаем как особенные (сюда он относит творчество и, в частности, литературу) [Лотман, Внутри мыслящих миров..., 1996, с. 345].

В качестве иллюстрации к третьему тезису приведем пример работы, раскрывающей особенности силы искусства, которое сохраняет образы прошлого. О такой силе говорит немецкий историк искусства и культуры А. Варбург [Warburg, 2010], который в своем атласе «Менмозина» представил прошлое в виде визуального кода. По его мнению, коллективная память поддерживает человека в его устремлении создать прочную дистанцию с

прошлым, а чтобы создать эту прочность, память поддерживается эстетикой человека, выраженной в произведениях искусства, как способах материально зафиксировать образы, тяготеющие к «уравновешенному созерцанию или к оргиастической увлеченности» [Warburg, 2010, p.629], позволяющие «переживать» эпоху. А. Варбург представил особое отношение к репрезентации воспоминаний через образование пространства, от которого при установлении дистанции «зависит судьба человеческой культуры – либо ее сохранение и развитие, либо ее погружение в хаос» [Фокеева, 2015, с. 186].

В-четвертых, что открывает определенное направление исследований памяти, в рамках *memory studies* ключевым феноменом, сближающим память и культуру, является идентичность. Для каждого из нас существует определенный комплекс воспоминаний, «который помогает нам идентифицировать себя...»; «любые индивидуальные и социальные воспоминания связаны с определенным пространством и временем» [Бегунова, 2019, с. 53]. Говоря иначе, память и идентичность тесно связаны между собой, поскольку идентичность «связана с ощущением длящегося во времени бытия», она укоренена в памяти, а идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти» [Васильев, Культурная память...2015, с. 43].

Именно культура служит способом утверждения «самобытности, идентичности и самореализации народа, этноса» [Гончарова, 2019, с. 16], т.е. является основой для идентификации, которую следует рассматривать «как возможность налаживания социокультурных связей между поколениями, разными социальными группами в обществе, территориями провинции и мегаполисов, разными людьми» [Маршак, 2012, с. 5].

Понятию «культурная идентичность» как явлению, связанному с культурной памятью, посвящена одна из работ российского культуролога К. Разлогова. Он справедливо отмечает, что «культурных идентичностей может быть множество... их может быть несколько и у одного индивида», который оказывается «в составе нескольких принципиально разнопорядковых

культурных общностей или сообществ» [Разлогов, 2015, с. 16]. Веер культурных идентичностей раскрывается через многогранность культуры: от субкультур (молодежных, криминальных, профессиональных со своими ценностями и нормами поведения), до этнических и транснациональных сообществ.

Четвертый тезис состоит в том, что память укрепляет культурную идентичность через воссоздание общих для коллектива воспоминаний и образов прошлого, закрепляя преемственность культурного опыта. В частности, как полагают исследователи, память является «базовым фактором, определяющим национально-культурную идентичность» и «ярче всего это проявляется в переломные эпохи, когда идет трансформация исторического сознания человека и общества» [Бегунова, 2019, с. 53].

В связи с этим, общая память определенной совокупности людей (нации, этноса, народа), имеющего свою историю, культуру и общее прошлое, нередко распадается и составляет мозаику ряда других «памятей», например, субкультурных или территориальных (память региона, города), обладающих собственной идентичностью. Как говорил дагестанский поэт Расул Гамзатов: «в Дагестане – я аварец, в России – дагестанец, а за границей – я русский», подтверждая тем самым тот факт, что отдельные локусы памяти формируют культурную основу для образования разных уровней идентичности.

В-пятых, исследования показывают, что память имеет символическую природу. Для *memory studies* память не просто репертуар актуальных представлений о прошлом, но и способы ее репрезентации в обществе, с которыми сталкивается человек – фотографии, кинофильмы, мемуары, музыка, форумы, фестивали, все то, что создает условия для воображения образов прошлого.

Я. Ассман в своих работах подчеркивал, что память коллектива отличается тем, что имеет символический характер, то есть «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [Ассман,

Культурная память..., 2004, с. 23]. Символическая природа коллективной памяти позволяет объяснить Я.Ассману тот факт, что общества, вырабатывая культуру воспоминаний, продуцируют собственные воображаемые образы, и делают это совершенно по-разному. Поэтому для него важнейшим является вопрос о том – «как общества помнят и как через воспоминание «воображают себя» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 17]. Действительно, память во многом символична. Как отмечает Д.Э. Бараш, символы обладают «коммуникативной силой», благодаря которой структурируется коллективная память за пределами личного опыта; они «придают смысл опыту, обращаясь к глубинной сети метаперсональных воспоминаний» [Бараш, 2014, с. 34].

Пятым тезисом мы предлагаем обозначить память как символический универсум, который, с одной стороны, подчеркивает границы данного сообщества, а с другой – представляет наиболее важные для коллектива значения, опирающиеся на воспоминания о прошлом. По мнению Л.Л. Негоды, «современное значение памяти являет собой символическую форму передачи культурных смыслов» [Негода, 2019, с. 93], которые фиксируются в образах, представляющих собой наиболее ценные для общества фрагменты прошлого опыта и раскрываются через коллективные представления.

В-шестых, и это важный для данной работы тезис, представителями *memory studies* память понимается как динамичный социокультурный конструкт, который может меняться и трансформироваться в зависимости от изменений тенденций современности. Как считает Ю.М. Лотман, «память скорее всего можно себе представить как генератор, воспроизводящий прошлое заново, способность в результате некоторых импульсов включать генерирование мыслимой реальности, переносимой сознанием в прошлое» [Лотман, Внутри мыслящих миров..., 1996, с. 385]. Память – важнейший инструмент преобразования реальности. Когда меняется настоящее, прошлое также меняет свой облик, также, как и тексты как, которые «таят в себе возможности все новых интерпретаций» [Лотман, Внутри мыслящих

миров..., 1996, с. 384]. Память всегда является результатом нашего понимания и репрезентации прошлого, которое мы конструируем, используя самые разные способы, инструменты и механизмы поддержания актуальными те или иные воспоминания.

Мы предлагаем рассматривать процесс конструирования памяти сквозь призму постоянного взаимодействия двух элементов структуры памяти: актуальная (поддерживаемая в обществе) память и латентная (менее объективирована и значима) память. О подобной особенности культурной памяти говорит и немецкая исследовательница мемориальной культуры, культуролог А. Ассман, когда подчеркивает, что память представляет собой противоречивую структуру, «в которой сочетаются, взаимно проникая друг в друга, припоминание и забвение» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 33]. Говоря иначе, по мнению А. Никжентайтиса, существует два типа культуры памяти: память существующая и культурное воспоминание, ранее существовавшее [Никжентайтис, 2012]. В связи с этим, употребление понятия «актуальная память» и «латентная память» будет использоваться именно в данном смысле.

Согласимся с мнением О.Н. Астафьевой, полагающей, что в ситуации сложнейших общественных преобразований история и культура подвергаются серьезным процессам «ревизии» и «пересмотра» [Астафьева, 2015, с. 102]. Общее для коллектива прошлое является не только предметом для его осмысления, но и трактовки особенностей развития настоящего. Как справедливо полагает Н.А. Кочеляева, в отличие от истории, «память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [Кочеляева, 2015, с. 56]. При этом исчезновение памяти «ведёт к смерти культуры, нации, цивилизации» [Беспалова, 2018, с. 14], особенно если опираться на мнение некоторых исследователей, полагающих, что «память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим» [Вельцер, 2005].

В рамках динамики памяти может быть рассмотрена и категория «забвение». Но по мнению А.Г. Васильева, забвение отнюдь не является дефектом, поскольку «функционирование памяти предполагает селекцию запоминаемого материала, отбор важного и вытеснение неактуального или болезненного опыта» [Васильев, Культурная память..., 2015, с. 37]. Забвение, как полагают ученые, «становится частью того процесса, в ходе которого конструируются вновь оформленные воспоминания» [Connerton, 2008, с. 63].

Между тем, совокупность разных представлений о прошлом может перерасти в конфликты памяти, которые множатся в периоды разлома и смены эпох, в моменты культурной травмы, в процессах поиска культурного основания коллективной памяти, когда латентные слои памяти могут переходить в актуальные, например, в рамках стремления к самобытности при «межнациональной и межрелигиозной напряжённости» [Панибратцев 2019, с. 110]. По мнению ученых, конфликты различных сообществ относительно видения прошлого ограничивают возможности реконструировать это прошлое в соответствии с теми или иными интересами [Schudson, 1989, с. 109]. С другой стороны, общая для определенного круга людей память позволяет найти единые культурные основания, придать процессам идентификации устойчивость, укрепить традиции, объясняя настоящее через сакральность образов прошлого, выступающих в данном случае как культурный образец.

В данном контексте существуют и целое направление исследований - политика памяти, задающая векторы конструирования образов прошлого. Современные исследователи определяют ценностное и нормативное отношение к памяти в виде «совокупности вариантов использования обществом исторического прошлого различными способами и в самых разных целях» [Hockerts, 2002, с. 41]. Память сегодня является важнейшим социокультурным фактором политики нации, государства, этноса, города, региона. В условиях задачи сохранения культурного кода, память воспринимается как фактор непрерывности и преемственности культуры

сообществ, поэтому политика памяти или мемориальная политика [Ярычев, Мемориальная культура..., 2022] все чаще воспринимается сегодня как условие для безопасности культуры. Как отмечает О.Ю. Малинова, восприятие угроз безопасности формируется не «историей», как объективной аналитической реконструкцией событий прошлого, а социально разделяемыми представлениями о нем [Малинова, Стратегическая культура и фреймы..., 2018, с. 76]. Поскольку с позиции памяти прошлое рассматривается с «оглядкой» на настоящее, то память напрямую зависит от эпохи и уникальна для каждого периода истории [Мясникова, 2022, с. 15], тогда как действия по сохранению прошлого и его актуализации для современников являются частью системы ценностей данного сообщества.

Таким образом, наш обзор проблематики культурной памяти позволяет отметить, что феномен «память» как ключевое понятие *memory studies* открывает определенный научный взгляд на явления культуры сквозь призму символической связи между коллективами людей и их воспоминаниями о прошлом, и становится академическим маркером современности, фиксируя ценность образов прошлого для настоящего.

В рамках *memory studies* объектом исследования является надындивидуальная память, которая имеет коллективный характер и обладает определенными свойствами и структурой, осуществляя связь между прошлым и настоящим через образы и прочие символические средства, способные фиксировать и осуществлять репрезентацию смыслов. Несмотря на то, что память может существовать только на индивидуальном уровне, общность коллективных воспоминаний предполагает возможность бытия надындивидуальной памяти. Память объединяет коллективы людей, которые функционирует на основе общей культуры, социальных норм и общего прошлого.

Концептуальный «разброс» в исследованиях *memory studies* актуализирует культурологическую парадигму исследований памяти, которая способна систематизировать разнородные явления в определенную логику

исследования исходя из разных призм и категорий (например, из ценности памятных мест и образов, практик символизации прошлого, культурных кодов). Для того, чтобы четко задать контуры теоретического фундамента настоящей работы, мы выявили шесть ключевых тезисов, которые будут определяющими «маяками» для нашей исследовательской позиции.

На основании вышеизложенного, ключевыми векторами культурологического анализа памяти в рамках *memory studies* являются следующие аспекты:

- социальная обусловленность памяти скрепляет сообщество, представляя собой единое пространство смыслов, образованных на общих для коллектива воспоминаниях о прошлом через процессы коммуникации;

- локализация памяти обеспечивает наличие в социальном и культурном пространстве мест памяти, которые сохраняют и осуществляют репрезентацию образов коллективного прошлого;

- память для культуры является инструментом воспроизводства значимых для коллектива смыслов, позволяющих сохранять наиболее важные фрагменты прошлого благодаря культурному коду, а также возможности постоянной интерпретации смыслов для каждой новой эпохи; существует не одна, а множества «памятей», каждая из которой хранит воспоминания той или иной культуры, что отражается в локальной семантике пространств;

- память является социокультурной основой для идентификации людей, объединенных общим прошлым, хранящих самобытные образы, которые позволяет осознавать членам сообщества уникальность коллектива, осмыслять отличие от других и укреплять символические связи между поколениями людей на основе сопричастности к данному сообществу;

- память символична, она представляет собой символический универсум, который хранит репертуар актуальных представлений о прошлом через посредников, с которыми сталкивается человек – фотографии, кинофильмы,

мемуары, музыка, форумы, фестивали – все то, что создает условия для воображения образов прошлого;

- память представляет собой социокультурный конструкт, который может меняться в зависимости от изменений современности, память – важнейший инструмент преобразования реальности, она всегда является результатом нашего понимания и репрезентации прошлого; память конструируется, поскольку сочетает в себе два элемента внутренней структуры: актуальная (поддерживаемая в обществе) и латентная (менее объективирована и значима).

1.2. Типы коллективной памяти: социальная, историческая, культурная

Основываясь на теоретических представлениях об исследовании культурной памяти, приведенных выше, отметим, что в изучении памяти объектом, прежде всего, выступает надывидимая память, которую принято называть коллективной, то есть принадлежащей тому или иному коллективу (в широком смысле этого слова), который имеет общую культуру и собственное прошлое.

С целью определения понятия «культурная память» и выявления его корреляций с понятием «коллективная память», а также для теоретического отделения культурной памяти от смежных понятий в *memory studies* («историческая память», «социальная память»), в данном параграфе акцентируем внимание на наиболее дискуссионном вопросе, связанном с определением ключевых понятий, которые используют ученые, исследующие различные практики, связанные с коллективной памятью.

Мы провели анализ тех понятий, которые используют ученые в своих исследованиях, связанных с коллективной памятью, и установили, что наибольшее внимание гуманитариев сконцентрировано на таких понятиях, как «историческая память», «социальная память» и «культурная память».

Как показал наш анализ, среди исследователей нет четкого разделения этих понятий. Поэтому мы солидарны с мнением Н.У. Ярычева, который констатирует отсутствие в рамках *memory studies* «конвенционального понимания сути того, что разные ученые называют коллективной, социальной, исторической или культурной памятью» [Ярычев, Актуальные мемориальные исследования..., 2021, с. 24].

Важно подчеркнуть, что понятия коллективной, социальной, исторической, культурной памяти исследователи либо не разделяют, либо по-разному понимают. Так, С.С. Соковиков предлагает использовать понятия «историческая память и коллективная память как синонимичные, поскольку любые горизонты образов прошлого так или иначе историчны – от индивидуальных «летописей» до общесоциальных исторических меганарративов» [Соковиков, 2014, с. 32].

Вследствие неоднозначной трактовки понятий социальной, исторической, культурной памяти, ученым не только требуется постоянное определение контекстов и позиций, которые бы обеспечивали эффективную научную дискуссию, но и учитывать, что терминологическая неясность часто приводит к игнорированию результатов исследований, которые «окрашены» в другие концептуальные рамки. Важно интегрировать общие для *memory studies* достижения науки в единый мемориальный дискурс, что требует единых теоретико-методологических оснований, или, как минимум, пересмотреть «свои изыскания на предмет их соответствия не только международным научным стандартам, но ... социальным реалиям, также учитывая всю многослойность» памяти как объекта исследования и междисциплинарные подходы к ее изучению [Николаенко, 2016, с. 125].

Во-первых, мы полагаем, что социальная, историческая и культурная память, несмотря на то, что сформировались в рамках разных теорий, «ориентированы на осмысление надывидуального измерения памяти» [Мысливец, 2018, с. 69].

Во-вторых, по-нашему мнению, коллективная память является объединяющим термином для понятий «историческая память», «культурная память», «социальная память», поскольку каждое из этих понятий имеет отношение к тому или иному коллективу людей, который формируют свои воспоминания, однако исследуются эти процессы в разных теоретических плоскостях.

В связи с этим, в данном параграфе раскроем особенности понятий «историческая память», «культурная память», «социальная память», используемые учеными как синонимы.

а) Историческая память.

Как считает Л.П. Репина, «изучение исторической памяти на рубеже XX – XXI вв. прочно утвердилось в качестве самостоятельного исследовательского направления» [Репина, 2011, с. 194]. Историческая память изучается посредством «анализа и инструментов исследования исторического сознания, его структуры и функций в обществе, где последнее представляется формой осознания прошлого сквозь призму современности, а историческая память содержанием как совокупности представлений о прошлом» [Репина, 2011, с. 195].

С другой стороны, нередко исследователи достаточно прямолинейно определяют историческую память как «конкретные исторические события» [Негода, 2019, с. 95]. Но в этом случае историческая память приобретает близкие по значению коннотации с историей, призванной представлять объективно прошедшие исторические события. В рамках исторической памяти, как полагают ученые, «должен состояться процесс установления и объяснения учеными фактов истории (процессов, событий и героев)» [Тишков, 2018, с. 5], то есть должна быть представлена та или иная версия коллективного прошлого.

Е.В. Романовская считает, что сегодня «главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников,

транслировался непосредственным потомкам, реставрировался в последующих поколениях, подвергался проверке и коррекции» [Романовская, Морис Хальбвакс: культурные контексты..., 2010, с. 41]. Однако такая позиция характерна скорее для коллективной памяти как совокупности представлений о прошлом того или иного сообщества, и в то же время, такая позиция неминуемо сближает историческую память с понятием «культурная память». Более того, как считает А.В. Буганов, и это вновь апелляция к культурной памяти, «в историографии под исторической памятью чаще всего понимают одно из измерений индивидуальной и коллективной (или социальной) памяти – как память об историческом прошлом, по сути – символическую репрезентацию прошлого» [Буганов, 2018, с. 53].

В связи с этим, в отечественных исследованиях понятия культурной и исторической памяти нередко применяются как синонимы. Такое положение можно объяснить тем, что «изучение культурной памяти в России началось относительно недавно, потому отсутствует сколько-нибудь устоявшийся терминологический аппарат» [Бегунова, 2019, с. 53]. Однако определенные отличия исторической от культурной памяти все же присутствуют. Существует справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что историческая память «формируется исследовательскими профессиональными сообществами и существует, прежде всего, в институциональных формах» [Бегунова, 2019, с. 53].

б) Социальная память.

Социальную природу коллективной памяти и социальные рамки ее функционирования впервые обосновал, как говорилось выше, М. Хальбвакс [Хальбвакс, 2007], чья работа впервые вышла практически сто лет назад, в 1925 году. Но приобрела она свою популярность в научном дискурсе лишь к концу XX века, и сегодня исследователи нередко используют данный концепт как ведущий в исследованиях коллективных форм памяти. Как подчеркивает В.А. Шнирельман, «правильнее говорить не о коллективной, а о социальной памяти, имея в виду огромную роль социального фактора в

формировании у нас образов прошлого» [Шнирельман, 2018, с. 14], с опорой на ряд исследований в данном направлении [Fentress 1992, Tonkin 1992, Weissberg, 1999, Cattell, 2002], которые используют понятия и «социальная память», и «культурная память».

С другой стороны, как отмечает Л.Л. Негода, следует отличать от исторической социальную память «которая сохраняет явления социального характера: особенности повседневной жизни, праздников и традиций, образ жизни, настроение и психическое состояние людей, образ месторасположения, состояние социальных институтов, власти людей и т.п.» [Негода, 2019, с. 94]. Поскольку «социальная память является элементом социальной структуры общества, одной из составляющих социальных институтов, она становится внешней относительно отдельных индивидов» при ценностно-символической реконструкции прошлого в настоящем [Негода, 2019, с. 94].

Отметим, что, когда ученые говорят о социальной памяти, они акцентируют внимание на тех аспектах, которые связаны с её ролью в социальной динамике, в «регулировании процессов социализации и статусно-ролевых отношений в обществе, укреплении социальной интеграции и солидарности». Вместе с тем, подобные функции отмечают и ученые в рамках исследований об исторической памяти как о «важнейшем факторе консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов» [Тульчинский, Историческая память..., 2015, с. 26]. В связи с этим, ученые, по сути, отождествляют историческую и социальную память.

Как следует из обозначенных дефиниций, целостность социальной памяти обеспечивается не суммой индивидуальных воспоминаний, а тем, что разделяется всеми, т.е. прошлым коллектива, которое синтезируется в целостную картинку, которое детерминирует определенные стереотипы, оценку событий настоящего на основе отношения к прошлому. Подобная трактовка вновь связана культурной памятью и культурой в целом, как и

утверждения ученых о социальной памяти, где «представления о прошлом всегда культурно окрашены» [Шнирельман, 2018, с. 15].

в) Культурная память.

Наряду с теми типами коллективной памяти, которые мы привели выше, особое значение для нашего исследования имеет культурная память, дефиницию которой впервые научно обосновал и ввел в исследовательскую практику Я.Ассман на основе изучения древних культур в одной из своих первых работ.

Для того, чтобы дифференцировать культурную память, Я. Ассман отделил ее от памяти коммуникативной.

По Я. ААссману, коммуникативная память живет в контексте повседневных взаимодействий людей, это непосредственная память, передаваемая от отцов и детям, которая хранит живые воспоминания о событиях прошлого. Она «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым..., которые человек разделяет со своим и современниками» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 54], она постоянно обновляется с уходом помнящих.

Тогда как культурная память «направлена на фиксированные моменты в прошлом... в ней прошлое также не может сохраняться как таковое» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 54], «прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 54]. Культурная память, и это отличает ее от коммуникативной, «есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 54]. Она более формализована, семиотически фиксирована в носителях (памятники, церемонии, музейные экспонаты, обряды, праздники) и возникает как ответ на потребности общества сохранять и транслировать общее прошлое. Особенности этого типа памяти основаны Я. Ассманом на положениях Ю.М. Лотмана, что подтверждается во многом акцентом на символической составляющей культурной памяти.

Культурная память – это результат представления общества о себе, по сути, это социокультурный конструкт, имеющий конвенциональный характер, определяющий отношение к прошлому. Как справедливо полагают исследователи [Шнирельман, 2018, с. 15], память любого коллектива является фундаментом его самосознания и этот факт трансформирует исторические события в культурный конструкт [Tonkin, 1992, pp. 118-131].

По мнению А. Ассман, воспоминание «задействует три компонента: нейронные структуры, социальную интерактивность и символических посредников» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 223]. Для того, чтобы выявить сущность культурной памяти, А. Ассман вводит понятие «уровень памяти», где для каждого из трех уровней памяти характерны определенные доминирующие компоненты: нейронные структуры, социальная интерактивность и символические посредники. Исследовательница отмечает:

- «нейронная память стимулируется как социальной коммуникацией, так и материальными носителями информации в виде слова или изображения» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 223];

- социальная память обеспечивается социальной коммуникацией, она «формирующаяся и поддерживающаяся благодаря межличностным контактам и речевому общению», характеризует социальную группу, которая имеет общие воспоминания и обменивается информацией о своем прошлом [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 223];

- культурная память функционирует, прежде всего, благодаря символическим медиаторам, она «покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы ... обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 31].

В связи с этим, вслед за А. Ассман мы будем понимать социальную память как память социальной группы, объединенной общей коммуникацией

и межличностными связями, которая имеет общие воспоминания, поддерживающиеся именно благодаря непосредственному взаимодействию внутри социальной группы. В качестве примера приведем социальную память корпорации, образовательного учреждения, или память субкультуры.

Как подчеркивает А. Ассман, важно также отделять данные уровни памяти по времени сохранности воспоминаний. «Если социальная память оказывается вновь и вновь преходящей вместе с людьми, которые служат ее носителями, то культурные символы и знаки становятся долговременной опорой» [Ассман, *Длинная тень прошлого...*, 2014, с. 32], «культурная память, базирующаяся на таких внешних медиаторах, как тексты, изображения, монументы и ритуалы, не имеет временных границ, для нее характерны многовековые периоды» [Ассман, *Длинная тень прошлого...*, 2014, с. 32].

По мнению ряда исследователей, многие черты, которые были обозначены в рамках концепта «историческая память» или «социальная память» нередко относятся и к культурной, об этом было сказано выше. Вместе с тем, как считает Г.Е. Гун, «в 1990-е гг. вводится понятие «культурной памяти», в котором зафиксировано социокультурное её измерение, акцентирована взаимосвязь культуры и социальной жизни в исторической перспективе», что «переориентировало традиционную проблематику социогуманитарного знания в направлении историко-мемориальной парадигмы» [Гун, 2018, с. 83].

Культурная память опирается на сконструированную коллективом людей матрицу воспоминаний, будь это страна, этнос или город, оформленных в различных символических средствах, хранящих и транслирующих образы коллективного прошлого.

Следовательно, приведенный анализ трех типов коллективной памяти (историческая, социальная, культурная), показал сложные терминологические и концептуальные отношения понятий внутри *memory studies*. Именно поэтому мы согласимся с тем, что сегодня в науке нет

«четких определений понятий «культурная память» и «историческая память»...», содержание этих терминов ученые наполняют неоднозначными категориями, такими, как миф, традиция, ритуал; события, произошедшие в прошлом человека и общества, и т.п.» [Бегунова, 2017, с. 54]. Такие понятия, как «историческая и культурная память», используются нередко в последнее время, «когда речь заходит об использовании образов прошлого в общественной жизни» [Никжентайтис, 2012, с. 19]. Такое разнообразие мнений при изучении одних и тех же процессов усложняет обмен опытом и ограничивает широту научных изысканий.

Данная ситуация, как мы полагаем, есть следствие самой логики формирования направленности исследований памяти исходя из разных дисциплинарных областей. Поскольку исследование процессов формирования представлений о прошлом, конструирование этого прошлого и репрезентация в настоящем предпринимается историками, социологами, политологами, культурологами, философами, и каждый из них руководствуется сложившийся в данной науке методологией познания и теоретическими рамками. Отсюда возникает несколько направлений, которые мы можем фиксировать через анализ ключевых концептов. Так, П. Бурк в одной из своих работ, посвященных коммеморации, пишет, что результаты его исследования играют важную роль в формировании того, что «когда-то называлось «народной памятью», а теперь описывается либо как «социальная», либо как «культурная» память» [Burke, 2012, с. 106]. Он отмечает: «следуя А. Ассманн, я буду различать эти два термина, связывая их с двумя научными традициями, одна из которых немецкая, а другая французская» [Burke, 2012, с. 106]. Действительно, французская традиция исследований коллективных форм памяти, начатая еще М. Хальбваксом, получила в дальнейшем развитие в концепте «социальная память», чему во многом способствовал социологический фундамент подобных исследований, тогда как немецкая существовала скорее в культурологическом контексте (Я.

Ассман и А. Ассман), что и предопределило концептуальные рамки данных исследований, связанные с понятием «культурная память».

Тем не менее, разнообразие трех типов памяти объединяет коллективная память как память любого сообщества, объединенного общей историей, культурой, социальными рамками и структурами - от небольших сообществ (субкультуры) до глобальных (транснациональных). По мнению некоторых исследователей, коллективная память во многом похожа на культурную, историческую, социальную, но каждая из них несет свой контекст [Чернецкая, 2022], а коллективная память объединяет эти понятия. Коллективный тип памяти позволяет объяснять специфику разных культурных идентичностей – от субкультур до наций, где каждое из сообществ стремится сформировать свой образ прошлого, который бы стал фундаментом религиозной, этнической, городской и прочих типов идентичности.

В завершении данного параграфа отметим, что для нашего исследования мы будем использовать понятие «культурная память», и оно не сводится к понятиям исторической, социальной, а также к иным понятиям, трактовка которых нередко является весьма приближенной к культурной памяти. Так, среди них историко-культурная память как «условие сохранения национальной идентичности» [Гончарова, 2022, с. 136] или публичная память, т.е. «продукт социума, который возникает в результате «селекции, интерпретации и определенного искажения (погрешности) относительно фактов прошлого» [Брагина, 2007, с. 229].

Таким образом, обобщая вышесказанное, подчеркнем, что в рамках *memory studies* отсутствует теоретическое закрепление и разделение понятий «историческая память», «социальная память», «культурная память». Данные типы коллективной памяти являются наиболее значимыми в науке концептами, которые используют ученые, когда проводят исследования коллективной (надындивидуальной) памяти.

Коллективная память обеспечивается не только суммой индивидуальных воспоминаний, разделяемых членами коллектива общим прошлым, интегрирующим отдельные воспоминания в единый континуум. Историческая, социальная, культурная память часто используются в гуманитарной науке как синонимы, поскольку связаны с коллективной памятью и исследованием процессов использования образов прошлого в настоящем. Однако осмысляются данные феномены на основе разных теоретических оснований и методологии познания, что усложняет научную коммуникацию.

В результате концептуального разделения трех типов коллективной памяти, мы установили следующее:

- историческая память как один из типов коллективной памяти понимается исследователями в противопоставлении к понятию «история» и в целом сводится к образу или представлениям о прошлом у современников, который может корректироваться профессионалами и реализоваться в институциональных формах – что во многом сближает историческую память с культурной;

- социальная память как один из типов коллективной памяти понимается учеными как элемент социальной структуры, объединяющий в себе большой круг общественных и культурных явлений, участвующих в формировании образов прошлого при ценностно-символической реконструкции коллективных воспоминаний и в социальной интеграции, что тесно связано с понятиями культурной и исторической памяти; следуя за А. Ассман мы понимаем социальную память как память социальной группы, объединенной общей коммуникацией и межличностными связями, которая имеет общие воспоминания, поддерживающиеся благодаря непосредственному взаимодействию внутри социальной группы;

- культурная память предполагает наличие сконструированной коллективом людей матрицы воспоминаний (страна, этнос, город) в различных символических средствах, хранящих и транслирующих образы

коллективного прошлого, которые являются основанием для самосознания сообщества; культурная память формализована и институциональна в процессах фиксации и трансляции коллективного прошлого, который семиотически отражен в носителях (памятники, церемонии, музейные экспонаты, обряды, праздники) и возникает как ответ на потребности коллектива сохранять и транслировать значимые для сообщества воспоминания.

Поскольку исследование процессов формирования представлений о прошлом, конструирование этого прошлого и репрезентация в настоящем предпринимается историками, социологами, политологами, культурологами, философами, и каждый из них руководствуется сложившейся в данной науке методологией познания и теоретическими рамками, то возникает несколько направлений, которые мы можем фиксировать через анализ ключевых концептов – историческая память, социальная память, культурная память.

1.3. Культурная память как объект культурологического исследования

Как было отмечено нами выше, феномен культурной памяти является весьма значимым для исследователей, однако его концептуальное поле является неоднозначным, в том числе, вследствие применения его в разных контекстах гуманитарного знания. Как полагает А. Ассман, «за последнее десятилетие память была признана ведущей концепцией культурологии, количество книг и эссе, появившихся на эту тему, уже заполняет целые библиотеки... дискурс памяти быстро расширяется ... существует все большее число различных подходов к культурной памяти, которые существуют бок о бок, не обращая особого внимания друг на друга» [Assman, *Re-framing Memory...*, 2012, с. 35].

Между тем, в рамках данной работы основополагающим методологическим фундаментом при исследовании культурной памяти,

исходя из культурологической парадигмы, являются теоретические положения немецкой научной школы (Я. Ассман, А. Ассман). Что касается методов исследования, то работа данная предполагает опору на семиотический способ понимания и изучения культурной памяти (Ю.М. Лотман), специфика которого частично была раскрыты в предыдущих параграфах данной главы. Находясь на данной позиции и синтезируя имеющийся опыт анализа культурной памяти в последние десятилетия, определим концептуальные рамки данного понятия с целью формирования ключевых теоретических положений, которые будут определять сущность и направления исследования культурной памяти города.

Для выявления сущностных характеристик феномена «культурная память» и определения ее концептуальной основы возьмем за основу понятие «концепт», который Ю.С. Степанов понимает как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2004, с. 43]. Ученый опирается на три основных слоя при анализе любого концепта – актуальный слой (понятийное ядро), ключевые смыслы дополнительный слой. В связи с этим, экстраполируя данный алгоритм в культурологические исследования, выявим следующие смысловые слои понятия «культурная память»:

- понятийное ядро концепта;
- ключевые смыслы концепта (выявление сущностных черт, характерных признаков данного понятия как части реальности);
- дополнительные коннотации исследуемого концепта (в функциональном, структурном, типологическом и иных контекстах).

а) Понятийное ядро концепта «культурная память»

Концепт «культурная память» появился в науке в 80-х годах прошлого столетия после выхода трудов Я. Ассмана. Историк культуры изначально вводит данное понятие для того, чтобы описать динамику в принципах сохранения общего прошлого для коллектива, в средствах хранения и передачи смыслов и их носителей как обобщающее понятие «для функциональных рамок, описываемых выражениями «складывание

традиции», «обращение к прошлому», «политическая идентичность, или политическое воображение» [Ассман, Культурная память... 2004, с. 22].

В своих работах он ссылается на А. Ассман, которая так описывает предметное поле культурной памяти: «консервация следов, архивирование документов, коллекционирование произведений искусства и антикварных предметов...» [Ассман, Новое недовольство..., 2016, с. 25] и многое другое. Культурная память, как она полагает, держится на опыте и знаниях, которые отделены от человека с помощью специальных носителей и знаков. Следовательно, «воспоминания сохраняются и за пределами отдельных поколений», а «развоплощенные и вневременные смыслы культурной памяти должны быть заново состыкованы с живой памятью и усвоены ею, ...усваивая эти смыслы и свободно идентифицируя себя с ними, индивидуум осуществляет наряду с персональной и социальной свою культурную самоидентификацию» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 31-32].

Между тем, дискурс культурной памяти приобретает в современной гуманитарной науке все большую популярность. Научный и общественный интерес к культурной памяти подтверждается не только мемориальным бумом в исследованиях, но и большим количеством культурных практик, так и иначе связанных с памятью, например в «театральных, кино- и песенных ремейков и ремиксов, набирающих популярность медийных продуктов, в основе которых лежит идея реанимации прошлого» [Зубанова, 2022, с. 49].

Сегодня культурная память понимается как один из типов коллективной памяти, позволяющий осмыслять членам сообщества непрерывность и преемственность своей культуры, осознавать собственную идентичность. Коллективный характер культурной памяти предполагает опосредованность фиксации и трансляции смыслов, которые переносят значения прошлого в символических средствах и, прежде всего, в вербальных системах (например, язык) и визуальных (например, живопись или скульптура).

Между тем, понятие «культурная память» далеко не так однозначно, как может показаться с первого взгляда, и каждый исследователь дает свое определение, акцентируя внимание на тех или иных аспектах, которые актуализируются в различных направлениях исследования культурной памяти. В частности, существуют развернутые определения культурной памяти, в которых авторы справедливо подчеркивают определенные особенности данного феномена. Так, И.В. Малыгина отмечает, что культурная память – это «особая форма дискурса, в рамках которого происходит концептуализация судьбы и коллективного опыта народа путем ... интерпретации и ре-интерпретации знаковых событий прошлого, обладающих конвенциональным значением и формирующих образы идентичности этнокультурного сообщества» [Малыгина, Феномен «memoria»..., 2020, с. 443], который удерживает как достижения, так и культурные травмы. По мнению М.Л. Шуб культурная память – это «относительно устойчивая система значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, порождающая определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы, проявляющаяся в ритуально-праздничных и коммеморативных практиках и имеющая искусственно формируемый характер, интегративные свойства и идентификационный потенциал» [Шуб, Социальная, коллективная и культурная..., 2017, с. 6].

С другой стороны, ряд исследователей дают более широкую, уже не описательную, трактовку понятия «культурная память», которая также имеет место быть. В этом случае культурная память понимается как «результат взаимодействия прошлого и настоящего в социально-культурном контексте» [Eriq, 2008, p. 2]. Или, как отмечает Л.П. Репина, «культурная память понимается как непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством реконструкции своего прошлого» [Репина, 2011, с. 200]. Она обращает внимание на важность того, что культурная память, исходя из положений Я. Ассмана, имеет

реконструктивный характер, говоря иначе, не просто хранит образы прошлого, а транслирует такие смыслы, которые актуальны для настоящего времени.

Наконец, согласимся с А. Никжентайтисом, который полагает, что культурная память - это «определенные постоянно акцентируемые в обществе сюжеты и образы прошлого, при помощи которых общество создает и укрепляет свое самосознание, характеризует себя как отдельную группу» [Никжентайтис, 2012, с. 17]. Заметим также, что прошлое переживается в культурных практиках, вызывающих воспоминание у членов сообществ на когнитивном или эмоциональном уровне.

2. Ключевые смыслы концепта «культурная память»

К ключевым смыслам концепта «культурная память» мы относим такие, как символичность, коммеморация, социокультурная динамика, декларация ценностей прошлого, локализация, которые раскрывают ее сущностные характеристики, проявляясь в реальной жизни, а на концептуальном уровне позволяют идентифицировать данный феномен и отделять от смежных понятий.

а) *Символическая природа культурной памяти* вызывает высокий уровень формализации, поскольку, говоря словами Я. Ассмана, она выражается с помощью символических средств – памятники, церемонии, памятные места, даты [Assmann, Cultural memory..., 2011, p. 22]. Поскольку культурная память функционирует по отношению к большим коллективам (в том числе, этнос или город), то для связи каждого из членов такого коллектива с общими для них воспоминаниями требуются символические медиаторы, которые не имеют, говоря словами А. Ассман, временных границ. «Монументы и памятники, годовщины и ритуалы из поколения в поколение ... дают возможность последующим поколениям, не имеющим соответствующего собственного опыта, причаститься к общему воспоминанию» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 28]. Объективированные культурные смыслы в виде знаковых форм (вербальных,

визуальных, перформативных, аудиальных) мы называем носителями культурой памяти как посредниками между человеком и фрагментами прошлого, ключевая функция которого состоит в аккумуляции и трансляции образов прошлого. Носители культурной памяти (тексты, сооружения, ритуалы, праздники) фиксируются и проявляются в повседневной реальности, и одновременно за счет символической составляющей содержат смыслы, передающие воспоминания о прошлом.

б) *Культурная память сохраняет свою значимость для сообщества благодаря постоянной актуализации смыслов или коммеморации*, которая, как полагают исследователи, представляет собой процесс по «увечиванию памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат» [Романовская, Идентичность и коммеморация..., 2015, с. 82]. Коммеморация присутствует «в широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти» [Шуб, Современные коммеморативные практики..., 2016, с. 81]. По мнению Я. Ассмана, для культурной памяти необходима некая внешняя область, «куда сообщения и информация – культурный смысл – могли бы выноситься на хранение, а также формы этого вынесения (кодировка), сохранения и вызывания обратно... для этого необходимы особые учреждения, специалисты, и, как правило, также системы нотации» [Ассман, Культурная память ..., 2004, с. 22].

Коммеморация не дает забвению одержать верх над коллективными воспоминаниями, позволяет сохранять символическую связь между людьми и образами их совместного прошлого, поддерживать память в актуальном состоянии. Благодаря коммеморации отдельные культурные смыслы являются значимым для современников – мы их помним и ценим. Праздники, форумы, переименование улиц, выпуск репортажей или кинофильмов – все эти коммеморативные практики «заставляют людей вспоминать и эмоционально переживать знаковые исторические события, причем в той

версии, которую им предлагают организаторы» [Шнирельман, 2018, с. 13]. Институциональный характер коммеморации позволяет обеспечить широту охвата актуализации образов прошлого через культурные практики, в которые включены учреждения культуры, образования, просвещения и пр. (театры, студии, архивы, музеи, киноиндустрия). По мнению А. Никжентайтис, «специфическая черта культурной памяти ее институционализм и ритуализм», которые осуществляются не только путем политического регулирования (например, через установление праздников), «но и через заказ на исследования, медиа-повестку, а также создание специальных институтов» [Никжентайтис, 2012, с.18].

в) *Культурная память представляет собой социокультурный конструкт, поскольку она динамична, т.е. способна меняться, а репертуар коллективных воспоминаний во многом зависит от воздействий тех или иных факторов (действующих стихийно или целенаправленно). По мнению А. Ассман, во многих культурах нередко создавались специальные символические средства для того, чтобы накопить и прочно закрепить в памяти определенные знания, увековечить их, что объясняется значимостью традиций и наследия. Соответственно, «заменяя указанные термины понятием «культурная память», мы демонстрируем динамику воспоминания и забвения, «которая всегда присутствует в культуре... обеспечение сохранности неизменно подразумевает свою противоположность – отбор, отбрасывание и уничтожение, а также более мягкие формы забвения: пренебрежение, деформацию и потерю» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 32].*

Поскольку мы понимаем культурную память как социокультурный конструкт, то она зависима от различных факторов, благодаря которым событие коллективного прошлого можно либо отдать забвению, либо актуализировать. Как отмечал Ю.М. Лотман, «смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут» [Лотман, Память в культурологическом освещении ..., 1992, с. 201]. Свойство динамики культурной памяти заставляют придавать

проблеме ее формирования особое значение, акцентировать внимание на закономерностях и условиях, механизмах образования актуальных коллективных воспоминаний.

г) Культурная память, как следует из предыдущего пункта, по сути, *представляет собой определенный способ декларации значимых для современников ценностей прошлого*, нередко путем сакрализации прошедших событий с целью повышения их ценности в современных условиях. Культурная память живет в носителях, которые «рассказывают» современникам о героях, о событиях, подвигах, трагедиях и победах, передавая тем самым ключевые смыслы прошлого, составляющие культурный код, влияющий на сознание членов сообщества и их отношение к настоящему, которые скрепляют общество. Поэтому культурная память тесно связана с творчеством, и «чем глубже, сложнее и многообразнее эти связи, тем более оригинальные результаты могут быть получены... память, в свою очередь, является творческой силой и выступает механизмом хранения и создания культурных смыслов и ценностей» [Васильев, Феномен творчества в контексте..., 2013, с. 229]. Культурная память является резервуаром наиболее значимых, нередко сакральных для сообщества образов прошлого, выраженных визуально, вербально, аудиально, перформативно, в традициях и памятных датах. В качестве примера такого процесса служат исследования Т.И. Ерохиной, раскрывающей способы сакрализации памяти событий, связанных с Великой Отечественной войной [Ерохина, Сакрализация культурной памяти..., 2021] (в частности, сакрализация памяти в кинематографе через репрезентацию ряда мифологем - от подвигов до мест памяти войны).

д) Для культурной памяти характерна локализация, то есть память всегда оставляет следы в качестве мест памяти в пространстве, так или иначе присутствуя в современной реальности, поскольку память связывает человека и пространство через материального посредника. К местам памяти французский историк П. Нора относил весьма широкий диапазон объектов –

от институтов (музей или архив), где хранятся смыслы, передающие фрагменты прошлого до монументальных или символических мест (архитектура, места паломничества), являющихся негласными свидетелями прошедших эпох, сражений, побед, событий [Нора, 1999]. Причем, как метко отмечают современные исследователи, места памяти – это не столько локальный объект или часть пространства, которые заняты человеком, вещью, сколько центр ощущаемой человеком ценности прошлого [Tuan, 1991, pp. 684-696].

3. Дополнительные смыслы концепта «культурная память»

Как мы отметили ранее, дополнительные смыслы концепту придает функциональный срез феномена и анализ его структурных компонентов, который также во многом определяет смысловое наполнение концепта.

В связи с этим, во-первых, рассмотрим функции культурной памяти, на которые чаще всего обращают внимание исследователи. К функциям культурной памяти относятся:

- интеграция коллектива (общие воспоминания объединяют коллектив в единое целое на основе осознания важности образов прошлого, которые члены сообщества эмоционально переживают или когнитивно усваивают, когда слышат, видят, читают одни и те же тексты, формирующие общие представления о данном сообществе, и чем ярче памятные моменты, чем больше они подкреплены культурными практиками в настоящем, тем выше уровень интеграции);

- идентификация членов сообщества (идентификация культурной принадлежности к конкретному сообществу происходит на основе осознания различий с другими сообществами, в том числе, через уникальные фрагменты общего прошлого, маркирующего культурные границы коллектива, а также на основе отождествления с ним членов сообщества, что влияет на ощущение причастности, в том числе, и к территории, месту, поколениям);

- легитимация политических действий (память нередко служит инструментом оправдания политического курса, государственных решений, которые осуществляются на примере опыта прошлого, подтверждения законности проявления действий власти; в данном процессе используются определенные версии прошлого как факторы обоснования властью своих действий, в результате чего нередко наблюдаются явления «борьбы памятей» или «контр-памяти»);

- культурная преемственность поколений (память позволяет сохранить и передать следующему поколению культурный код, в основе которого лежат ценности прошлого – уникальные знания, смыслы, идеи в текстах, творчестве, традициях, монументах, что служит «воскрешению в памяти обосновывающего прошлого» [Ассман, Культурная память..., 2004, с.55] через воспоминание и обращение к образам прошлого, которым «присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности» [Ассман, Культурная память..., 2004, с.55]);

- культурная связь прошлого и настоящего (оглядываясь на прошлое, человек осознает ощущение временной протяженности, историчности того коллектива, с которым он себя идентифицирует, понимает социальную и культурную важность общих воспоминаний, поскольку культурная память «всегда выступает осмыслением и связью между прошлым, настоящим и будущим» [Негода, 2019, с. 94], а отсылка к прошлому объясняет настоящее и делает осмысленным будущее).

Во-вторых, обозначим структурные элементы культурной памяти, что позволит выявить разнообразие проявлений культурной памяти с целью более эффективного объяснения тех явлений, которые связаны динамикой и изменчивостью памяти, а также с возможностью использования символического ресурса памяти.

Так, по мнению Ю.М. Лотмана, если провести аналогию с хранением текстов, то можно выделить два типа памяти: информативная память и креативная (творческая) память. К информативной памяти он относит

«механизмы сохранения итогов некоторой познавательной деятельности» [Лотман, Память в культурологическом освещении..., 1992, с.202], куда входят, события прошлого, связанные с тем или иным аспектом жизнедеятельности людей (например, прошлое в виде истории техники и соответствующих изобретений). Такая память отличается хронологичностью и плоским характером. Вторую часть памяти Ю.М. Лотман называет активной, фрагменты такой памяти связаны между собой смыслами, и «актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию». При этом он отмечает, что культурная память противостоит времени, поскольку она «сохраняет прошедшее как пребывающее» [Лотман, Память в культурологическом освещении..., 1992, с.202].

По мнению А. Ассман, культурную память можно разделить на память накопительную и функциональную. Накопительную память можно назвать как «архив культуры», в ней постепенно формируется бесконечное количество самой разной информации о прошлом, которые, как правило, законсервированы, и могут предаваться забвению. Такая память «резко отличается от культурных артефактов, хранящихся в функциональной памяти, ибо последние особенно защищены от процессов забвения и отчуждения» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с.31].

Функциональная память тщательно отбирается, а ее носители становятся частью памятования, в ходе которого фрагменты прошлого могут по-новому толковаться, обсуждаться, становиться частью выставок и постановок, в итоге некоторые культурные смыслы «становятся чуждыми, полностью безмолвными» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с.31]. Такой процесс не прекращается никогда, потому что культурная память «живая», она не застывший слепок прошлого, в ней смыслы, хранящие прошлое, постоянно интерпретируются и пересматриваются, а часть фрагментов из функциональной памяти могут обратно быть отправленными в архив. По сути, отношения между этими элементами структуры культурной

памяти означают отношения «между припоминанием и забвением, между сознательным и бессознательным, между явным и латентным» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с.35].

Несколько иначе рассуждает о припоминании и забвении Я. Ассман, рассматривая структурные элементы культурной памяти путем ее деления на «возбуждающие» и «успокоительные» механизмы. Исходя из признаков общества, которые дает ученый, мы можем представить культурную память как комбинацию в том или ином сообществе «горячих» и «холодных» элементов памяти. Горячие элементы памяти обеспечивает ей движение и преобразование, для них характерна постоянная потребность изменений; в обществе такая память направлена на перелом, становление, рост или разложение, деградацию, ухудшение» [Ассман, Культурная память..., 2004, с.73]. В такой памяти отбирается все самое уникальное, особенное, значимое. Холодная часть памяти призвана законсервировать, сохранить, закрепить (в том числе, в устойчивых практиках институтов) успокоить, заморозить, увековечить избранные образы прошлого. Культурный смысл, который мы запоминаем, «лежит в повторяющемся, регулярном, а не в уникальном, необычном... он лежит в преемственности, а не в разрыве, переломе и изменении» [Ассман, Культурная память..., 2004, с.74].

Если обратиться к современным работам, позволяющим рассмотреть структурные элементы культурной памяти (Г.Е. Гун, В.А. Шнирельман, Т.С. Злотникова, А.В. Гончарова А.В. и другие), то, с одной стороны, следует учесть, что коллективное прошлое можно исследовать исходя из позиции человека как представителя разных социальных групп и культур, который тесно связан на уровне культурного кода с теми или иными сообществами. В этом случае сообществ, к которым может принадлежать человек на основании общей культуры и идентифицироваться себя с ними может быть много (от субкультур до национальной культуры) и, соответственно, культурных «памятей», или элементов культурной памяти как целостного феномена, также может быть много, каждая из которых хранит и транслирует

свои образы прошлого. Эти части культурной памяти могут дополнять друг друга (как региональная культура дополняет культуру этноса) или конкурировать между собой, что часто бывает в межрелигиозных конфликтах. Но даже если они противостоят, «это вовсе не означает, что в таком случае человек обязательно отвергает один образ прошлого и строго придерживается другого» [Шнирельман, Культурная память..., 2018, с.14].

С другой стороны, если взять за основу территорию как основу для объединения людей, которые имеют общие воспоминания (село, город, регион, государство), то культурная память может быть представлена как совокупность разных «памятей» благодаря разнообразию территориальных контекстов. В данном случае культурной памятью будет обладать сообщество, проживающее на данной территории, которое имеет общее прошлое и собственную культуру. Исследователи в данном случае выделяют, например, культурную память нации [Злотникова, Культурная память нации..., 2016, с.14; Гончарова, 2022] и культурную память города [Федотова, 2018; Федотова, 2023].

Наконец, что тесно связано со сказанным выше, культурная память может носить официальный или неформальный характер, и может проявляться как на локальном, региональном, так и на государственном уровнях. В частности, исследователи отмечают наличие официальной, транслируемой властью памяти, в рамках политики мемориальной культуры нации, в том числе, институциональных способов закрепления в коллективной памяти государства определенных образов прошлого.

Такую память дополняет локальный срез, где культурная память может стать «средоточием настоящей, идущей от самого общества мемориализации», выступать объектом живой памяти, что «исключительно значимо для региональной культуры, региональной идентичности и локального самосознания» [Гун, 2018, с.83].

Следует согласиться с Г.Е. Гун и с другими исследователями, которые полагают, что локальная память не менее важна, чем официальная, ведь

«культурная жизнь провинциальных городов связана именно с этими многочисленными памятниками, поскольку для жителей они олицетворяют историю, питают патриотические чувства, связывают отдельного человека с историей и культурой его малой родины, олицетворяют её и составляют основу локальной идентичности» [Гун, 2018, с.83]. Важно подчеркнуть, что в данном случае актуальными могут быть как официальные практики памятования, которые способны обеспечивать большой охват трансляции локальных воспоминаний, так и неформальные, идущие со стороны местных жителей, общественности, культивирование ценности уникальных образов прошлого.

Подчеркнем, что в данном случае речь также идет о том, что культурная память локального среза, в частности, культурная память города, может стать важнейшим символическим ресурсом, обеспечивающим на местном уровне привязанность к территории как условия формирования у горожан патриотических чувств как к городу, так и к государству и нации.

Таким образом, подчеркнем, что концептуальные рамки культурной памяти были выявлены нами исходя из понятийного ядра данного концепта, ключевых и дополнительных смыслов.

Исходя из основополагающего для данной работы методологического и теоретического фундамента положений немецкой научной школы (Я. Ассман, А. Ассман) и семиотического подхода к памяти (Ю.М. Лотман) мы полагаем, что культурная память представляет собой совокупность коллективных воспоминаний конкретного сообщества (нации, этноса, горожан), характеризующегося общей культурой, нормами поведения, собственным прошлым, выраженным в различных символических средствах. Говоря иначе, культурная память – это сложное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, с помощью которых на эмоциональном и когнитивном уровне переживаются образы коллективного прошлого, и благодаря которым воспоминания сохраняются за пределами поколений.

Как одна из типов коллективной памяти, культурная память позволяет осмыслять членам сообщества непрерывность и преемственность своей культуры, осознавать собственную идентичность. К признакам культурной памяти, которые позволяют идентифицировать данный концепт на теоретическом уровне, мы относим:

- наличие носителей памяти в виде символических посредников (вербальных, визуальных, перформативных, аудиальных) между человеком и фрагментами прошлого, ключевая функция которых состоит в аккумулировании и трансляции образов прошлого;

- значимость коммеморации как актуализации или поддержания в актуальном состоянии смыслов, которые не позволяют забвению одержать верх над воспоминаниями, сохранять их ценными для современников (праздники, форумы, переименование улиц, выпуск репортажей или кинофильмов);

- динамичность или способность памяти менять репертуар коллективных воспоминаний, что во многом зависит от воздействия тех или иных факторов, что предполагает понимание культурной памяти как социокультурного конструкта, когда в зависимости от реалий современности любой фрагмент коллективного прошлого можно либо сделать менее актуальным или более значимым;

- декларация значимых для современников ценностей прошлого, нередко путем сакрализации прошедших событий, с целью повышения их ценности в современных условиях, передачи культурного кода сообщества, влияющего на их культурную идентичность и отношение к настоящему, которые скрепляют коллектив;

- локализация или способность оставлять следы в пространстве, так или иначе присутствуя в местах воспоминаний, поскольку память связывает человека и пространство через материального посредника, позволяющего ощущать ценности прошлого.

К наиболее значимым функциям культурной памяти относятся интеграция сообщества, идентификация членов коллектива, легитимация политических действий, культурная преемственность поколений и культурная связь прошлого и настоящего.

Культурная память неоднородна и может быть рассмотрена через структурные элементы, которые позволят лучше объяснять явления, связанные с забвением и изменчивостью памяти, с использованием ее ресурса. Культурная память может быть представлена как совокупность информативной и креативной (творческой) памяти, накопительной и функциональной, горячей и холодной. Кроме того, если рассматривать культурную память исходя из позиции человека как представителя разных социальных групп и культур, который тесно связан на уровне культурного кода с данными сообществами, то можно выявить несколько «памятей», каждая из которых хранит и транслирует свои образы прошлого. С другой стороны, если взять за основу территориальные аспекты, то культурная память может быть представлена как совокупность разных «памятей» благодаря разнообразию территориальных контекстов – от территории государства до территории малого города, села, поселка, деревни. Наконец, культурная память может носить официальный или неформальный характер, и может проявляться как на локальном, региональном, так и на государственном уровнях.

Глава 2

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА

2.1. Город как объект культурной памяти

Определив теоретические и методологические аспекты исследования культурной памяти в целом, на следующем этапе раскроем концептуальную основу исследований культурной памяти города, которая будет составлять теоретическую базу дальнейших исследовательских шагов. В связи с этим, рассмотрим город как тот феномен, вокруг которого структурируется культурная память.

Город еще со времен античности стал осмысляться философами как особый феномен, требующий отдельного понимания и исследования. Так, уже Аристотель в своих работах рассуждал об идеальном городе, обращая внимание, в частности, на зонирование городской территории и планирование города: «правильную распланировку не следует придавать всему городу, а лишь отдельным частям и местам... это будет хорошо в смысле безопасности и красоты...» [Аристотель, 2007].

Между тем, началом процесса выявления и описания города как феномена, но с экономической позиции, считаются труды К. Маркса и Ф. Энгельса, которые осмыслили его как место для роста капиталистических связей и индустриального производства, а также как проекцию общества. Тогда как впервые комплексно подошел к теории города М. Вебер, который в работе «Город» представил типологию городов начиная с античности, и кроме экономического, представил также социальный и политический срез [Вебер, 2001].

В дальнейшем социологи, философы, антропологи представляли разные теории города, в которых рассматривали его как отдельный объект

исследования, обладающий собственными закономерностями развития. В частности, одним из направлений в аксиологии является понимание города через категорию отчуждения и враждебности, каким его видел, например, Ф. Теннис, оказавший определенное влияние на дальнейшее изучение социальных и культурных практик города. Проблему соотношения между индивидуальным и надиндивидуальным в городе обозначил в своих работах Г. Зиммель, однако он раскрывал этот аспект не в контексте коллективной памяти, а в рамках проблемы больших городов, в которых существует и приспосабливается человек, стремясь сохранить «свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни» [Зиммель, 2002, с.23].

Особое влияние на становление урбанистического направления знания оказала Чикагская школа [Парк, 2006; McKenzie, 1927; Вирт, 2005], в рамках которой впервые город предстал как сложный социокультурный феномен, в котором пересекаются разные миры и субкультуры. Город стал пониматься, с одной стороны, как сложнейший (исходя из биологии) организм со множеством разнообразных связей, обусловленных во многом территориальными аспектами (Р. Парк), что послужило в дальнейшем формированию концепции экологии города. С другой стороны, ученые акцентировали внимание на символических и коммуникативных аспектах функционирования города, что в итоге привело к появлению концепции города как образа жизни (Л. Вирт). Исследователи выявляли различные «социальные миры», которые наполняют город и выражаются в ценностях, сленге, визуальном облике, нормах поведения. Известный британский социолог Э. Гидденс пишет о том, что города в глазах представителей Чикагской школы «растут не беспорядочно, а сообразуясь с преобладающими свойствами окружающей среды» [Гидденс, 2005, с.185], и подчеркивает, что ученые предложили экологический подход к анализу городов, а также описывали город как своеобразный, присущий только ему образ жизни.

В связи с этим, достижения этой школы урбанистики «связаны с исследованием ряда социальных проблем, специфических для городского стиля жизни» [Дмитриева, 2021, с.193] - анонимность взаимодействий жителей города, частота и кратковременность их встреч, поверхностность контактов между горожанами, уменьшение уровня социальной сплоченности людей, деградация обычаев, традиций, высокая концентрация и большая численность населения, социальная неоднородность.

Для данного исследования особенно важным является то, что мы рассматриваем теоретические положения Чикагской школы на основе социокультурной методологии, позволяющей раскрывать многомерные системные связи исследуемых феноменов (в нашем случае – города), благодаря которым появляется возможность осмыслять нелинейные системы социальных и культурных взаимодействий, а также выявлять многообразие систем, объединяющих в себе самые разные измерения и уровни.

Кроме того, одним из методологических следствий познания города Чикагской школой стала популярность картирования пространств города, которые накладывались на субкультурные особенности городских территорий. В дальнейшем появилось и ментальное картирование, которое, в частности у американского урбаниста К. Линча [Lynch, 1960] связывается с образом и особенностями когнитивного восприятия города исходя из пяти ключевых направлений, которые способствуют «воображаемости» города. Это позволило объяснять – как и за счет каких «маяков» человек видит, приближает и представляет город, как ориентируется, на что обращает внимание при передвижении. Ментальное картирование открыло интерес ученых к исследованию того, как воспринимается пространство города со стороны человека.

Пространственную сущность города в своих исследованиях раскрыл французский философ, социолог, представитель неомарксизма А. Лефевр [Lefebvre, 1991], который впервые заявил о социальной и культурной обусловленности пространства и возможности производства пространства в

контексте трансформации социальных отношений. Существующая в определенном времени деятельность порождает пространство «и лишь в пространстве обретает практическую «реальность», конкретное существование» [Лефевр, 2015, с. 124]. Он подчеркивает, что воспринимаемое, понимаемое и воображаемое нами пространство города не является стабильным, а следовательно его можно и нужно менять.

Работы А. Лефевра повлияли, в рамках научного интереса к восприятию городского пространства, на формирование Лос-Анджелесской школы. Представители Лос-Анджелесской школы (Э. Сойя, М. Дэвис), опираясь во многом на теорию пространства А. Лефевра, осмысливали город в духе постмодернизма. Так, Э. Сойя, будучи сторонником «критической власти пространственного и географического воображения» [Soja, *Writing the City Spatially...*, 2003, pp. 269-280], предполагает, что смыслы и значения пространства (дом, ландшафт, расположение и пр.) сконструированы активной деятельностью субъектов социальных отношений, а, значит, могут иначе восприниматься, пониматься и воображаться. Особый научный интерес данной школы вызывало «архитектурное пространство как главная социокультурная градообразующая составляющая» [Вальдес, 2014, с.322].

Таким образом, к середине XX века исследования, в которых город является ключевым объектом познания, становятся частью *urban studies*, объединяющих спектр «тенденций, позиций и интерпретаций, которые стремятся сформулировать понимание городской жизни, выходящее за пределы тех конкретных обстоятельств и случаев, в которых было порождено» [Трубина, 2011, с. 13].

В российской науке город в начале прошлого века стал предметом исследований Н.П. Анциферова – историка и литературоведа, который обосновал на примере Петербурга свои теоретические и методологические воззрения на природу города. Город в представлениях Н.П. Анциферова, как комплексный социальный организм, представляет собой не только анатомию и физиологию, но и является культурным феноменом, обладающим

индивидуальностью, собственной душой, которая во многом обусловлена историческими отложениями. Как считал ученый, «любой город имеет свою индивидуальность, свое лицо» [Анциферов, 1926, с. 22].

Между тем, вторая половина прошлого века ознаменовалась тем, что город стал предметом для исследований во всем мире в контексте самых разных областей знания (культурология, философия, социология, культурология, градостроительство, дизайн), где он осмысляется не только как пространственный объект, но и как семантически репрезентированная среда, сотканная из смыслов, зафиксированных в текстах, символах, изображениях, детерминированных многообразными коммуникативными процессами.

Семиотика открыла возможность трактовать город как текст, который культурно и исторически обусловлен и который подвержен неоднократной интерпретации исходя из семиотических практик познания, поскольку город мы можем как кодировать, так и декодировать. Город, говоря словами Ю.М. Лотмана, как сложное семантическое пространство, как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, Семиосфера, 2000, с. 325]. Он пишет, что семиотика города раскрывается в двух сферах: город как пространство и город как имя [Лотман, Семиосфера, 2000, с. 320]. Для нашей работы особенно важным является тезис Ю.М. Лотмана о том, что город в настоящем во многом есть проекция прошлого, что делает его генератором новых смыслов, образующихся в синхронном и диахронном взаимодействии: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман, Семиосфера, 2000, с. 334].

В данном контексте культурная память конструируется вокруг образов городского прошлого, которые представлены в многообразных локусах и практиках города. Значимость таких исследований для культуролога

объясняется тесной корреляцией культурной памяти города с процессами структурирования городской идентичности и образности, городского воображаемого, с механизмами формирования городского самосознания, причастности горожан к городу.

В конце XX века после доминирования характерных для советской эпохи градостроительных и этнографических векторов научного познания города, в «в отечественной науке утвердился взгляд на город как социокультурный феномен, что нашло отражение в целом ряде исследований» [Шабает, 2018, с. 257]. В частности, в исследованиях М.С. Кагана на примере Санкт-Петербурга делается акцент на культуре города и на тех особенностях, которые придают городу особый дух, а саму культуру города он трактует как сложное взаимодействие трех измерений, которые находятся в постоянном перемещении (духовно-человеческое, процессуально-деятельностное, предметное) [Каган, 2018], тогда как в восприятии города особое значение, по его мнению, имеет его архитектурный облик и символы. В это время появляются и отечественные тенденции культурологического осмысления города, которые, в частности, отразились на выходе целого ряда научных работ, посвященных исследованию исторического города [Булыгина, 2017; Веденин, 2022; Веселова, 2009; Воробьева, Исторический город..., 2021; Глазычев, 2011; Михалева, 2013] и русского провинциального исторического города. В частности, в Ярославской ведущей научной школе по культурологии [Исторический город в аспекте..., 2010; Исторический город русской провинции..., 2009] город понимается как культурный феномен, для которого особую ценность имеет прошлое, представленное в городской среде в виде архитектурного наследия, культурных традиций, памяти известных личностей и так далее.

Научный взгляд на город как социокультурный феномен ознаменовался и научным импульсом антропологического осмысления города, которое проявляется в контексте урбанистической проблематики

поиска «соразмерности города и человека» [Смирнов, 2020], исследований «локального текста» города как «системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом» [Алексеевский, 2010, с. 19], антропологического познания символизации городского пространства, формирования «городской среды и функционирования отдельных ее элементов», отдельного города как текста и образов городов в культуре [Разумова, 2010, с. 148]. Такого рода исследования во многом стали следствием актуализации семиотики культуры в научных познаниях города.

В рамках семиотики внимание культуролога может быть направлено на смыслы, наполняющие город для человека во всех его проявлениях, являющиеся «объектом постоянного упорядочения и осмысления» города», которые предстают перед нами в виде культурного кода города [Лотман, Семиосфера, 2000, с. 334]. Это, соответственно, открывает возможность понимания города сквозь призму процессов формирования и выражения этих смыслов, являющихся частью коллективных представлений о городе, которые формируются постепенно, впитывая следы прошедших эпох. Знаки не статичны, а означаемое со временем меняет свое содержание. Следовательно, город, рассматриваемый как семиотический универсум, хранит и транслирует свое прошлое, фиксируя следы эпох и «рассказывая» посредством многообразных символических средств (в мифах и легендах, в объектах городской среды, в праздничных событиях, в произведениях искусства) о событиях ушедших дней, которые так или иначе связаны с городом. Кроме того, в рамках семиотики, сам город получает определенный образ, который мы можем раскрыть через различные символические средства - имидж, бренд, логотип, герб, а сам город может рассматриваться как личность, о чем еще говорил Вяч. Иванов [Иванов, 2007], в частности, в древнегреческих трагедиях, где мифические герои выражали судьбы городов.

При этом смыслы, с помощью которых мы «читаем» город, приобретают определенную значимость для горожан через восприятие города, в результате которого «физические/материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость», маркируют пространство и наделяют его определенными свойствами [Веселкова, 2016, с. 16], в том числе, вызывая привязанность к месту за счет данных смыслов. В связи с этим, в современных городских исследованиях предметом изучения всё чаще становится проблема детерминации коллективных представлений о городе, определяющих то, как мы осмысляем, воображаем город. Например, востребованными на сегодняшний день становятся результаты исследований того, как люди воспринимают города в эпоху глобализации [Huysen, 2008].

Более того, современные исследователи понимают город как сферу «другой природы» [Лисина, 2017], или второй природы, а значит и определенной культуры, объединяющей все многообразие материальных и пространственных проявлений города в едином культурном коде. В этом случае город представляет собой культурный феномен, обладающий определенными признаками, которые во многом обусловлены социальными, этническими, антропологическими, географическими, экономическими и прочими факторами, образующими уникальный социальный «опыт, транслируемый из поколения в поколение», который закрепляется в памяти коллектива [Кузнецова, Концепт города..., 2018, с. 215]. Особенно богаты таким опытом исторические города, в которых нередко запечатлены целые периоды истории, которые мы декодируем, глядя на курганы, храмы, исторические здания, в которых фиксирована память не одного поколения людей.

Такого рода семиотический аспект в познании культурной памяти города открывает перспективу исследований «читаемости» города, когда «города распознаются и складываются в упорядоченную картину» [Линч, 1982, с. 16]. В данном случае особую актуальность, по нашему мнению, приобретает категория «культурный код» как относительно устойчивая

система упорядочивания культурных смыслов, позволяющих считывать и расшифровывать, а также передавать в процессе коммуникации информацию (если проводить аналогию с генетическим кодом). Важнейшим элементом культурного кода как упорядоченного множества «взаимосвязанных между собой стандартов, ограничений, предписаний и установок по отношению к разным видам деятельности» [Аванесова, 2008, с. 41] являются «образы и представления, формирующиеся из повседневной, профессиональной, культурной, религиозной и т.д. сфер жизни человека» [Савицкий, 2019, с. 69]. Культурный код может рассматриваться как устойчивый фрейм, который задает направления для осмысления, категоризации, оценки, понимания реальности, поскольку нередко трактуется исследователями как «совокупность представлений о картине мира того или иного социума» [Телия, 1999, с. 13] или менталитет, позволяющий понимать особенности культуры. Культурный код коллектива людей изучается через исследование образов, символов, представлений в самых разных аспектах реальности [Воробьева, Лондонский код..., 2015; Галушак, 2020; Еманова, 2020; Изотова, 2020; Камалова 2021; Кузнецова, Городской текст..., 2019; Летина, 2020; Сорокина, 2020; Социальное пространство современного..., 2015]. Отсюда интерпретация «театра как особого культурного кода для современного русского языка, культуры и языкового сознания» [Ефремов, 2019, с. 401] или сказки как культурного кода, «который несет в себе универсальные для характеристики ментальности и специфически национальные черты» [Злотникова, Ментальный и художественный аспекты..., 2019, с. 165] и рекламы, которая «несет в себе культурный код страны-производителя» [Иванова, 2020, с. 3].

Тогда как в постструктурализме культурный код – это открытая система, а также инструмент интерпретации реальности, наделяющий «читателя» возможностью осмыслять текст исходя из той или иной позиции. Постструктурализм акцентирует внимание на коммуникативных процессах декодирования смыслов, означивания и кодификации реальности. Как

полагает Ж. Бодрийяр, код представляет собой главную категорию семиотики, которая позволяет «упорядочить и редуцировать» [Бодрийяр, 2000, с. 12], то есть использовать формы для восприятия и познания информации.

Соответственно, культурный код города как система знаков, которая отражает уникальность города, фиксирует и передает его индивидуальный стиль и идентичность, упорядочивает большое количество информации о городе в единые смысловые рамки. Благодаря культурному коду в культурной памяти города сохраняются наиболее важные события, которые фиксируются в различных символических средствах (например, в художественных образах) и закрепляются в оценках, стереотипах, принципах поведения, ценностях, культивируемых образах, т.е. происходит кодификация реальности. При этом сам процесс кодификации нередко переплетается с политикой, поскольку на него могут оказывать влияние власть и иные акторы, включая горожан, обладающих активной гражданской позицией. В данном случае актуален тезис А. Лефевра о «праве на город» со стороны жителей города и важности конструирования города для горожан, игнорирование чего может привести к ослаблению чувства причастности человека к месту и к культурной памяти, а следовательно, негативно повлиять и на городскую идентичность. Право на город — это, по выражению Д. Харви, «свобода создавать и изменять наши города и самих себя» [Harvey, 2006, p. 84].

Культурный код города задает устойчивость и долговечность наиболее важным и значимым событиям городского прошлого, переводя структуры памяти в понятные и доступные формы, создавая единое смысловое пространство для взаимодействия различных акторов внутри городского пространства. Каждый конкретный город обладает собственным культурным кодом, специфика которого зависит от семантики города и знаковых средств, благодаря которым мы читаем и осмысляем город (от пространственных и природных до исторических, творческих, персонифицированных). Кроме

того, на город накладывают отпечаток культурные коды нации, региона, а сам код предполагает как академический, так и повседневный уровень дешифровки.

Таким образом, культурную память города можно понимать как резервуар смыслов, который хранит и передает поколениям коллективные представления о городе в виде культурного кода, определяя тем самым и отношение к городскому настоящему.

Между тем, формирование и передача культурного кода, несущего в себе важнейшие события городского прошлого, от одного поколения к другому, осуществляется посредством различных трансляторов смыслов, хранящих общие воспоминания. По мнению ряда ученых, важнейшим транслятором смыслов, хранящих память о городе, являются образы, которые, как мы отмечали ранее, вызывают впечатления и воображение города, задают процесс осмысления города, влияющее на наше отношение к городу. Так, например, Ф. Йейтс [Йейтс, 1997] полагает, что образы способствуют напоминанию о фрагментах памяти, они лежат в основе мест памяти, поэтому чтобы сохранить коллективную память важно найти сакральное место, которое бы транслировало образы прошлого (например, образы военной победы или основания города) и позволяло запоминать «слова» и «вещи».

Важно отметить, что образы городского прошлого являются теми символическими проводниками, которые связывают прошлое и настоящее города и позволяют сохранять в памяти особенно ценные для горожан фрагменты. Поскольку, как мы отметили выше, память способна воспроизводить фрагменты прошлого в случае его актуализации, то именно образы в данном случае являются «проводниками» этих фрагментов. Образы городского прошлого транслируют (передают) информацию о различных событиях, которые произошли в истории города.

Говоря иначе, образы городского прошлого передают те или иные фрагменты культурной памяти города, например, фрагменты памяти об

основании города, о военных победах города, о торговых союзах города, о городе как месте рождения великого поэта или композитора и т.д. Сохранить память города, значит сохранить основные элементы его образа: «природного (экосистема), культурного (здания, сооружения) и социального (аборигенных сообществ с традиционными формами быта и промысла) [Дахин, 2011]».

Между тем, существуют такие фрагменты городского прошлого, которым уделяется меньше внимание, и часто это приводит к заброшенности материальных следов прошлых эпох. В частности, появляются так называемые руины, как правило, на окраинах города или за городом. В этом случае, как отмечают исследователи, город может пониматься как палимпсест, «память о котором возникает под воздействием не только тех элементов среды, которые существуют в актуальном визуальном опыте повседневности, но и тех, что остаются лишь в формате «руин» или «призраков» [Шарова, 2022], символизирующих определенное прошлое.

Таким образом, мы акцентируем внимание на том, что город как сложный социокультурный феномен обладает собственной душой и судьбой, историей и социальным опытом, имеет общее для горожан прошлое, которое содержится в семантике города. Исходя из данного нами ранее определения культурной памяти отметим, что культурная память города – это совокупность коллективных воспоминаний о городском прошлом, пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, выраженных в различных символических средствах, с помощью которых воспоминания о городе переживаются и сохраняются горожанами за пределами поколений.

Обращение к категории памяти позволяет рассматривать и познавать город не только и не просто как совокупность зданий, улиц, площадей, арт-объектов, предприятий, парков, транспортных сообщений, которые так или иначе меняются со временем, и не просто как на среду присутствия людей, но и как на единый феномен, обладающий своей культурой и историей

развития от основания города и до сегодняшнего дня. И на протяжении этого временного лага каждый город проживает ряд событий, так или иначе, связанных в целом с судьбой города, которые могут латентно или явно присутствовать в городском пространстве, в произведениях искусства, в городских традициях, символизируя о их значимости для горожан. Исходя из рассмотренной выше категории культурной памяти обычные материальные и нематериальные феномены, из которых состоит город, например, городское сооружение или река, архитектурные объекты или скверы, мемуары об известной в городе личности или общегородской праздник – все это становится знаками, наделяющими смыслом процессы в настоящем, а сам город и его объекты становятся носителем коллективных представлений о прошлом.

Однако, как это ни парадоксально, богатство культурной памяти города во многом зависит не только от времени существования города и от насыщенности событий, произошедших в городе за время его существования, но и от культуры сохранения памяти, от способности горожан ценить и культивировать уникальные фрагменты памяти, уметь помнить прошлое в интересах развития города.

Важно также подчеркнуть, что обращение к категории «культурная память города» предполагает не столько индивидуальный (личностный), сколько коллективный характер сохранения и трансляции памяти. Другими словами, мы не рассматриваем город как множество мест, с которыми у людей связаны собственные воспоминания, поскольку в этом случае у каждого будет свой город, связанный с личными переживаниями и событиями собственной жизни. Культурная память, как феномен, благодаря символическим посредникам, объединяет сообщества и живет намного дольше чем одно или два поколения – она связывает целые эпохи города.

В рамках настоящей работы мы рассматриваем город как основу структурирования образов прошлого по отношению к коллективу людей, который в самом широком смысле именуется горожанами, то есть всеми

теми, кто живет в городе, включая тех, кто имеет отношение к его развитию – от городских элит и власти до обычного жителя города, поскольку их связывает городская культура и городская идентичность. Ключевым аспектом тут являются не личные воспоминания по отношению к городу (не индивидуализированный уровень памятования), а коллективные, где сам город выступает как объект памяти, а его фрагменты хранятся, воспроизводятся, разделяются в виде общих смыслов на уровне горожан (коллективный уровень памятования). Именно такой аспект актуализирует исследования культурной памяти города.

Между тем, концепт культурной памяти города на сегодняшний день современными исследователями осмыслен не в полной мере. Поэтому, как мы полагаем, экстраполяция имеющегося научного потенциала, связанного с культурной памятью, в городские исследования открыло бы определённые перспективы в изучении города, городского образа, городской культуры.

Культурная память города, разумеется, является предметом исследований, но имеющиеся работы, как правило, опираются на разный концептуальный фундамент, методологически разобщены и характеризуются фрагментарностью. Заметим, что существуют либо отдельные исследования памятных мест и структур города, либо присутствуют некоторые взгляды на соотношение города и памяти, или осмысление города как места памяти.

Так, О.М. Ростовская подчеркивает, «город – место памяти о себе самом, о прошлом от истока и до точки настоящего», следовательно город может восприниматься как объект коллективных воспоминаний. В связи с этим, процесс «индивидуализации города рассматривается через призму идеи соборности, включая индивидуальные воспоминания, коллективную память и все когда-либо заполнявшие городское пространство культурные формы» [Ростовская, 2013, р. 106]. Н.С. Сапаров предлагает рассматривать город как пространство памяти, и подчеркивает, что в этом случае задачей является возможность понять и осознать роль прошлых поколений, которые оставили свои смыслы, сохранить уникальность города для будущего поколения, ведь

«не поняв, что представляет собой город на самом деле, мы способны либо обречь его на вымирание, прозябание и застой, либо на безумный рост и размножение, сделав его крайне некомфортным и вредным для проживания» [Сапаров, 2021, с. 84].

По мнению В.М. Русакова и О.Ф. Русаковой город образует пространство исторической памяти, представляющей собой предмет политической борьбы, наглядным примером которой становится «борьба с памятниками», где «пришедшие к власти социальные группы национально-этнической буржуазии мстительно выкорчевывают недавнюю историческую память своих народов» [Русакова, 2017, с. 27].

Иногда исследователи акцентируют внимание не просто на городе как объекте памятования, а на локальной памяти как условии формирования памяти национальной. Так, Г.Е. Гун отмечает, что «необходима работа по культивированию региональной культурно-исторической памяти», «нужно бороться за «активность», «деятельность» культурной памяти на региональном и местном уровнях», которая бы позволила сохранить исторические объекты и сделать их частью «живой культурной памяти» [Гун, 2018, с. 84].

Кроме того, существуют работы, направленные на изучение феномена культурной памяти города сквозь призму когнитивной работы обыденного создания [Крокинская, 2016], на исследование процесса формирования городской памяти из текстов и практик прошлого [Buckler, 2008] или особенностей познания городских мест памяти [Вандышев, 2013]. В условиях же повышения значимости междисциплинарных исследований наряду с актуализацией семиотических методов познания, позволяющих раскрыть процессы генерирования и трансляции значений, подобные исследования могут приобретать новый импульс.

На основе обобщения имеющегося опыта исследования города как места памяти, а также предприняв попытку экстраполяции научного потенциала, связанного с культурной памятью в городские исследования,

обозначим систематизированные нами характерные черты культурной памяти города.

а) Культурная память города исторична, она складывается постепенно с течением времени и представляет собой ту культурную форму, которая кристаллизуется из фрагментов прошлого. Отсюда, чем древнее город и чем больше в нем происходило исторических событий, тем богаче его культурная память. Но сам факт историчности города не гарантирует сохранения памяти и актуальности тех или иных смыслов. Культурная память города хранит только те воспоминания, которые принимаются и поддерживаются современниками.

б) Наиболее важные фрагменты прошлого сохраняются в культурной памяти города благодаря культурному коду, который отражает уникальность города, фиксирует и передает его индивидуальный стиль и идентичность, упорядочивает большое количество информации о городе в единые смысловые рамки, закрепляющиеся в оценках, ценностях городских практик, в культивируемых образах.

в) Культурная память города социальна, она структурируется по отношению к такому коллективу людей, как жители города или горожане (в широком смысле этого слова). При этом различные сообщества могут оказывать воздействие на формирование или забвение смыслов, хранящих образы городского прошлого: туристы, журналисты, ученые, мигранты и многие другие, кто толкует, создает, передает городские значения.

г) Культурная память города динамична и поддается целенаправленному конструированию в рамках стратегии развития города. Говоря иначе, культурная память города является тем репертуаром смыслов, которые современные горожане, в том числе, и городские элиты, считают значимыми для них или для города в целом. Именно поэтому одни факты прошлого города мы помним, облакая в символические формы, посвящая музыку и стихи, о них говорим, их празднуем, ценим, называем в их честь улицы и станции метро, т.е. памятуем, а другие можем забыть.

д) Культурной памяти города необходима постоянная поддержка, актуализация. В данном случае речь идет о процессе коммеморации как «напоминании» о характере города, его традициях, истории, известных людях, поскольку специфика культурной памяти проявляется именно в относительности ценностей сообщества. И здесь большую роль играют инструменты формирования культурной памяти города, в частности, институты (архивы, музеи, библиотеки), топонимика, художественные произведения (живопись, поэзия, кинематограф), накапливающие коллективные воспоминания о городе и оказывающие воздействие на смыслообразование фрагментов городского прошлого. Отдельную роль в данном процессе занимают медиа как мощнейший генератор культурных смыслов, который аккумулирует практики коммеморации. Попадая в медийное пространство, эпизод культурной памяти может приобретать дополнительное значение, и главное, получить оценку и интерпретацию.

е) Культурная память города представлена в городском пространстве посредством мест памяти, а также через городские события, транслирующие значимые для горожан образы городского прошлого.

Культурная и социальная значимость культурной памяти города установлена нами во многом на основе тех выводов, которые мы получили ранее. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что культурная память города:

- связывает городское сообщество в единое целое, поскольку, как и любая другая коллективная память, она поддерживает за счет общих воспоминаний общность горожан, объединяет их в целое;

- объединяет настоящее и прошлое посредством культурных практик, обеспечивая преемственность поколений горожан и передавая культурный опыт города;

- формирует городскую идентичность, задает культурные параметры отличий и уникальности города, поскольку содержание идентичности

определяется общим прошлым, благодаря которому укрепляются ценности, самосознание и повышается активность сообщества;

- задает определенное отношение к фактам и процессам городского настоящего, нередко служит оправданием действий городских элит и, тем самым, влияет на будущее городов.

В связи с этим, культурная память города является важнейшим фактором развития современных городов.

Наконец, культурная память города представляет собой совокупность двух элементов ее внутренней структуры:

а) актуальная культурная память города, т.е. та память, о которой мы говорим и которую поддерживаем (в праздниках, в названиях улиц, в искусстве).

б) потенциальная память города, т.е. такая память, которая менее объективирована в городских практиках и представляет собой малозначимые для современников фрагменты прошлого (она хранится в архивах, скрытых и текстах культуры).

Исходя из того, что мы может использовать латентные слои культурной памяти, город может получить новое значение для горожан и для представителей внешней среды, позиционировать себя благодаря возможности актуализации имеющихся городских смыслов, а также с помощью поиска латентных культурных смыслов, которые скрыты в потенциальной культурной памяти города. Особенно значимыми в данном случае являются те культурные смыслы, которые обладают аутентичностью (мифы, фестивали, события, названия, исторические факты), способны формировать устойчивую городскую идентичность, увеличивать узнаваемость города, накапливать символический капитал города [Федотова, Символический капитал..., 2018].

Таким образом, экстраполяция имеющегося научного потенциала, связанного с культурной памятью, в городские исследования открывает новые перспективы в изучении города, городского образа, городской

культуры. Город в настоящем во многом есть проекция прошлого, что делает его генератором новых смыслов, образующихся в синхронном и диахронном взаимодействии. Как семиотический универсум, он хранит и транслирует свое прошлое, фиксируя следы эпох и «рассказывая» посредством многообразных символических средств (в мифах и легендах, в объектах городской среды, в праздничных событиях, в произведениях искусства) о событиях ушедших дней, которые так или иначе связаны с городом.

Город обладает определенными признаками, которые во многом обусловлены социальными, этническими, антропологическими, географическими, экономическими и прочими факторами, образующими уникальный социальный опыт, транслируемый из поколения в поколение, который закрепляется в памяти города. Особенно богаты таким опытом исторические города, в которых нередко запечатлены целые периоды истории. Важнейшим транслятором смыслов города являются образы, которые вызывают впечатления и воображение города, задают процесс осмысления города, влияющий на наше отношение к городу. Обращение к категории культурной памяти позволяет рассматривать город как сложный социокультурный феномен, который обладает собственной судьбой, историей развития от основания города до сегодняшнего дня и социальным опытом, имеет общее для горожан прошлое, которое содержится в семантике города.

Таким образом, культурная память города – это совокупность коллективных воспоминаний о городском прошлом, пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, выраженных в различных символических средствах, с помощью которых воспоминания о городе переживаются и сохраняются горожанами за пределами поколений. Культурная память города исторична, социальна, динамична, коммеморативна и объективирована в местах памяти. Значимость культурной памяти города выражается в том, что она связывает горожан в целое, объединяет в единый континуум прошлого города и его настоящее и

тем самым поддерживает культурную преемственность в городе, оказывая влияние на городскую идентичность через общее для жителей города прошлое, укрепляет самосознание горожан, задает определенное отношение к фактам и процессам городского настоящего, нередко служит оправданием действий городских элит и тем самым влияет на будущее городов.

Культурная память города, как мы полагаем, является важнейшим социальным и культурным ресурсом в создании благоприятной социокультурной среды города, привлекательного образа города, в формировании городской идентичности, укрепляющей символические связи между городом и горожанином.

2.2. Носители культурной памяти города

Среди возможных аспектов культурологического анализа коллективной памяти, приобретающих особую актуальность в контексте городской культуры и символического ландшафта городского пространства, следует отметить исследования способов хранения и трансляции образов городского прошлого. В работах современных российских исследователей (А.В. Стрельникова, Е.И. Красильникова Е.И., Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина) анализируются практики, благодаря которым формируются памятные структуры в каждом конкретном городе, в частности, на примере памяти о войне. Так, Т.И. Ерохина приходит к выводам о постпамяти и контрпамяти, представленных в дискурсах мифологизации, идеализации и героизации событий этой войны [Ерохина, Феномен памяти..., 2017]. В работах Т.С. Злотниковой театр рассматривается как один из важнейших средств трансляции культурной памяти о войне, который в ярких и насыщенных образах героев раскрывает высоконравственные и негативные аспекты военных действий [Злотникова, Человек, война..., 2020].

Особенностью культурной памяти города является тот факт, что она функционирует при условии постоянного воспроизводства культурных

смыслов в рамках коммеморации как процесса «напоминания» о событиях городского прошлого, о традициях города, об известных людях и обычных городских жителях, поскольку культурная память всегда функционирует в условиях относительности ценностей сообщества. Необходимость воспроизводства культурных смыслов обусловлена тем, что культурная память города является ключевым детерминантом городской идентичности, поскольку она формирует городскую общность на основе общей судьбы города и связи прошлого с настоящим. Содержание идентичности, согласно А. Ассман, формируется через общее прошлое, благодаря которому укрепляются ценности, самосознание и деятельная активность сообщества.

Культурная память, как показали наши исследования, хранится в смыслах, актуализирующих коллективный опыт города, несущих в себе определённое значение для горожан и символически маркирующих городское пространство. Объективируются такие смыслы с помощью различных знаковых посредников (изображениях, рассказах), которые мы ранее обозначили как «носитель культурной памяти города».

Носитель культурной памяти города, по сути, является тем символическим посредником, ключевая функция которого состоит в аккумуляции и трансляции смыслов, образующих символическую матрицу памяти города. В связи с этим, возникает вопрос о содержании, структуре, специфике функционирования носителей культурной памяти города.

С одной стороны, следует отметить, что в качестве носителей культурной памяти города ученые нередко рассматривают людей – как тех, кто проживает в городе (обычные жители или представители власти), так и всех остальных (туристы, журналисты, учёные), кто формирует, создает, передает городские значения, или оказывает воздействие на формирование культурных смыслов. По мнению П. Нора, память поддерживается исключительно с помощью людей: «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы» [Нора, 1999, с. 19]. Культурная

память служит условием идентификации для коллектива людей, поэтому она всегда связана с социальными группами [Арнаутова, 2006, с. 51]. Данный факт объясняет важность постоянной дискуссии, рефлексии и интерпретации городского прошлого, актуализации фрагментов коллективного опыта города (праздники, выставки, конкурсы стихов, съёмки кинофильмов), не позволяющей забвению взять верх над памятью.

С другой стороны, носителями культурной памяти города, и этот факт является важным для нас, могут быть и материальные объекты, которые заключают в своих знаковых формах символическую информацию о городе. А. Ассман называет их «символическими медиаторами», которые, в отличие от людей, обеспечивают культурной памяти «долгосрочную опору» [Ассман, *Длинная тень прошлого ...*, 2014, с. 20].

Носители культурной памяти города, или символические медиаторы, как называет их исследовательница, выполняют важную роль: с их помощью фиксируются и проявляются в повседневной реальности фрагменты городского прошлого. Поэтому сюда, как мы полагаем, можно отнести любые объективированные проявления культурных смыслов, которые обеспечивают процесс сохранения и актуализации культурной памяти города.

Поскольку предметом анализа в данной работе являются, как было отмечено выше, символические медиаторы, т.е. второй тип носителей культурной памяти, то важно отметить их ключевую особенность, которая превращает обычные вербальные или визуальные знаки в носителей культурной памяти города. Это особенность заключается в том, что данные предметы, имена, тексты становятся способами репрезентации культурной памяти лишь в процессах коммуникации, в рамках которых генерируются и передаются смыслы. Легенда или мемориал сами по себе не станут частью культурной памяти, если они не вписаны в форму значимости, пока не включены во взаимодействие. Как отмечает Я. Ассман, культурная память существует лишь в «постоянном взаимодействии не только с

воспоминаниями людей, но и с внешними символами»; это «метоним для физического контакта между помнящим разумом и напоминающим объектом» [Assmann, *Communicative and Cultural...*, 2011, с. 17].

С помощью анализа семантики носителей культурной памяти города мы можем осмыслять городское прошлое, поскольку с позиции Ю.М. Лотмана, город представляет собой сплав текстов и кодов самых разных уровней – он, как и культура, есть «механизм, противостоящий времени, потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» [Лотман, *Семиосфера*, 2000, с. 453]. В этом случае сам город может осмысляться как единый феномен или социокультурное явление [Город как социокультурное явление..., 1995].

Рассмотрим типовое разнообразие носителей культурной памяти города исходя из различных аспектов их репрезентации в пространстве города.

По способам кодирования культурных смыслов носители культурной памяти города могут быть разделены на вербальные и визуальные.

*а) Визуальные носители культурной памяти города – это видимые знаки, которые объективируют события городского прошлого [Федотова, *Визуальные носители...*, 2019]. Визуальные носители культурной памяти города транслируют образы городского прошлого посредством визуальных знаков, символов, текстов. Здесь следует отметить, что визуальные носители могут быть естественными (флора или природный ландшафт), так и искусственными (арт-объекты, скульптура, мемориалы, произведения декоративно-прикладного искусства - ювелирные украшения, посуда, игрушки).*

б) Вербальные носители культурной памяти города – это все те культурные смыслы, знаковая оболочка которых образована с помощью речи (слова, высказывания, фразы, речь, текст). Сюда входят топонимика города, т.е. названия (улиц, площадей, станций метро), а также нарративы, которые поддерживают символику и глубину смыслов памяти благодаря свойствам

языка, связанных с описательностью и пояснениями знаков, в том числе, мифы, легенды. Кроме того, сюда относятся и произведения искусства – литература, поэзия, песенное творчество. В частности, как подчеркивают российские исследователи, мемуарная литература русской эмиграции первой волны является одним из способов сохранения культурной памяти данной эпохи [Двуреченская, 2019]. Кроме того, культурная память хранится в названиях «улиц, бульваров, площадей», которые отражают историю места и представления власти и жителей «о престижности своего места проживания», где старинные названия городских объектов исторических городов позволяют «ощутить «аромат истории» и смысл урбанистической семиотики» [Афинская, 2015, с. 7].

В рамках эмпирического анализа культурной памяти города мы провели ряд исследований в Великом Новгороде, в том числе, выявляя представления горожан и экспертных сообществ о городе и его местах памяти, а также тех символических элементах городской среды, которые, с их точки зрения, хранят и передают образы городского прошлого:

- экспертный опрос в виде структурированного интервью с выборкой экспертов в количестве 23 человек как представителей профессиональных сообществ в области политики, бизнеса, науки, образования, туризма и пр.;
- глубинное интервьюирование жителей Великого Новгорода с применением методики вербализированных ментальных карт (с выборкой респондентов в количестве 53 человек с квотой по возрасту, сфере деятельности, времени проживания).

Исходя из полученных нами эмпирических материалов, мы выявили наиболее значимые типы носителей культурной памяти города и определили их на примере культурной памяти Великого Новгорода.

Во-первых, носителями культурной памяти города могут быть природные особенности городской среды (горы, озёра, флора и пр.), представляющие собой ключевой аспект городского ландшафта, которые участвуют в формировании визуального облика города. Носителями

культурной памяти города они становятся, как правило, в составе сложных знаковых репрезентантов, образуя нередко сакральные значения того или иного места памяти. Элементы природы присутствуют в названии городов (Гусь-Хрустальный) или в народных промыслах (гжель). В частности, согласно мнению учёных, визуальные образы городского ландшафта северного города часто содержат «почитаемые среди местного населения элементы ландшафта, являющиеся местами поклонения и отправления обрядов» [Романова, 2015, с. 95]. Подобные элементы кода становятся фиксатором значимых образов городского прошлого, которые хранит культурная память города. Кроме того, природная составляющая становится частью культурного кода города [Вьюгина, 2021, с. 8]. Как показали проведённые в Великом Новгороде исследования, знаковыми для новгородцев природными носителями, передающими фрагменты памяти города, являются, прежде всего, река Волхов и озеро Ильмень (См. Приложение 1, Рис. 1).

Во-вторых, к носителям культурной памяти относится архитектура (архитектурные ансамбли, архитектурная застройка жилых зданий и пр.), транслирующая нередко дух эпохи — советской, средневековой, античной. В данном случае особый тип носителя культурной памяти города — мемориальная архитектура (стелы, мемориалы, монументы), которая является квинтэссенцией памяти, она непосредственно направлена на сохранение памяти о значимых событиях городского прошлого (например, военный подвиг горожан, изобретение, память о жизни выдающейся личности). Так, ключевыми носителями культурной памяти города в Великом Новгороде являются, прежде всего, Кремль и Софийский собор (см. Приложение 1, Рис. 2, 3), чуть менее значимы для горожан являются Ярославово дворище (см. Приложение 1, Рис. 4) и новгородские православные храмы.

В-третьих, масштабный пласт носителей культурной памяти связан с произведениями искусства, где уникальный авторский текст (литературный,

скульптурный, театральный, кинематографический) не только отражает стиль города, но и выразительно, посредством эмоционального насыщения, транслирует образы городского прошлого, делая их более живыми, реальными, запоминающимися. Так, российский культуролог Т.С. Злотникова рассматривает театр как особый код идентичности: «русский театр последних столетий является отчетливо сформированным кодом идентичности, обладая определенностью содержательных (социально-нравственных) и формальных (художественно-эстетических, в том числе жанровых и вербальных) особенностей» [Злотникова, Цивилизационный и ментальный дискурсы, 2019, с. 6]. Следовательно, театр может рассматриваться как носитель культурной памяти города, особенно в контексте сюжетных линий и судьбы героев, которые так или иначе могут быть связаны с конкретным городом.

Великий Новгород многогранно представлен в различных произведениях искусства. Так, город изображен на живописных полотнах преимущественно в контексте его богатого культурного и исторического наследия (См. Приложение 1, Рис. 5): А. П. Рябушкин, «Михайловская улица в Новгороде», Н. К. Рерих, «Спас Нередица. Древний Новгород». Также изображены и архитектурные памятники города: А. Н. Семёнов, «Собор Софии в Новгороде».

В-четвертых, символы города также являются носителем культурной памяти города как в виде устойчивых глубинных знаков, которые закрепляются за городом, так и в виде условных изображений города, например, как герб или логотип городского бренда. В частности, символическая репрезентация культурной памяти города сегодня востребована в городском брендинге. Использование аутентичных слоёв городской памяти в визуальном носителе бренда приносит городу узнавание, известность, доверие. Отсюда культурная память некоторых российских городов пополнилась, в частности, персонифицированными смыслами. Визуальными носителями культурной памяти ряда российских городов стала

сказочная карта России, где города признаются Родиной сказочных персонажей (Великий Устюг – родина Деда Мороза, Муром – Ильи Муромца, Архангельск – Снеговика). Кроме того, отдельные фрагменты культурной памяти города могут быть отражены в различных условных изображениях города, например, в логотипе городского бренда. В частности, в логотипах брендов российских городов используются цвета аутентичной архитектуры города (цвет Кремля в логотипе бренда Нижнего Новгорода), художественные промыслы (вологодское кружево как бренд), природные маркеры города (цветовая гамма бренда Мурманская содержит символическую связь с морем, рыбой, северным сиянием и Арктикой). Символика Великого Новгорода не является исключением, и она построена, преимущественно, с использованием репертуара значимых для города культурных слоёв памяти. Культурные смыслы, присутствующие в символических изображениях города (берестяная грамота, Садко, вечевой колокол, фрагменты Кремля и Ярославова дворища, купола Софийского собора), прочно вошли в визуальную символику повседневной жизни горожан. Устойчивого бренда на данный момент город не имеет, но наибольшую популярность, несмотря на обоснованную критику, приобрёл разработанный около 10 лет назад накануне 1150-летия города официальный бренд «Великий Новгород – Родина России» (См. Приложение 2, Рис. 5).

В-пятых, среди носителей культурной памяти города особое значение приобретает городская топонимика как своеобразный способ хранения и трансляции образов городского прошлого. Топонимика города «является относительно самостоятельным слоем структур социально-исторического памятования», такой носитель памяти «удерживает историю топонимов – названий улиц, площадей, районов, отдельных зданий и сооружений и пр., и даже историю названия города» [Дахин, 2011]. Значимость названий городских объектов для горожан, и прежде всего, городских элит, подтверждается не только созданием Топонимических комиссий, особенно в исторических городах, но и постоянно возникающими конфликтами, которые

развиваются по отношению к переименованию улиц и площадей города. Так, новгородский профессор Т.В. Шмелева отмечает, что в 1991 году в решении городского совета «были переименованы практически все улицы в пределах окольного вала..., инициаторы этой номинативной операции (историки, главным образом) полагали, что, возвращая на карту города досоветские названия, они восстанавливают справедливость» [Шмелева, Словесность и культурная память..., 2018]. Однако, некоторые новгородцы выразили опасение о возможной потере памяти о Великой отечественной войне. Подобный конфликт был разрешен компромиссным решением утверждения двойных названий улиц, и в итоге в Великом Новгороде теперь есть такие улицы, как Конюхова-Черемнова, Фрунзе-Оловянка, Герасименко-Маницына, Мерецкова-Волосова.

Что касается нарративов, то их значимость обусловлена вербальным сопровождением многих визуальных носителей, объясняющих ценность данного объекта или артефакта для современников и раскрывающих образы, которые они хранят. Следует согласиться с мнением современных исследователей о том, что городские объекты, будь мемориал, архитектурный ансамбль или обелиск, может рассматриваться как носитель памяти лишь в том случае, если на нём не «завязана» (как узелок на память) какая-то история, легенда, нарратив» [Дахин, 2011].

Вместе с тем, иным подходом к типологии носителей культурной памяти города может быть условное разделение всех знаковых посредников, сохраняющих и передающих культурную память, на жесткие и мягкие в зависимости от того, насколько они устойчивы в городской среде и насколько способны меняться в зависимости от результатов пересмотра отношения к прошлому. За основу такой типологии мы взяли предложенное А. Эткингом деление всех фрагментов памяти на монументы («hardware») и нарративную память («software»), взаимодействие которых и представляет собой многоуровневую систему культурной памяти [Etkind, 2009].

Следовательно, носители культурной памяти можно условно разделить на жесткие («hardware») и мягкие («software»).

Жесткие носители культурной памяти города прочно материализованы в городской среде и нередко формируют «дух места» (монументы, архитектурные композиции пр.). Они постоянны и устойчивы во времени и транслируют эпизоды городского прошлого преимущественно за счет видимых форм городского пространства. В данном случае культурная память города выражена в камне, дереве, граните и образы городского прошлого зафиксированы в данных материальных носителях. Тогда как слом и демонтаж такого рода носителей культурной памяти города свидетельствуют о пересмотре отношения к событиям городского прошлого. Как отмечают исследователи, символическая презентация прошлого может быть представлена в жесткой форме, которая выполняет особую роль в формировании пространства в качестве ориентиров или маркеров привязки нарративов к чувственному опыту [Тульчинский, Публичные пространства..., 2015].

Мягкие носители культурной памяти города более гибки и не так постоянны во времени, как жесткие. Их ключевое свойство – возможность динамично меняться при условии пересмотра отношения к эпизодам городского прошлого (в фотографии, в киноленте, в музыкальном произведении, в названии улицы). Причем нередко жесткие и мягкие носители культурной памяти города переплетены между собой, когда, например, эпизод памяти воплощен в памятнике, у которого современники произносят публичную речь.

Таким образом, культурная память города концентрируется в культурных смыслах, хранящих и актуализирующих коллективный опыт города, несущих в себе определённое значение для горожан и символически маркирующих городское пространство. Объективируются такие смыслы с помощью знаковых форм, которые и подлежат, в нашем случае, исследованию как носители культурой памяти города.

Носитель культурной памяти города – это знаковый посредник, ключевая функция которого состоит в аккумуляции и трансляции культурных смыслов, образующих символическую матрицу городской памяти. По способам кодирования культурных смыслов носители культурной памяти города могут быть разделены на вербальные и визуальные. Вербальные носители культурной памяти города – это все те культурные смыслы города, знаковая оболочка которых образована с помощью речи (слова, высказывания, фразы, речь, текст). Вербальными носителями выступают, прежде всего, топонимика города и нарративы, которые поддерживают символику и глубину смыслов благодаря свойствам языка, связанных с описательностью и пояснениями знаков. Визуальные носители культурной памяти города – это визуальные знаки, которые объективируют фрагменты городского прошлого. Носителями культурной памяти города, в зависимости от специфики его репрезентации в городской среде, могут выступать: природная среда города, произведения изобразительного искусства, архитектура, символика города. Особенность носителей культурной памяти города заключается в том, что различные предметы, названия, тексты становятся значимыми и ценными для человека лишь в процессе коммуникативных практик, в рамках которых генерируются и передаются образы городского прошлого.

Объективация носителей культурной памяти в городской среде призвана постоянно напоминать о прошлом города, нередко оживляя, выразительно транслируя и эмоционально насыщая актуальные слои культурной памяти города. Подобное знание о носителях культурной памяти города и специфике их функционирования может стать отправной точкой в дальнейших исследованиях культурной памяти каждого конкретного города, стать частью интеллектуального капитала, используемого в проецировании матрицы культурной памяти города. В политике культурной памяти города существенную роль сегодня приобретает процесс формирования коллективных представлений города через актуализацию забытых слоев

городской памяти или поддержание имеющихся. Такая политика предполагает активное внедрение в повседневную жизнь города как актуальных, так и латентных структур коллективной памяти.

2.3 Места памяти города

Исследование способов хранения и трансляции образов городского прошлого может быть сосредоточено не только на носителе культурной памяти города, но и на месте памяти как ключевой единицы материальной локализации культурной памяти на той или иной территории.

Важнейшую роль в концептуализации феномена «место памяти» сыграл П. Нора, который впервые обосновал его значимость для исследований коллективных форм памяти. Под местом памяти он понимает «останки прошлого» или «утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда» [Нора, 1999, с. 26].

Как подчеркивает А. Ассман, места памяти (мемориальные места) представляют собой недвижимые свидетельства прошлого, они связывают настоящее и прошлое, «такое место индивидуализировано своим именем (топонимом) и историей... место в отличие от пространства связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 354].

Если акцентировать внимание на городском контексте, то в этом случае мы предлагаем использовать понятие «место памяти города» как того места памяти, которое фиксирует и аккумулирует культурную память города. Само по себе указание на место позволяет исследователю использовать пространственную рамку города, где процессы воспроизводства коллективных воспоминаний рассматриваются сквозь призму их локализации в городском пространстве. Кроме того, обращение к концепту «место памяти города» открывает перспективу систематизации и

типологизации разнородных явлений и объектов в подчиненную единую логику целостную структуру культурной памяти города.

Возвращаясь к концепту «место памяти» следует обозначить некоторые аспекты, которые осложняют научные изыскания в данном направлении. Изначально П. Нора задал весьма широкую теоретическую рамку для данного феномена, обозначив под местом памяти объекты материального или нематериального характера, которые с течением времени благодаря усилиям множества людей приобретают символический характер и становятся элементом памяти [Nora, 1996]. К таковым он относил музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, протоколы, монументы, храмы, ассоциации и многое другое [Нора, 1999, с. 26].

Отсюда и исследователи нередко трактуют понятие «место памяти» достаточно широко, предполагая под ним самые разнообразные явления и практики – от памятных дат до гастрономии. В итоге «проблемы с дефиницией понятия обернулись тем, что в исследовательской литературе «*lieu de mémoire*» чаще используются как метафора... Нора предостерегал против понимания своего проекта как туристической прогулки по истории Франции, но именно это и произошло» [Головашина, 2022, с. 25]. Несмотря на то, что исследования П. Нора были направлены на выявление механизмов национальной памяти, его тезисы, как мы полагаем, применимы и к культурной памяти города. В этом случае весь город, особенно если он исторический, может быть представлен как место памяти, рассказывающий о прошедших в городе событиях.

Широкий контекст трактовки понятия «место памяти», который не ограничивается территориальными рамками, характерен и для ряда российских исследований, в частности, для таких, которые связаны с изучением процессов формирования городского имиджа. Например, к местам памяти Санкт-Петербурга, авторы относят как места, связанные с блокадой и Великой Отечественной войной (скульптура Родина-Мать) или места памяти, связанные с именами государственных деятелей, деятелей искусства (Петр I,

Александр Невский), так и места, связанные с современными «имиджевыми» составляющими города (белые ночи, ФК «Зенит», корюшка) [Портнягина, 2023].

Заметим, что такой разброс в понимании мест памяти осложняет дифференциацию научного дискурса вокруг данной проблематики и поиск устойчивых корреляций при проведении эмпирических исследований.

С другой стороны, по мнению А. Ассман, «место памяти» непосредственно связано с материальным воплощением событий прошлого в следах и знаках, которые могут приобретать особое значение для отдельных сообществ, а могут и забываться. В связи с этим, пространство города «насыщено «местами» и целыми системами «мест», сложившимися исторически, в результате деятельности разных субъектов, находящимися между собой в разных отношениях» [Assmann, One land and three..., 2008]. Такой позиции справедливо, на наш взгляд, придерживаются и ряд российских исследователей, полагая, что места памяти в этом случае понимаются как памятные места города (мемориалы, особые места встреч), которые можно назвать «способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое» [Стрельникова, «Места памяти»..., 2012, с. 233].

Неоднозначность трактовки понятия «место памяти города» и отсутствие устоявшегося в гуманитарной науке понимания данного феномена, требуют от исследователей постоянной конкретизации своей версии понятия или, как минимум, выбора позиции. Кроме того, данная ситуация вызывает и вопросы о том, следует ли относить к местам памяти города цифровые сервисы и интернет-порталы, которые сегодня стали ключевыми коммуникативными площадками, аккумулирующими образы городского прошлого? Наконец, по мнению ряда авторов, исследование мест памяти города требует «специальной научной методологии, что позволит перейти от уже пройденного этапа описания отдельно взятых памятников и

«мест» к изучению динамики мемориального пространства города, как системы» [Вальдман, 2021, с. 143].

В связи с этим, путем систематизации имеющегося исследовательского опыта и опираясь на обозначенную методологию, предложим один из вариантов концептуализации понятия «место памяти города» и раскроем типологию таких мест, что позволит определить устойчивые теоретические рамки в данном направлении исследований.

Прежде всего, заметим, что устойчивость смысловых граней концепта «место памяти города» во многом зависит от понятия «место» как семантической единицы, задающей логику структурирования памяти в городском пространстве. М. Оже, исследуя современные оперирует понятием «место» исходя из его трактовки как антропологического пространства, которое соединяет в себе настоящее и прошлое, «создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории» [Оже, Не-места. Введение в антропологию..., 2017, с. 36]. Напротив, «не-места» понимаются им как места, «лишенные своего смысла, без назначения, которые порождают новые масштабы коммуникационных связей и перемещений в постиндустриальном обществе [Augé, 1992, p. 100].

Понятие «место памяти», говоря словами П. Нора, является таковым в трех измерениях - материальном, символическом и функциональном. Но здесь следует подчеркнуть, что символическое измерение особенно важно с позиции ученого, поскольку «даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [Нора, 1999, с. 40]. С другой стороны, говоря словами британского социолога Дж. Урри, символичность места памяти подтверждается уникальной связью географически конкретного места с социальными и культурными практиками, которые наделяют это место ценностью посредством «особой связки между, с одной стороны, географической близостью, характеризуемой довольно насыщенными взаимодействиями, основанными на соприсутствии,

а с другой стороны – стремительно распространяющимися сетями, покрывающими большие физические расстояния» [Урри, 2012, с. 202].

Места памяти обеспечивают связь коллективных представлений сообществ со значимыми событиями прошлого, которые нередко происходили именно на данной территории. По мнению Ф. Йейтс, как мы уже отмечали ранее, с древних времен сообщества выбирали сакральные места, которые бы позволяли транслировать образы прошлого (например, образы военной победы или основания города) и запоминать «слова» и «вещи». Так, «если мы хотим запомнить какую-нибудь лошадь, льва или орла, мы должны поместить в определенные места их образы» [Йейтс, 1997, с. 18].

Места памяти связаны «с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся... значимыми в настоящем» [Замятин, 2020, с. 31]. Причем именно локализация места памяти в конкретном пространстве в виде материальных объектов (стены, вывески, мемориальные таблички, деревья, крылечки) обеспечивает прочную фиксацию образа прошлого и тем самым становится часть культурного кода сообщества, представляющего и закрепляющего в физических формах значимые для сообщества смыслы как настоящего, так и будущего. Данный тезис подтверждают и исследования А. Ассман, которая подчеркивает, что прошлое является частью нашей современной реальности через «устойчивые формы сохранения» [Ассман, Длинная тень прошлого..., 2014, с. 354], что обеспечивает формирование коллективных воспоминаний.

Места памяти можно рассматривать и в контекст города, следовательно, в этом случае места памяти являются теми материальными посредниками, которые транслируют образы городского прошлого. Как отмечают российские исследователи, «такие места содержатся в социальном пространстве города и задают его уникальность... они позволяют проследить

связь между социальными акторами (горожанами) и социальным пространством» [Веселкова, 2016, с. 15].

Таким образом, в каждом городе и более конкретно – в его материальном воплощении, будь то здание или арт-объект, присутствуют места памяти города, несущие информацию о городском прошлом. И если в молодых городах фактура места памяти может быть более скудной, то в исторических городах места памяти могут располагаться весьма плотно, причем в конкретных районах городской среды, которые отражают следы тех или иных эпох. Место памяти города публично и общедоступно для горожан, и за счет этой публичности оно предполагает наличие постоянных коммуникативных процессов, которые связаны с данным местом и манифестируют выраженные в нем образы прошлого (возложения, экскурсии, встречи, акции, митинги, концерты).

Кроме того, через устойчивые материальные формы места памяти города присутствуют в городской среде в виде «культурных ориентиров, несущих память о городе» в пространственном измерении, помогая распознавать и идентифицировать город [Gao, 2020, p. 426]. Встроенные в городское пространство материальные элементы культурного наследия (например, архитектурные композиции или скверы), формируют так называемое «чувство места» [Жердева, 2015] и тем самым укрепляют идентичность горожан. Чувство места в городской среде обеспечивается именно «физически построенной тканью, которая хранит как личную, так и культурную память благодаря долгой связи с сообществами» [Hussein, 2020, с. 204].

В связи с этим, подчеркнем, что места памяти города являются источником эмоциональной причастности к данной территории, они притягивают горожан и становятся объектом гордости за счет ценностей, которые выражает собой объект памяти и формируют причастность к городу, его культуре и истории. Представленный в камне, дереве, граните город есть не что иное, как материальное наследие, «память которого передается в

течение долгого времени через физические носители, такие как здания или памятники» [Prata, 2020, с. 445]. А их реконструкция, снос или демонтаж свидетельствуют о пересмотре оценки к событиям прошлого, к изменению репертуара культурной памяти.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что места памяти города – это локализованные в городе фрагменты пространства, хранящие и транслирующие с помощью материальных форм образы городского прошлого.

Место памяти города:

- выполняет роль материального посредника, который передают поколениям горожан наиболее значимые смыслы коллективного прошлого (религиозные символы, образы сражений и побед, образы выдающихся личностей и их достижений).

- аккумулирует опыт города и манифестируют значимость определенных образов городского прошлого через семантику пространственных форм: военные события в городе, основание города и пр. («трансляция смыслов, связанных с определённой версией коллективной памяти о прошлом, остаётся ведущей функцией памятного места» [Красильникова, 2018, с. 61]);

- несет идентификационный код города, закрепляя его отличия от других городов, формируя сопричастность к городу и коллективные представления об уникальности города и обеспечивают культурную преемственность;

- связывает горожан в единое целое за счет репрезентации общих ценностей и общего для горожан прошлого («места в городе тесно связаны с конструированием сообщества горожан» [Веселкова, 2016, с. 16-17]).

Репертуар мест памяти города может формироваться как стихийно, в частности, вследствие присутствия плотно встроенных следов ушедших эпох в городскую среду, так и целенаправленно, в том числе, в рамках политики памяти [Малинова, Политика памяти..., 2019].

Важно при этом отметить, что значимость места памяти города для горожан напрямую зависит от поддержки сопутствующими нарративами (например, мифологией), топонимами, творчеством, ритуалами, документами, исследованиями, которые закрепляют транслируемые образы в настоящем и позволяют эмоционально переживать данные фрагмент памяти. Следует согласиться в этой связи с исследователями, которые полагают, что место будет выполнять мемориальную функцию, если станет частью городского дискурса, или говоря иначе, «объектом многочисленных пересказов различными членами общности» [Васильев, *Memory studies...*, 2012, с. 421]. Причем нередко места памяти города становятся частью дизайна городской среды, а их пространственная репрезентация, как правило, вызывает дискуссии среди архитекторов, урбанистов, горожан.

Для того, чтобы определить особенности места памяти города, отделим его от смежных понятий, которые также осуществляют сохранение и трансляцию культурной памяти.

Во-первых, места памяти города мы относим к более широкой категории носителей (или медиаторов) памяти, которые закрепляют и передают эпизоды культурной памяти города следующим поколениям. Носитель культурной памяти является, как мы отмечали ранее, тем знаковым посредником, ключевая функция которого состоит в аккумуляции и трансляции культурных смыслов города, образующих символическую матрицу культурной памяти города.

Во-вторых, места памяти города следует отделять от коммеморативных практик, назначение которых состоит в актуализации тех образов прошлого, которые зафиксированы в носителях. Коммеморативные практики поддерживают культурную память через коммуникативные процессы, поскольку память живет «благодаря общению, и если оно обрывается, или соответствующие рамки передаваемой реальности исчезают или изменяются, то наступает забвение» [Алексеева, 2020, с. 95]. Коммеморация – это всегда действие, коммуникация. Такое действие может осуществляться как в рамках

ведения интернет-блога, освещающего фрагменты городского прошлого, так и при проведении городского фестиваля, исторической реконструкции памятной даты (перформативная коммеморация).

Многообразие мест памяти города обусловлено не только спецификой городов (исторические, малые, промышленные, туристические), но и особенностями их репрезентации в пространстве города: от появления, установки, размещения места памяти до отношения к нему со стороны городских сообществ. В результате каждый город может иметь свое мемориальное пространство как индивидуальную совокупность мест памяти города. Мы провели теоретический анализ имеющихся исследований, посвященных местам памяти города, и выявили следующие возможные типы таких мест.

а) В зависимости *от знаковых средств кодирования фрагментов городского прошлого* места памяти города, как мы уже отмечали, могут быть визуальными и вербальными, а также аудиальными (например, мелодия), тактильными и так далее. В местах памяти по-разному кодируются образы прошлого. Преимущественно это происходит с помощью визуальных знаков, которые могут нести знаковую функцию через самые разные объекты, например, природные (сирень как любимое растение композитора является частью места памяти Сергея Рахманинова в Великом Новгороде) или объекты, созданные людьми с помощью различных материалов (бронзовая скульптурная композиция, изображающая Сергея Рахманинова, опирающегося на скамейку в Кремлевском парке Великого Новгорода). Вербальные же знаки могут доминировать в тех местах памяти города, в которых, они выступают в качестве объекта городской среды (например, памятник букве «Ё» в Ульяновске).

б) Исходя *из способов локализации в городском пространстве* места памяти города могут различаться по нескольким основаниям, в частности, можно выделить места памяти как часть городской архитектуры и дизайна городской среды (в частности, архитектурные сооружения - храмы, дворцы)

и места памяти, расположенные обособленно. В исторических городах целые архитектурные комплексы как знаковые здания и сооружения, органично вписанные в городской дизайн, становятся местом памяти событий прошлого.

Например, шедевр русской архитектуры в Ярославле – Храм Пророка Илии хранит память не только об архитектурных традициях российских мастеров и уникальных образцах фресковой росписи российских мастеров, но и транслирует собой значимость для города Православной культуры. С другой стороны, существуют места памяти в российских городах, которые создавались специально как таковые и расположены отдельно, не вписываясь в архитектурный ландшафт города, например, мемориальные комплексы. Таковым является мемориальный комплекс «Журавли» в Саратове, расположенный на Соколовской горе, как памятный знак саратовцам, погибшим во время Великой отечественной войны.

в) Места памяти города могут различаться и *по способу их появления*. Во-первых, место памяти города может представлять собой естественное место, не созданное специально, которое хранит в своих формах символическую связь с событиями прошлого. Например, к естественным местам памяти, которые не устанавливались целенаправленно людьми, следует отнести руины, которые за счет своей физической привязки к данной территории и с помощью разрушенных визуальных форм транслирует фрагменты городского прошлого. Так, в Великом Новгороде одним из таких мест памяти является Рюриково городище, на территории которого находятся величественные руины Благовещенского собора, представляющего собой археологический памятник IX века и свидетельствующий о призвании и княжении варягов и Рюрика - первого князя Древней Руси. Во-вторых, место памяти города может представлять собой целенаправленно созданный и спроектированный объект городской среды с целью напоминания современникам о прошедших в данном месте событиях. К таким следует отнести различные мемориалы, памятные доски, бюсты, которые

увековечивают образы, связанные так или иначе с городом. Так, монумент (в переводе с латинского означает «напоминатель»), который город устанавливает в качестве репрезентанта определенных ценностей «выражающий определенные ценности «призван символически останавливать время, интенсивно акцентируя внимание на актуальном прошлом, отношение к которому задаёт направленность социальной динамике... именно поэтому монумент ярко выделяется на фоне городской среды, привлекая всеобщее внимание» [Красильникова, 2018, с. 60].

г) Места памяти города в зависимости *от уровня значимости образов коллективного прошлого для горожан* могут быть национальными (хранящими память народа), локальными (хранящими память событий в истории города) или субкультурными (хранящими память конкретных городских сообществ или субкультур – музыкальных, спортивных и иных). Выявление таких типов места памяти позволит разделить и систематизировать эти места, раскрыть идентификационные связи между местами памяти и социальными группами, которые их поддерживают. Это, в свою очередь, позволит выявить мемориальную семантику города, понять и спрогнозировать значимость всей совокупности мест памяти исходя из социальных и культурных факторов. В частности, в российских городах немало мест, транслирующих память о Великой отечественной войне, которая затронула судьбы многих городов и их жителей. С другой стороны, в городах существуют места памяти, которые хранят в себе образы других сражений, имеющих социальную значимость для тех, кто был непосредственно причастен к данным событиям. Например, как показывают исследования российских специалистов, «символическое значение мест памяти об афганской войне мозаично (представлено от религиозных до поэтических мотивов) и имеет закрытый характер, то есть не поддается расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта». [Стрельникова, Коллективная память в городском пространстве..., 2011, с. 125].

д) Места памяти города мы можем отнести к разным типам *исходя из особенностей образов городского прошлого*, на которых строится символическая связь с местом памяти. Как минимум, следует выделить следующие возможные типы мест памяти города:

- память «гениев места» (места, хранящие память о выдающихся личностях, которые так или иначе связаны с городом);
- память сражений и боевых действий (места, в которых горожане чтят фрагменты памяти, связанные с победами, завоеваниями, утратами и пр.);
- память истоков (места, которые «рассказывают» о началах и зарождении города, народа, страны и пр.);
- память традиций (места, свидетельствующие о торговых, ремесленных, правовых, творческих, научных и прочих традициях, с которыми связывается городское прошлое).

е) Наконец, *по способам установления символической связи между местом памяти города и событием прошлого* (скрепляющей означаемое с означающим), места памяти города могут быть официально утвержденными на уровне городской власти (в официальных названиях улиц, памятников) и неформальными (например, быть значимыми для представителей молодежной субкультуры).

Представленные способы определения типов места памяти города предполагают первичную актуализацию проблемы типологии места памяти города, которая может быть дополнена и скорректирована в результате дальнейших, в том числе, прикладных исследований. Заметим также, что одно и то же место памяти города может быть отнесено к разным типам в зависимости от исходного критерия.

Между тем, как мы отмечали ранее, места памяти города динамичны. Они появляются и исчезают, отражая тем самым веяния политики памяти, в которую нередко включены самые разные интересы – от институциональных и глобальных до локальных и общественных. В связи с этим, используя процессно-реляционную теорию производства социального порядка,

которую предлагает американский социолог Дж. Олик [Олик, Фигурации памяти..., 2012], рассмотрим четыре аспекта эпистемологических рамок, которые позволяют акцентировать внимание на анализе динамики отношений к тем местам, которые хранят коллективные воспоминания.

Опираясь на труды П. Бурдьё и Н. Элиаса, ученый критикует традиционные подходы к исследованиям коллективной памяти, показывая их неспособность работать с памятью как с процессом, а не как со статичным объектом, и предлагает собственную методiku «фигурации памяти» как новый способ исследования образов прошлого сквозь призму четырех концептов – поле, средства памяти, жанр и профиль. Соглашаясь с процессно-реляционной теорией производства социального порядка Дж.Олика и принципом четырех концептов, используем данные теоретические положения, чтобы проанализировать динамику коллективных воспоминаний в культурной памяти города, которые проследим с акцентом на местах памяти города.

Во-первых, поскольку культурная память города относительна и гетерогенна, то и места памяти города зависят от контекстов и политических сил, они отражают доминирующие взгляды на прошлое города, которое, как правило, неоднозначно. Дж. Олик использует категорию «поле», что характерно для социологии культуры П. Бурдьё, и отмечает, что структура и деятельность полей не бывает устойчивым, а само поле – это «место борьбы, его природа и правила работы всегда либо воспроизводятся, либо меняются, а значит, не могут считаться само собой разумеющимися» [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 48].

Места памяти города в этой связи осуществляют репрезентацию конкретного образа прошлого, поскольку манифестируют собой следы конкретных событий, а, значит, каждое место памяти генерирует разные воспоминания, формируя коллективные представления о тех или иных фрагментах городского прошлого. Места памяти города могут транслировать образы разных эпох, сообществ, субкультур города, рассказывая о своем

прошлом (память об афганцах, о блокадниках, о музыкантах). В данном случае особенно ярко проявляется процесс появления мест памяти (про что помнить? зачем помнить?), а также их легитимация, включение в городскую культуру, что всегда связано с официальным мемориальным дискурсом, влияющим на планирование городских локаций. Между тем, образы прошлого могут предаваться забвению, несмотря на то, что локализованы в городском пространстве (например, снос памятника или заброшенность локаций). В частности, в одном из исследований российские ученые показали, что религиозные места памяти в послевоенной деревне, несмотря на негативное отношение к ним официального дискурса, долгое время продолжали оставаться средствами консолидации общества, позволяющими «объединить в единое целое прошлое и будущее, наполнить его надеждами на позитивные изменения» [Хасянов, 2021, с. 22].

Во-вторых, места памяти города, по сути, представляют собой тех посредников, которые являются проводниками смыслов, обеспечивая передачу образов городского прошлого. По мнению Дж. Олика, «нет восприятия без интерпретации; нет события, которое бы не было сконструировано социальными формами; нет реальности самой по себе» [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 53]. Поэтому мы напрямую контактируем не с прошлым как таковым, а лишь с его репрезентантом – средством передачи культурной памяти города, то есть прошлое попадает к нам через символически кодированные и объективированные в реальности средства, формирующие свою картину образов. Соответственно, место памяти города – это один из возможных носителей информации о прошлом или репрезентантов образов городского прошлого. Места памяти относятся к жестким носителям культурной памяти города, которые, в отличие от мягких (фотография, музыка, событие) прочно вписаны в городское пространство, а их установка, или напротив, демонтаж, служат маркером отношения города к своему прошлому, а также маркируют проецирование будущего. В исследовании малых городов Пермского края (Усолье, Всеволодо-Вильва,

Чердынь) исследователи показывают три типичных модуса отношений к местам памяти: руинизированное пространство, пространство воображения и «пространство памяти» в состоянии живой запущенности [Балла, 2015].

В-третьих, сами по себе места памяти города, представляющие собой материальный объект, лишь в коммуникации, в дискурсе обретают свою символичность и генерирует образы городского прошлого. По Дж. Олику «между производством и восприятием культуры стоит текст памяти: производство и восприятие памяти происходят через текстуальность памяти, которую можно понять, лишь обратив внимание на ее связь с другими контекстами и предыдущими событиями» [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 58]. Место памяти города станет источником воспоминаний и будет объектом эмоциональных переживаний только тогда, когда оно вписано в череду практик, в коммуникативный процесс актуализации смыслов города, поскольку культурная память всегда диалогична, это разговор прошлого с настоящим. Политика памяти города в этом случае отражается на отношении к местам памяти - чем более ценны и сакральны такие места, тем глубже и ярче они вписаны в городские практики (возложения, шествия, чтения, почитания, празднование), в институты (музеи, школы, библиотеки), в туризм и креативные индустрии. Практики городской коммеморации есть не что иное, как репрезентация прошлого города в современной реальности, они «оживляют» отдельные фрагменты прошлого города. В связи с этим, особенно актуальными в данном контексте являются исследования, демонстрирующие специфику коммеморативных практик, которые поддерживают культурную память через коммуникативные процессы, поскольку память живет «благодаря общению, и если оно обрывается, или соответствующие рамки передаваемой реальности исчезают или изменяются, то наступает забвение» [Алексеева, 2020, с. 95]. Иллюстрацией к данному тезису являются примеры коммеморативных практик, позволяющие восполнить лауну, связанную «с изучением памятных мест в Петрозаводске и... образов ...образов, связанных с Петром I» [Урванцева, Фигурации

памяти..., 2012, с. 53]. Среди таковых – церемонии, закладки, открытия, перемещение памятника по городу, ритуальные действия с памятником, социокультурные акции и пр.

В-четвертых, состояние мест памяти города, их «включенность» в городскую повестку нередко связаны с внешним или внутренним позиционированием города, его имиджем, брендом. Дж. Олик говорит в этой связи о профиле как о том образе, который становится фактором пересмотра отношения к памяти. Нередко место памяти города становятся тем самым источником идентичности, который затем используется маркетологами в брендинге города. Так случилось, например, с Великим Новгородом. Рюриково городище как место памяти города, которое свидетельствует о призвании и княжении варягов и первого князя Древней Руси Рюрика стало местом, отражающим позиционирование города как Родины государственности, и соответственно, стало привлекать внимание и горожан, и туристов, что потребовало от города обустройства данного места памяти.

Таким образом, мы полагаем, что место памяти города – это локализованный фрагмент городского пространства, хранящий и транслирующий образы городского прошлого. Места памяти города всегда символичны, они манифестируют ценность прошлого и являются носителем идентификационного кода города, формируя отличия города и коллективные представления о его уникальности через переживание и воображение транслируемых образов. Изучение мест памяти города в динамике мемориального пространства города может проводиться исходя из а) принципов корреляции между репертуаром мест памяти города и контекстами, политическими силами, отражающими доминирующие взгляды на прошлое города; б) понимания мест памяти города как символических посредников, что накладывает отпечаток и на мемориальные традиции; в) значимости коммуникативных процессов как коммеморативных практик, обеспечивающих актуализацию образов городского прошлого в местах памяти города; г) зависимости состояния мест памяти от их «включенности»

в городскую повестку, в процессы внешнего и внутреннего позиционирования города.

Осмыслить и систематизировать многообразие мест памяти города позволяет типология мест памяти города. Как мы установили, типы мест памяти города могут выделяться в зависимости от знаковых средств кодирования места памяти города, способов локализации места памяти в городском пространстве, способов возникновения мест, от уровня значимости образов коллективного прошлого для горожан, особенностей образов городского прошлого как объектов городской среды, способов установления символической связи между местом памяти города и событием прошлого. Данная типология является теоретической гипотезой и, поэтому, может быть расширена и дополнена, в том числе, в результате дальнейших эмпирических исследований мест памяти в различных городах.

Глава 3

СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

3.1 Символизация образов городского прошлого

Определив ключевые теоретические аспекты культурной памяти города в предыдущих главах, заметим, что актуальность исследований культурной памяти города, обусловлена не только академическим контекстом, но и прикладными аспектами. В данной и последующих главах мы раскроем особенности культурной памяти города как символического ресурса, который можно и нужно использовать и для формирования устойчивой городской идентичности и ценностей локального патриотизма, чувств сопричастности горожанина к городу, повышения привлекательности образа города для различных целевых аудиторий.

Данная глава будет посвящена тому, чтобы раскрыть первый (условно говоря – внутренний) аспект символического ресурса культурной памяти города, который связан с социокультурными процессами города. Поскольку в рамках настоящего исследования мы делаем акцент на символических аспектах значимости тех или иных смыслов, которые образуют матрицу культурной памяти города для современников, то данный параграф посвящен выявлению основных практик символизации образов городского прошлого, что позволит обозначить дальнейшие векторы интерпретации культурной памяти города как символического ресурса.

а) Символическая природа культурной памяти города.

Исследования символических практик, раскрывающих процессы кодирования реальности в рамках культурологического дискурса, явление далеко не редкое. Оно опирается на солидный академический фундамент, в частности, на феноменологию символического обмена Ж. Бодрийера, анализ

структур символической власти П. Бурдьё или семиотическое познание текстов культуры Ю.М. Лотмана.

Символическую природу имеет и культурная память города, поскольку она «гальванизирует» прошлое в символах и представляет собой тот институт, который «проявляется, объективируется и накапливается в символических формах» [Assmann, *Communicative and Cultural...*, 2011, с. 17]. Изучение процесса символизации образов городского прошлого является ключом к пониманию того какие образом эпизоды культурной памяти города и носители, в которых заключены соответствующие смыслы (памятники, киноленты, музыкальные композиции) не только становятся проводниками значений и ценностей прошедших эпох, источником «переживания» памятной информации [Fedotova, 2019, с. 109], но и символическим ресурсом развития территории.

Подчеркнем, что прошлое представлено в настоящем в новом значении, актуальном для современников, нередко идеализированном. Это подтверждает и мнение Э. Кассирера, который отмечал, что «недостаточно простого повторения того, что было дано в другой момент времени... воспринимая содержание не как настоящее, а как прошедшее, сознание, тем не менее, хранит в себе его образ, а стало быть, представляет его как что-то неисчезнувшее — и уже таким к нему отношением придает ему и себе иное, идеальное значение» [Кассирер, 2002, с. 96].

По мнению современных ученых, культурная память имеет два уровня: биологический (как совокупность индивидуальных памятей определенного количества людей) и символический, связанный с «символическим порядком, средствами массовой информации, учреждениями и практикой, с помощью которых социальные группы строят общее прошлое» [Erl1, 2008, с. 5]. К подобным результатам пришла в исследованиях и Ф. Йейтс, которая через анализ способов сохранения памяти о прошедших эпохах предлагает понятия естественной и искусной памяти (в нашем случае символической). Для сохранения искусной памяти, по ее мнению, требуются напоминания о

прошлом через места и образы: «искусная память состоит из мест и образов» [Йейтс, 1997, с. 18].

Соответственно, символический ресурс культурной памяти города тесно связан с ее способностью формирования ценностного отношения к тем или иным образам городского прошлого, а также к тем, местам, в которых они сконцентрированы (дома, курганы, бюсты, здания, горы) [Федотова, Культурная память города..., 2021].

С позиции американского социолога Дж. Олика, культурная память представляет собой продукт «коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также социальных инструментов для их хранения и передачи» [Олик, Память – это не вещь..., 2018, с. 13]. Говоря иначе, речь идет о способах кодирования культурной памяти (миф или архитектурная композиция), которое предоставляет возможность передавать ценности образов городского прошлого. Символическое кодирование прошлого влияет на структурирование локальных идентичностей, которые во многом держатся на символическом разграничении полей и их конструировании акторами.

Каким образом формируются границы отличий одних сообществ от других, в том числе, и городских, в контексте символических практик? По мнению М. Хальбвакса, «припоминание фактов обусловлено «рамками» и «ориентирами», которые создаются обществом, в том числе, и речью, представлениями о пространстве и времени» [Хальбвакс, 2007, с. 68]. Соответственно, локальные сообщества, например, городские, проводят символическую границу отличий (ориентиров и рамок), которые задают отношение к прошлому. В зависимости от этих символических границ отличий возникают и определенные ценности образов городского прошлого. Семантика культурной памяти города раскрывает символический потенциал культурных смыслов, поскольку «семантическая память связывает отдельного человека с коллективом, социумом в целом, именно через нее

происходит трансляция значимых для группы смыслов и моделей поведения» [Шуб, Социальная, коллективная и культурная..., 2017, с. 8].

Обращение к символической природе культурной памяти города позволяет рассматривать ее через постоянное кодирование реальности, в том числе, и тех практик, которые определяют наше отношение к городскому прошлому. Как отмечал Ю.М. Лотман, «под влиянием новых кодов, которые используются для дешифровки текстов, отложившихся в памяти культуры в давно прошедшие времена, происходит смещение значимых и незначимых элементов структуры текста» [Лотман, Избранные статьи..., 1992, с. 201]. Новые культурные смыслы появляются в результате символизации прошлого, поэтому и культурную память следует понимать не столько как хранилище прошлого, сколько определять «пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры» [Завершинский, 2019, с. 253].

Исходя из символической природы культурной памяти города и используя коммуникативный подход, раскроем процесс символизации образов городского прошлого путем обращения к следующим вопросам, ответы на которые позволят раскрыть механизм реализации символического ресурса культурной памяти города:

- каковы способы символизации образов городского прошлого, позволяющие сохранять и воспроизводить эпизоды культурной памяти города?

- кто является актором символизации образов городского прошлого, осуществляющих формирование ценности эпизодов культурной памяти города?

Обращаясь к первому вопросу, заметим, что знаковыми средствами, обеспечивающими символизацию образов городского прошлого (знаковых исторических событий города, военных действий, творчества известных личностей города) выступают не только как носители культурной памяти города, но и коммеморативные практики, обеспечивающие актуализацию и

объективацию памяти, куда входят не только установка и демонтаж памятников, но и открытие и проведение «культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывание текстов учебников и путеводителей, официальных текстов» [Макаров, 2008, с. 10].

И носители культурной памяти города, и коммеморативные практики символически кодируют культурную память города и передают через формы, звуки, события для современников образы городского прошлого.

Символическое кодирование культурной памяти, по нашему мнению, представляет собой систему упорядочивания смыслов города для осознания прошлого и трансляции образов городского прошлого. Результатом такого кодирования становится культурный код города, о котором речь шла в предыдущих главах, и который может быть сформирован из пространственных, идентификационных, природных, художественных и прочих образов. В культурном коде города в результате символического кодирования могут быть отражены разные эпохи. Так образован культурный код Волгограда как города воинской славы, несмотря на то что жители города считают идентичность города-героя одной из возможных, включая также «репрезентацию образов досоветского прошлого и, прежде всего, обращение к истории Царицына» [Шипицин, 2016, с. 93]. Тогда как культурный код Великого Новгорода, если опираться на проведенные нами эмпирические исследования, о которых мы говорили ранее и будем дальше говорить, неотделим от более чем 1000-летней истории, представленной такими аутентичными памятниками культуры, как Памятник тысячелетия России, православные храмы, Софийский собор, Кремль, Ярославово дворище, которые транслируют смыслы православной культуры, республиканского, средневекового, «ганзейского» прошлого. В этой связи ключевым аспектом новгородского культурного кода является его идентификация как древнего исторического города с богатым культурным

наследием и ценным культурным слоем, хранящим в себе уникальные следы прошлого, а также места рождения российской государственности.

Культурный код города, так или иначе связанный с культурной памятью, осуществляет репрезентацию городского прошлого в многообразных текстах и знаках, переводя структуры памяти в понятные и доступные формы. Социальная сконструированность культурного кода позволяет проектировать процессы кодирования и, в связи с этим, определять политику сохранения тех или иных фрагментов городского прошлого. Благодаря культурному коду города информация о коллективе сохраняется и становится частью культурной памяти.

б) Способы символизации образов городского прошлого.

С помощью символизации образов городского прошлого происходит закрепление и сохранение смыслов в культурной памяти города. Данный процесс может происходить, по нашему мнению, посредством различных способов.

Я. Ассман подчеркивал, что культурная память существует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами» [Assmann, Communicative and Cultural..., 2011, p. 17]. Без совместного переживания и трансляции смыслов памяти (в событиях, публикациях, встречах, церемониях) образы городского прошлого обедняются, не наполняются содержанием, следовательно, придают забвению. В связи с этим, рассмотрим основные способы символизации образов прошлого, формирующих ценность тех или иных фрагментов культурной памяти города для современников.

Во-первых, образы городского прошлого фиксируются в городской среде посредством установления материальных объектов – художественных (арт-объектов), архитектурных и так далее, которые формируют визуальный облик данного пространства города.

Так, если обратиться к городскому пространству города Санкт-Петербурга, то здесь можно раскрыть процесс символизации образов

городского прошлого сквозь призму установленных в этом городе за последние десятилетия памятников. К таковым относятся не только памятники, несущие персонифицированные образы ушедших событий Санкт-Петербурга, но и памятники животным, хранящим уникальные сюжеты о городском прошлом. В частности, речь идет о небольших памятниках известным личностям, которые жили и творили в Санкт-Петербурге (например, памятник Даниилу Хармсу) или таких, которые создают ценность городского пространства (памятник А. Ахматовой как способ сакрализации «ахматовского места»). Новая дата в календаре россиян отразилась в установке в данном городе скульптурной композиции «Святые благоверные Петр и Феврония Муромские», которая стала частью памяти города и теперь символизирует ценность семьи у современных жителей города. Тогда как установленная на удельном «блошином» рынке скульптура шарманщика с собачкой символизирует воплощение своеобразного кода города, напоминая о рыночном прошлом и создавая самобытную питерскую атмосферу. С другой стороны, образы прошлого могут быть связаны с теми или иными событиями (трагичными или курьезными), приобретать символическое воплощение в виде памятников животным. Так, одним из объектов городской среды, которые подчеркивают уникальность Санкт-Петербурга, стал бронзовый кот, как символ исключительного отношения петербуржцев к четвероногим, особенно после блокады Ленинграда. Или миниатюрная бронзовая статуэтка птички «Чижик-Пыжик», которая вместе с известным стихом хранит в себе страницы памяти, связанные с питерскими легендами о «пыжиковых» шапках, «чижиковых» петлицах и манжетах учеников Императорского училища правоведения.

Во-вторых, символизация аутентичных слоев культурной памяти городов может воплощаться в реконструкции исторических зданий, сооружений, домов, усадеб. Так, в Нижнем Новгороде одним из значимых фрагментов памяти для горожан является, согласно опросу, Нижегородская ярмарка» [Чернявская, Нижний Новгород..., 2013, с. 73]. Среди

материальных воплощений Нижегородской ярмарки, сохранившихся до наших дней, следует назвать, например, Главный ярмарочный дом, который поддерживается в культурной памяти нижегородцев путем реставрации здания, а также открытия фотовыставок, передающих культурный «ярмарочный дух» того времени.

В-третьих, как отмечает А. Ассман, современная эпоха характеризуется так называемой гипервизуализацией, поскольку память передается не очевидцами, а посредством «фикциализации истории в виде захватывающего сюжета» [Ассман, Новое недовольство мемориальной..., 2016, с. 35]. В информационном потоке городского пространства возникают не только короткие видеоролики с образами городского прошлого, но и масштабные кинопроекты, направленные на сохранение культурной памяти того или иного города.

В-четвертых, символизация образов городского прошлого осуществляется в нарративах, закрепляющих уникальные сюжетные истории в культурной памяти города с помощью вербального кодирования, поскольку семиотичность города «выражается посредством различных знаков, в том числе вербальных» [Кузнецова, 2019, с. 90]. В частности, в нарративах смысл передается через слово, причем не только наименованием, но и посредством сложных вербальных структур. По мнению Дж. Верча, память материализуется, объективируется в настоящем с помощью нарративов [Wertsch, Collective memory..., 2009]. Через нарративы, которыми оперирует память, происходит интерпретация настоящего и актуализация прошлого, которое наделяется смыслами для современников [Малинова, Политика памяти..., 2018, с.32]. Следовательно, символизация прошлого в данном случае есть не что иное, как создание и репрезентация нарративов в городской среде с помощью самых разных средств, передающих память.

Так, через мифы осуществляется сакрализация городского прошлого, формируется первичный уровень культурного смысла: события, процесса, факта. Например, образы прошлого городов Урала основаны на

своеобразных мифах - «бажовский миф» или миф о Ермаке - и в отличие от мифов Центральной России, где города тяготеют к репрезентациям средневекового прошлого (Ярославль, Великий Новгород, Владимир). Города Урала нередко осмысляются и понимаются на основе индустриального мифа или мифа промышленного города. В данном случае миф производит символизацию образов городского прошлого, которая строится в рамках имиджевых стратегий развития сибирских городов. Города Урала представляют собой целостный кластер региональных образов промышленной индустрии страны [Замятин, Имиджевые ресурсы территории..., 2015, с. 43].

В-пятых, отдельно выделим топонимику как важнейший способ символизации образов городского прошлого, поскольку посредством названий улиц или иных объектов города (площадей, скверов и пр.) мы фиксируем конкретный смысл, который отсылает нас к определенному эпизоду культурной памяти города. Именно поэтому переход к новой эпохе, как правило, сопровождается переименованием как объектов городов, так и самих городов (подробно этот аспект был раскрыт в предыдущей главе в контексте вопроса носителей культурной памяти города). Так, крушение советской эпохи сопровождалось переименованием городов, которым возвращались исторические названия (Санкт-Петербург или Екатеринбург).

В-шестых, символизация образов городского прошлого может выражаться в создании поведенческих кодов, сопровождающих памятные мероприятия (арт-фестивали или фестивали традиционных ремесел), которые декларируют культурные смыслы, приращивая тем самым их значимость, актуализируя памятные страницы города и образы городского прошлого. Ритуал и миф в современном обществе остаются важными элементами культуры и наиболее ярко они проявляют себя в праздничной культуре, которая «занимает особое место в формировании, воспроизводстве и сохранении культурной памяти» [Артюшкина, 2017, с. 141]. Так, праздник позволяет символически передать сакральные смыслы городского прошлого

путем воспроизводства образов. Устойчивости этого процесса способствует не только принятие ценности праздника со стороны сообщества, но и ритуальная сторона как поведенческий код, который закрепляет смысл праздника (во внешних атрибутах, в выборе меню для праздничного стола, в возложении предметов). Ритуал как важнейшая форма трансляции культурного смысла за счет повторения и спланированного сценария поддерживает символическое значение фрагмента памяти города (дата, подвиг, произведение известной личности). Важно отметить, что на уровне символизации определенных сценариев поведения, происходит ценностное встраивание образа городского прошлого в современные практики.

В-седьмых, символизация образов городского прошлого осуществляется посредством символических практик, которые направлены на создание и позиционирование уникального образа города. В связи с этим, городской брендинг является одной из эффективных практик символизации образов городского прошлого. Как мы покажем далее, в бренде города часто осуществляется репрезентация аутентичных фрагментов культурной памяти города, то есть кодирование городского прошлого в узнаваемых знаках.

в) Акторы символизации образов городского прошлого.

В процессах символизации образов городского прошлого взаимодействуют акторы, участвующие в генерировании значимости тех или иных эпизодов культурной памяти города, которые способны «производить интерпретации реальности... и располагают ресурсами для их продвижения» [Малинова, Политика памяти..., 2018, с. 31]. Акторы символизации образов городского прошлого, будь то индивиды или коллективы, осуществляют рефлексию коллективного опыта, его контекстную интерпретацию и, тем самым, формируют репертуар актуальных слоев культурной памяти города. Целенаправленное «воспоминание», осуществляемое акторами, иногда является частью политики памяти и коммеморативных практик (от экранизаций исторических эпизодов города до установления памятных дат),

особенности функционирования которой мы рассмотрим в заключительной главе.

С одной стороны, акторы актуализируют и интерпретируют фрагменты памяти и тем самым вырабатывают системную оценку прошлого и понимание его значимости для настоящего, что показывают примеры некоторых российских городов. Так, в Омске события, связанные с Гражданской войной, интерпретируется в городе неоднозначно не только по причине драматизма исторической ситуации, но и в результате реализующейся стратегии забвения данного фрагмента в городском прошлом. Как следствие этого, в городе постепенно сформировался мощный эмоциональный отклик среди интеллектуальной элиты «по поводу того, на чьей стороне была правда, что культурная память пока не может выполнить социально-терапевтическую функцию объединяющего характера» [Горнова, 2017, с. 20].

С другой стороны, акторы генерируют культурные смыслы, «прикрепляя» образы прошлого к местам памяти, что обеспечивает их устойчивость, кодируя «событие, явление... и передают его от адресата к адресату, от поколения к поколению» [Руцинская, 2011, с. 36]. Интерпретации знакового места связаны «с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся... значимыми в настоящем» [Замятин, Пространство и гетеротопия..., 2020, с. 31]. При этом процесс интерпретаций, стирающий границы между прошлым и настоящим, отличается «креативностью, визуализацией, аутентичностью», и на основе языка дебатов об осмыслении прошлого возникают или обновляются «новые идентичности, привязанные к местам памяти» [Макарычев, 2012, с. 13].

В качестве инструментов акторы нередко используют институциональные ресурсы (музеи, архивы), в которых аккумулируется и структурируется информация о прошлом, а также институты образования или политические институты, через которые происходит трансляция

культурных смыслов города. Отметим, что в современном городе символизацию прошлого осуществляют акторы цифровых коммуникаций, специфика которых будет раскрыта в последней главе.

Для реализации этих ролей акторам требуется либо наличие политической власти, либо авторитета в обществе, подкрепляемого доступом к коммуникативным ресурсам (журналисты, религиозные деятели, ученые). Исходя из уровней официальности и включенности в процесс управления культурной памятью, к акторам символизации образов городского прошлого можно отнести не только институты власти и такие официальные объединения как экспертные [Миллер, 2013] или бизнес-сообщества, но и отдельные личности и социальные группы, которые участвуют в дискуссии по отношению к прошлому. Культурная память при этом служит условием идентификации для коллектива людей [Арнаутова, 2006, с. 49]. Поэтому коллективное прошлое, по сути, является той площадкой, «на которой можно бороться не только за интересы и ресурсы... но и за ту самую идентичность, которая в первую очередь поддерживает и организует эти интересы» [Olick, *The sins of the fathers...*, 2016].

В локальном срезе данный аспект особенно актуален, поскольку для региональных властей культурная память города представляет собой источник формирования городской идентичности, тесно коррелирующей с процессами консолидации и солидаризации горожан, их уровнем самосознания, который напрямую влияет на активность участия жителей в процессах развития города.

Особую роль в символизации образов городского прошлого играют частные инициативы, которые не всегда отвечают задачам региональных властей. Так в Санкт-Петербурге функционируют частные музеи, открытые во многом благодаря деятельности индивидуальных акторов, стремящихся сохранить и представить для современников такие экспонаты, которые передают разные эпизоды петербургской памяти. Среди них, например, Музей «Старого Нового года» (хранящий воспоминания советского

петербургского прошлого о праздновании праздника Новый год посредством созерцания более чем 10 тысяч экспонатов того времени) или Музей редких вещей (в экспозиции представлены раритетные предметы питерского прошлого, включающие в себя шляпу поэта Маяковского, кандалы декабристов и иные уникальные артефакты).

В процесс символизации прошлого включены нередко индивидуальные акторы, например, посредством создания мемуаров, которые накладывают отпечаток на интерпретацию эпизодов коллективной памяти. Существуют исследования, в которых показано, как произведения отдельных людей (письма, биографии, дневники) становятся важнейшими каналами формирования коллективной памяти [Saunders, 2008].

Соответственно, в зависимости от специфики акторов, символизация образов городского прошлого может быть на официальном или неофициальном уровне. Формы официальной памяти постоянно меняются, как «меняются границы между публичным и приватным», и эти изменения влияют на репрезентацию прошлого [Олик, Фигурации памяти ..., 2012, с. 51]. На официальном уровне, как правило, закрепляются символические даты, формируется официальная версия того, что помнить и как помнить (от выбора репертуара памятования до коммеморативных практик сохранения памяти). К неофициальному же или неформальному уровню относятся не только частные практики сохранения артефактов прошлого, но и совместные гражданские инициативы (например, патриотические акции) или художественная деятельность творческих коллективов, которые хранят в своем репертуаре образы прошлого и передают их современникам в поговорках, в музыке, в традициях.

г) Культурная память как символический ресурс.

Культурная память города, как мы ранее отмечали, является своеобразным хранилищем смыслов города, которые могут использоваться современниками как символический ресурс, который мы понимаем как нематериальные формы воздействия на процессы, существующие в виде

смыслов, выраженных в символических средствах, способные влиять на ценности и сознание коллектива, создавать впечатления, повышая или напротив понижая значимость тех или иных феноменов и практик. Исходя из такого понимания культурной памяти города одни и те же фрагменты городского прошлого могут получать новое значение для современников или предаваться забвению посредством сохранения, актуализации, пересмотра событий прошлого, которые складываются в символическую матрицу коллективных воспоминаний. Следовательно, к символическим ресурсам города можно отнести все, что несет в себе определенную значимость для города (известные личности, знаковые события, символы города).

С одной стороны, культурная память города является важнейшим элементом социокультурных процессов, которые происходят в городе, поскольку, как мы отмечали ранее, она выполняет социальные и культурные функции – объединяет горожан в единое сообщество благодаря общим воспоминаниям, обеспечивает преемственность поколений горожан, скрепляя во временном континууме прошлое и настоящее города, символически влияет на формирование ценностей локального патриотизма, и наконец, культурная память города является символической основой городской идентичности через коллективное осмысление совместного прошлого, благодаря чему укрепляются ценности, самосознание и деятельная активность сообщества [Ассман, Новое недовольство мемориальной ..., 2016, с. 32]. Особым символическим ресурсом обладают такие российские города, которые имеют богатое культурно-историческое наследие, связанное с их уникальным прошлым, хранящим события не одной эпохи (Суздаль, Владимир, Ярославль, Псков, Великий Новгород).

С другой стороны, поскольку культурная память города многослойна, то ее можно рассматривать как резервуар смыслов, каждый из которых обладает определенным потенциалом для формирования позитивного и уникального образа города, в том числе, и для формирования символического капитала города, который может приносить в виде символической «прибыли» доверие

к городу, повышать его узнаваемость, известность, престиж. Наиболее уникальные фрагменты городского прошлого становятся тем символическим ресурсом города, который востребован при разработке позитивного образа, отличающего город от иных городов.

Таким образом, символизация образов городского прошлого представляет собой сложный процесс структурирования в городской среде культурных смыслов, задающих для горожан значимость определенных фрагментов культурной памяти города, оценку событий прошлого и настоящего. Прошлое города представлено в настоящем в новом значении, актуальном для современников. Исследование процесса символизации городского прошлого является ключом к пониманию того, как символические формы, с которыми сталкивается горожанин, становятся проводниками значений и ценностей прошедших эпох, источником «переживания» прошлого. Обращение к практикам символизации образов городского прошлого позволяет рассматривать культурную память города сквозь призму постоянного процесса кодирования реальности. Символическое кодирование культурной памяти представляют собой систему упорядочивания смыслов города для осознания прошлого и трансляции образов городского прошлого. Знаковыми средствами, обеспечивающими символизацию культурных смыслов города, выступает все то, что позволяет фиксировать и передавать ценную для коллектива информацию – установка памятников, арт-объектов, памятных дат, проведение мероприятий, разработка бренда, создание учебника. Символизация образов городского прошлого может осуществляться на официальном или обывательском уровне, через индивидуальные и коллективные действия. Фрагменты городского прошлого становятся значимыми для горожан в результате действий авторов культурной памяти города (личности, институты, сообщества), интерпретирующих и актуализирующих образы городского прошлого и тем самым выстраивающих актуальную картину культурной памяти города.

Целенаправленное «припоминание» о событиях городского прошлого, осуществляемое акторами, является частью политики памяти и коммеморативных практик. Символический ресурс культурной памяти города может быть раскрыт, условно говоря, исходя из двух связанных между собой векторов: внутренний (когда культурная память города рассматривается как важнейший элемент социокультурных процессов города, выполняя социальные и культурные функции, связанные с идентификацией, патриотизмом, интеграцией коллектива, обеспечением преемственности поколений) и внешний (как потенциал для формирования позитивного и уникального образа города, накопления символического капитала города, который может влиять на рост доверия к городу, повышать его узнаваемость и известность).

3.2 Культурная память города как основа городской идентичности

Как мы отметили, культурная память города может рассматриваться как символический ресурс, влияющий на социальные и культурные процессы города, в том числе, связанные с процессами идентификации. В этой части работы мы акцентируем внимание на том, что культурная память города является источником идентификации горожан, символически кодирующих параметры отличий и уникальности города, во многом основанных на общем для них городском прошлом, благодаря которому укрепляются ценности и самосознание жителей города. В связи с этим, проанализируем структурные особенности и специфику формирования городской идентичности, а также выявим роль культурной памяти города в этих процессах.

Растущий научный интерес к исследованиям идентичности, в том числе, ее территориальных контекстов (региональная, городская) объясняется спецификой процессов современности, на которые повлияли, в частности, глобализация и информатизация общества.

Исследователи городской идентичности нередко сосредоточены на решении внутренних политических и социальных проблем городов. В частности, исследователи выявляют консолидирующую роль и ценностные основания городской идентичности, которые способны поддержать интеграцию горожан и способствовать достижению позитивных гражданских целей [Вендина, 2012]. В связи с этим, городская идентичность является одним из тех социокультурных феноменов, которые участвуют в процессах формирования внутреннего микроклимата внутри города, создания условий для реализации творческого потенциала горожан, способных предотвратить отток молодых и талантливых жителей [Федотова, Территориальная идентичность..., 2015].

Анализ научных работ, посвященных исследованию городской идентичности, показал, что ее осмысление происходит в рамках концептов «коллективная идентичность», «социальная идентичность», «территориальная идентичность» («идентичность места»).

С одной стороны, городская идентичность является коллективной идентичностью, которая базируется на «чувстве принадлежности к определенной группе (или группам)», благодаря которой мы «делим людей на тех, кто принадлежит к нашей, внутренней группе, и тех, кто представляет группы, внешние по отношению к нам» [Коржков, 2010, с. 114]. Отсюда, проявлению городской идентичности будет способствовать встреча с представителями других городов.

С другой стороны, городская идентичность является социальной идентичностью [Микляева, 2011], основанной на «групповых ценностях, социальных нормах, стереотипах, поведенческих паттернах» [Дягилева, 2013, с. 55].

Кроме того, городская идентичность является локальной идентичностью или идентичностью территориальной [Радина, 2015; Fedotova, The formation of urban identity..., 2017]. Территория (архитектура, местные жители, природа) становится смысловым ядром понятия территориальная

идентичность, связь с которой формирует чувство сопричастности, принадлежности к ней со стороны личности. Такого рода связь держится на символической основе, т. е. отождествление с территорией («я» - «территория») возникает и функционирует благодаря значимым для человека территориальным смыслам. Городская идентичность представляет собой одну из форм территориальной идентичности [Малинова, Политика памяти..., 2018, с.32].

Между тем, городская идентичность может пониматься и как идентичность места. Такой взгляд на городскую идентичность характерен для ряда европейских исследований, в которых территориальные формы идентичностей осмысляются вокруг понятия «place identity» [Proshansky, 1997; Lall, 1992; Hauge], где именно место становится источником ассоциаций и аккумулятором местных смыслов.

В рамках данных исследований сформировались и научные школы исследования городской идентичности, понимаемой как особого рода территории, которую ученые определяют по-разному, чтобы показать важность среды в определении ее специфики. Так, социолог М. Лалли вводит понятие «urban-related identity» или «идентичность с городом» (дословно – «связанная с городом идентичность»), чтобы подчеркнуть связь личности с городской средой. В своих работах он выявляет недостаточность теоретических формулировок и эмпирических материалов в рамках проблемы взаимодействия индивида и города, а также открывает перспективу изучения чувства места, возникающего под влиянием символических средств, обеспечивающих привязанность к месту [Lalli, 1992].

Акцентируя внимание на символическом аспекте, мы определяем городскую идентичность как совокупность смыслов, обеспечивающих идентификацию жителей через отождествление с городом при помощи значимых для человека символических средств (образов, концептов, кодов). Городская идентичность формируется посредством установления символической связи между личностью и городом, она динамична и меняется

под влиянием процесса конструирования смыслов, многие из которых формируются из резервуара культурной памяти города.

Кроме того, городская идентичность проявляется в процессе установления не только отождествления горожанина с городом, но и осознания им отличительных характеристик своего города. Представления об уникальности города, различие «своих» и «чужих» происходит процессуально, во время конструирования символических границ городского сообщества. Однако именно в рамках данного процесса формируется принадлежность незнакомых между собой людей к определенному коллективу и к территории.

Данное мнение подтверждают работы М. Ламонт, которая показала относительность коллективной идентичности, отделяющей «своих» от «чужих», и эта относительность обусловлена ограниченным «культурным репертуаром, к которому люди имеют доступ, и структурным контекстом, в котором они живут»; отсюда, границы различения сообществ основаны на процессе конструирования значений [Lamont, 2002, с. 171].

Иными словами, городская идентичность складывается на символическом уровне, в ходе конструирования тех значений, с которыми сталкивается человек. И важно отметить, что особое значение в этом репертуаре значений принадлежит аутентичным образам городского прошлого, формирующим коды «отличимости»: известные люди, традиции, мифы.

Мы наблюдаем «тяготение коллективного сознания современных городов к более устойчивым и внятным для внешнего и внутреннего восприятия урбанистическим образам» аутентичности [Согомонов, 2010], что влияет на формирование благоприятных впечатлений от города.

Следовательно, городская идентичность, сформированная на основе уникальных образов прошлого, которые «рассказывают» об аутентичности города, его культуре и истории, может стать весомым ресурсом в процессе создания привлекательного и узнаваемого образа города, а также

рассматриваться как конкурентное преимущество территории [Федотова, Городская идентичность..., 2016], которое следует использовать в борьбе за ресурсы, как основу для бренда места и создания его репутации [Anholt, 2008]. «Чем полнее и адекватнее отражение идентичности в имидже, тем вероятнее благожелательное отношение к городу со стороны его внешних «потребителей» (инвесторов, потенциальных жителей, туристов)» [Визгалов, 2001, с. 40].

Поэтому городская идентичность может рассматриваться городскими элитами как важнейший социокультурный ресурс, который может использоваться при решении социальных и культурных проблем внутри города, основанных на сопричастности горожанина к городу. Данная проблема приобретает все большую популярность в европейских исследованиях, где изучается ресурсный потенциал локальных форм идентичностей, корреляции между прочной идентификационной матрицей и успешным развитием территорий. Так, итальянские ученые полагают, что «территориальные формы идентичностей являются движущей силой в развитии места» [Pollice, 2003, с. 115] и отмечают важность для местных сообществ постоянной поддержки и укрепления чувства сопричастности с местом, которое имеет позитивный эффект на социальную среду, становится основой стратегий развития города. О таких стратегиях упоминает и урбанист Ч. Лэндри, когда отмечает: «чтобы изменить город, необходимо присутствие городского самосознания, гордости за свой город, ощущение принадлежности к нему» [Лэндри, 2020].

В связи с этим, повышается значимость исследований, направленных на анализ городской идентичности, которые бы позволяли выявлять внутреннее содержание и репертуар аутентичных смыслов города, которые связывают горожан и позволяют им идентифицировать себя с городом.

Опыт эмпирических исследований локальной идентичности строится, как показывает практика, с применением таких методик, как интервью с горожанами, экспертные опросы, лейтмотивные интервью, где в качестве

респондентов могут выступать обычные жители и профессиональные эксперты [Анисимова, 2012] с приоритетом качественных срезов информации, включая такие способы, как фокусированное групповое интервью [Морозова, 2008]. Мы проанализировали опыт эмпирического анализа локальных форм идентичности и сделали вывод, что чаще всего в данном случае проводится комплексное исследование, включающее в себя несколько методик, дополняющих друг друга – от качественных методик глубинного опроса жителей и экспертных интервью до контент-анализа текстов, отражающих идентификационные коды исследуемых сообществ.

Рассмотрим опыт эмпирического исследования городской идентичности на примере Великого Новгорода, которое мы провели путем интервьюирования жителей города (53 горожанина с квотой по возрасту, времени проживания и сфере деятельности) по методике вербализированных ментальных карт.

При разработке листов для анализа мнений горожан мы опирались на опыт одного из научных проектов по исследованию городских идентичностей в ряде городов России (Владимир, Смоленск, Ярославль и другие города) как основы формирования устойчивых местных сообществ в рамках проблемы повышения уровня социального доверия и солидаризации [Крупкин, 2014], которые использовали методику полу-структурированного интервью, а в основу эмпирического среза была положена следующая структура идентичности: значимое (центральное) место; представления о локальной географии; пантеон героев города; мифы, ценности, святыни, самостояния / гордости; представления о структуре сообщества; ритуалы воспроизводства идентичности.

В результате проведенного эмпирического исследования в Великом Новгороде мы получили данные о структуре тех смыслов, которые являются символической основой городской идентичности, выявив ключевые идентификационные коды горожан, а также некоторые личностные аспекты сопричастности с городом.

Во-первых, на примере Великого Новгорода мы установили, что структурными элементами городской идентичности, на основе которых воспринимается город и посредством чего идентифицируется, являются известные личности, природные объекты и ландшафт, символы и статусы города, памятники, события истории и культуры, визуальные особенности города. Разумеется, в каждом конкретном городе данные элементы могут приобретать разные значения, а также быть дополнены иными компонентами, которые во многом зависят от специфики города – его истории, размеров, особенностей экономики, местоположения и пр. Что касается Великого Новгорода (См. Приложение 3, Рис. 1), то для каждого третьего жителя город отождествляется, прежде всего, с Кремлем и Софийским собором, тогда как каждый четвертый и пятый отметили, что Великий Новгород – это древний город, родина берестяных грамот, с 1000-летней историей, с республиканским и вечевым прошлым, со множеством уникальных храмов. Кроме того, часть новгородцев отметили среди ключевых элементов идентификации с городом реку Волхов, Александра Невского, фольклорного персонажа Садко, Ярославовым дворище, факт зарождения российской государственности, археологию, Витославицы, Ганзейский союз, Детинец, а также статус города как «город воинской славы».

Соответственно, идентификационные коды новгородцев основаны преимущественно на образах городского прошлого. Иными словами, культурная память города представляет собой символическую основу городской идентичности. В культурной памяти Великого Новгорода заметную роль занимает средневековое прошлое, которое отражено в городской архитектуре, а также страницы истории, связанной с республиканскими и вечевыми практиками. Для горожан важную роль занимает историко-культурное наследие, с которым они отождествляют свой город.

Во-вторых, поскольку городская идентичность формируется, в том числе, посредством уникальных смыслов, отличающих исследуемый город от всех прочих, то в рамках подобных эмпирических исследований важно найти те маркеры идентичности, которые выражают уникальность города. На вопрос о том, что может отличить Великий Новгород от других городов, новгородцы выразили в целом единое мнение, отметив, что город отличается наличием объектов культурного наследия. Каждый третий респондент (34 % опрошенных горожан) в качестве отличительного признака Великого Новгорода назвал Памятник тысячелетия России, который является не только уникальным, но и знаковым для новгородцев. Также отличительными элементами города жители назвали Софийский собор (25 % опрошенных), Кремль (17 %), наличие уникальных храмов и монастырей (15 %), богатую историю (14 %), своеобразную городскую архитектуру (13 %), возраст города (11 %), место находок берестяных грамот (9 %). Кроме того, с точки зрения жителей города, местами, которые передают дух городского пространства, являются центр города с Кремлем и кремлевским парком, Ярославово дворище, отражающее неповторимую атмосферу города и некоторые улочки торговой стороны (ул. Ильина, ул. Никольская и др.), сохранившие настроение и самобытный облик исторического города.

В-третьих, для выявления тех смыслов, на которых формируется сопричастность горожан с городом, в исследовании был предусмотрен соответствующий ряд вопросов. Так, новгородцам был задан следующий вопрос: «Опишите с помощью прилагательных – какой Великий Новгород?». Большинство горожан считают Великий Новгород (см. Приложение 3, Рис. 2) древним городом, а также красивым и зеленым, провинциальным и историческим, спокойным и чистым, уютным. Кроме того, выявляя основания, на которых формируется чувство сопричастности с городом, мы спросили жителей Великого Новгорода о том, что значит город для них и если они привязаны к нему, то почему [Федотова, Внутренний потенциал..., 2023]? Чаще всего новгородцы отвечали, что для них город – это малая

Родина, и несколько меньше по частоте упоминаний горожане поясняли свою привязанность к городу: *«красивый город»*, *«здесь очень уютно и красиво»*, *«маленький и благоустроенный»*, *«очень спокойная, добрая атмосфера»*, *«зеленый»*, *«туристическая атмосфера»*. Часть респондентов ответила, что здесь проживают значимые для них люди, или прошли важные события и детство. Культурную ценность города и уникальные исторические события, которые связаны с Великим Новгородом, отметил каждый шестой новгородец. Основанием для гордости респонденты назвали подвиг жителей города во время Великой отечественной войны (*«поднимали из руин»*, *«город воинской славы»*, *«героизм новгородцев»* и пр.), памятники, культурное наследие, в том числе, Ганзу и фестиваль *«Ганзейские дни»* (*«проводятся Ганзейские дни»*, *«Ганза»*, *«город входит в Ганзейский союз»*).

Подобные исследования городской идентичности проводились российскими учеными и в других городах. В частности, результаты исследований городской идентичности в Ярославле [Крупкин, 2014] демонстрируют тот факт, что жители города воспринимают Ярославль как древний исторический город, прежде всего, купеческий, который сыграл существенную роль в ополчении в 1612 года. Кроме того, согласно данному источнику, для ярославцев свой город представляется как город, основанный на Волге Ярославом Мудрым, как место, где немало музеев, театров, храмов. Эти и другие аспекты городской идентичности функционируют в представлениях горожан благодаря той символической основе, которую формирует культурная память города.

Похожее исследование было проведено О.С. Чернявской и в Нижнем Новгороде [Чернявская, Изучение идентичности..., 2012; Чернявская, Нижний Новгород..., 2013]. Как свидетельствуют ее результаты, нижегородцы, также, как и новгородцы, ассоциируют свой город как зеленый, а также место, богатое на исторические события, культурные традиции, как город с уникальной архитектурой. Причем Нижний Новгород, отмечает исследовательница, воспринимается на образах былой

исторической славы. К слову, оба города имеют краснокирпичный Кремль с похожими архитектурными формами, который является одной из элементов символической основы идентификации горожан. Тогда как наиболее аутентичные аспекты идентификации Нижнего Новгорода основаны на таких элементах, как «расположение на реках Волге и Оке, на стрелке» [Чернявская, Нижний Новгород..., 2013, с. 73] и ассоциацией с развитой промышленностью города, а именно с заводом ГАЗ и его продукцией завода. В качестве наиболее популярных смыслов исторического характера в Нижнем Новгороде исследователи называют нижегородское народное ополчение 1612 г. и нижегородскую ярмарку. Кроме того, горожане выразили пожелание о том, что Нижний Новгород должен стать культурным центром страны, поскольку именно здесь сконцентрированы многие культурные события театральной, музейной жизни, исполнительских видов искусств. При этом в Великом Новгороде горожане к наиболее значимым событиям культурной жизни, характерным для города, отнесли традиционные гуляния и праздники, прежде всего, традиционные, такие как святки, Иван купала, масленица, а также проводимые регулярно на территории города традиционные фестивали искусства и ремесел.

Данные исследования еще раз подтверждают тот факт, что культурная память города является символической основой городской идентичности. Кроме того, культурная память города влияет и на процесс формирования городской идентичности. То, как происходит формирование городской идентичности освещен в современной науке недостаточно, и это отчасти можно объяснить новизной проблематики городской идентичности в целом. М. Кастельс пишет, что «все идентичности конструируются», однако реальная проблема состоит в том - каким образом, от чего и от кого это происходит [Castells, 2010, с. 7].

Между тем, формирование городской идентичности становится сегодня одним из важных процессов развития территорий, поскольку «среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не

просто неким данным условием их коллективной жизни, требующим лишь более или менее адекватной адаптации, а предметом социального проектирования, использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни» [Наумов, 2012].

Прежде всего, как показывают многие исследования, привязанность к городу обеспечивает сама городская среда, с которой ежедневно сталкивается горожанин (мосты, реки, кафе, люди). Кроме того, любая коллективная идентичность, по мнению Я. Ассмана, держится на осознанном признании принадлежности к определенному коллективу [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 144]. Идентичность существует только тогда, когда не просто осознается, но поддерживается. И особое значение в данном случае приобретает механизм поддержки коллективной памяти, который функционирует через символизацию городских смыслов, с помощью знаков, кодирующих общность – «орнамент, картины, ландшафты, танец, татуировки, еда и питье, дорожные указатели» [Ассман, Культурная память..., 2004, с. 149].

Также в отечественных исследованиях нередко подчеркивается значимость контекстов, актуализирующих привязанность к городу, которые представлены преимущественно через анализ субъективных категорий идентификации. Предполагается, что такие контексты могут усиливать процесс идентификации, например, в ситуациях столкновения или встречи горожанина с «другим», когда отчетливо проявляется отличие города и отождествление его с определенными элементами. Так, среди подобных контекстов исследователи отмечают путешествия, спорт, природу, осознание социальных, экономических, экологических, культурных, политических проблем территории [Анисимова, 2012]. Или, например, при исследовании пермской идентичности специалисты приходят к выводу, что «главным фактором, позволяющим большинству людей приписывать себе «пермскость», является значительный срок проживания в городе и место рождения» [Игнатьева, 2014, с. 46], но также важны и социальные

отношения, связанные со значимыми личностными достижениями человека и важными событиями его жизни.

На городскую идентичность могут оказывать воздействие внешние факторы - политические, экономические, демографические, экологические и прочие. Так, высокий уровень жизни будет определять и степень привязанности к городу. Исследователи при этом выделяют как более устойчивые факторы (например, местоположение), так и менее устойчивые, которые могут меняться со временем (например, размер города), а также символические факторы [Визгалов, 2001, с. 39], к каковым нередко относят образ города, знаковые места города, локальные мифы, городской символ [Дягилева, 2013, с. 57].

Кроме того, при анализе процесса формирования городской идентичности важен институциональный аспект, который позволяет рассматривать факторы формирования городской идентичности исходя из институтов, актуализирующих городские смыслы: политические (законодательная власть), образовательные (школа), культурные (музей), религиозные (церковь), научные (НИИ) и пр. Так, финский исследователь А. Пааси рассматривает локальную идентичность через процесс институционализации и полагает, что она является местным институциональным ресурсом, причем именно институты являются важнейшим фактором становления регионального сознания [Paasi, 1986, p. 105]. Формирование городской идентичности при этом может осуществляться в следующих направлениях: «с одной стороны, это стратегия поиска аутентичности, обращенная в прошлое; с другой, - акцентирование внимания на создании неких новых значений (хоть и с опорой на существующие ресурсы и «исторически сложившиеся» возможности) [Мусиезов, Территориальная идентичность..., 2013, с. 55]. Кроме того, в зависимости от целей и масштабности действий, структуры сообщества и степени соответствия символических компонентов территории местным условиям, исследователи выделяют следующие модели конструирования

идентичности: спонтанная (отсутствие стратегии), проектная (осуществляемая властью), органическая (с ориентацией на консолидацию сообщества) [Паин, 2012, с. 442].

В связи с этим, акцентируя внимание на особенностях репрезентации образов городского прошлого в процессах формирования городской идентичности, мы предлагаем выделить три уровня функционирования культурной памяти исходя.

На первом (символическом) уровне культурной памяти города лежат образы городского прошлого, которые, в том числе, являются резервуаром аутентичных смыслов, формирующих уникальность, отличие, самобытность города в глазах горожан. Этот уровень составляет символическую основу городской идентичности, который «питает» образами прошлого своеобразие современного города.

На втором (идентификационном) уровне часть этих образов, среди которых наиболее ценные для горожан, становятся основой для формирования идентификационных кодов жителей города, с помощью которых они отождествляют свой город. На этом уровне формируется эмоциональная сопричастность горожанина с городом (городской средой, местами памяти, событиями, с другими горожанами), когда город «переживается» и воспринимается горожанином посредством данных образов.

На третьем (институциональном) уровне как раз и происходят процессы, направленные на поддержание культурной памяти города, и, соответственно, на целенаправленное формирование городской идентичности посредством действий городских властей, работы учреждений культуры и образования, стратегий развития города. Что касается культурной памяти, то на данном уровне могут рассматриваться и коммеморативные практики, задачей которых (как мы покажем далее) является сохранение памяти, поддержание ее в актуальном состоянии посредством самых разных

событий, процессов, позволяющих не забывать, а сохранять символическую связь горожанина с городом.

Таким образом, городская идентичность представляет собой совокупность смыслов, обеспечивающих идентификацию жителей через отождествление с городом и отличие от других городов при помощи символических средств (образов, концептов, кодов). Городская идентичность формируется посредством символической связи между личностью и городом, она зависима от процесса актуализации культурных смыслов, которые являются частью резервуара культурной памяти города.

Именно культурная память является репрезентантом аутентичности города, благодаря которой укрепляется городская идентичность, поскольку каждый город индивидуален, и эта индивидуальность города подтверждается его уникальным прошлым. Понимание и поддержание аутентичности города не только формирует символические связи между городом и горожанином, влияет на лояльность городских сообществ к активному участию в жизни города, но и вызывает благоприятные впечатления от города и тем самым привлекает социальные, экономические и прочие виды ресурсов в город.

На основе эмпирического исследования городской идентичности нами были выявлены ключевые смыслы сопричастности горожан с городом, а также направления использования символического ресурса идентичности в преобразовании территории. Идентификационные связи между городом и горожанином строятся на основе отождествления с известными личностями города, природными объектами и ландшафтом, символами и статусами, памятниками, событиями истории и культуры, архитектурными особенностями места. Кроме того, мы установили, культурные смыслы, с помощью которых строятся идентификационные связи между городом и горожанином, опираются на образы городского прошлого.

В процессе формирования городской идентичности большую роль играют институты, которые функционируют в городской среде и обеспечивают символическое производство и передачу смыслов. Исходя из

особенностей репрезентации образов городского прошлого в процессах формирования городской идентичности, мы выделили три уровня функционирования культурной памяти исходя. Образы прошлого (символический уровень) лежат в основе производства аутентичных смыслов, с которыми горожане ассоциируют город (уровень идентификации), нередко присутствующих в местах памяти города или в городской культуре, которые, в свою очередь, регулируются политическими действиями городских властей или акторами в разных сферах деятельности (институциональный уровень). В итоге смысл, который получает свой символический импульс в культурной памяти, затем облекается в идентификационный код города и, наконец, становится объектом стратегий и институциональных решений на уровне городских элит.

Проблема взаимодействия человека и города декомпозируется в символические аспекты сопричастности с городом, городского самосознания, чувства места, привязанности к городу, решение которых во многом зависит от поддержания в актуальном состоянии культурной памяти города, являющейся символическим ресурсом для укрепления идентификационных связей между человеком и городом. Символический ресурс культурной памяти заключается в том, что образы городского прошлого являются важнейшими средствами, которые формируют идентификационные коды горожан, а также поддерживают символическую связь горожан с городом через общие воспоминания.

3.3 Нарративы локального патриотизма в культурной памяти города

Как мы выявили ранее, культурная память города выполняет важнейшие социальные и культурные функции, связанные, в том числе, с идентификационными процессами, поскольку городская идентичность на символическом уровне является основой городской идентичности. Вместе с

тем, социокультурный потенциал культурной памяти города значительно шире, и он не ограничивается теми аспектами, которые раскрыты в рамках данной работы. В связи с этим, рассмотрим в данном параграфе символический ресурс культурной памяти города через специфику структурирования локального патриотизма, акцентируя внимание на нарративах о городском прошлом.

Образы городского прошлого – известные личности, символы города, исторические события, за счет того, что являются частью идентификационных кодов горожан, могут вызывать патриотические чувства. В частности, при изучении проявления ценностей патриотизма молодежи Томска, ученые показали, что «решающую роль в самоидентификации молодежи в Томской области играют такие группы, как семья и друзья, ... реже респонденты идентифицируют себя с макрообщностями демографического (молодежь), территориального (жители города, области) и державно-народного (сибиряки, россияне) типа» [Афанасьева, 2012, с. 137]. Для молодежи значимыми является «определение Родины посредством формальной апелляции к месту рождения или проживания – его придерживается 31% молодежи Томской области» [Афанасьева, 2012, с. 138], где понятие «Родина» в большинстве случаев имеет измерение, связанное с территорией проживания.

На основании этого социологи предлагают использовать малоизученный концепт «локальный патриотизм», одним из маркеров которого может быть установка готовности уехать из своего региона. В частности, проблематика локального патриотизма может рассматриваться в контексте «гражданского воспитания молодого поколения, и в основном сопряжено с вопросами региональной идентичности» [Розанова, 2017, с. 355].

Современные исследователи подчеркивают, что понятие «локальный патриотизм» связан с проявлением любви к малой Родине или «в масштабах незначительных географических объектов» [Меркель, 2013, с. 190]. Объектом локального патриотизма, подчеркивает Ребрина Л.Н., является малая Родина

или «место постоянного проживания как совокупность элементов природной и социальной среды», который определяется «пространственно-территориальным, временным и множеством средовых признаков: политическая, экономическая, социальная, культурная, природная и др. среды», которые образуют целостный образ [Ребрина, 2019, с. 51].

В связи с этим, в локальном патриотическом дискурсе фокус исследований может смещаться на использовании патриотических ценностей как важнейшего социокультурного фактора, участвующего в процессах солидаризации местных сообществ и их причастности к территории [Федотова, Культурная память города..., 2023].

Локальный патриотизм за счет символической привязанности к месту (локальному пространству) предметен и осязаем, и его особенность помимо традиционных патриотических ценностей заключается в ценности данного места и значимости культурных смыслов территории (героев, символов, событий), где существенную роль играют как раз образы коллективного прошлого, представляющие собой фундамент культурной памяти города.

По отношению к городу, локальный патриотизм неотъемлемо связан с городским самосознанием и чувством долга перед городом, которое символически «питается» образами городского прошлого, поступками героев и персонажей, духом места, городскими традициями. Следовательно, уровень и специфика локального патриотизма во многом зависит от того насколько устойчивы и позитивны культурные смыслы города, благодаря которым функционирует городская идентичность. Ценность города как места проживания, вместе с тем, актуализируется в рамках символической конкуренции городов за ресурсы, где преимуществом является не только наличие уникальности территории, но и ее репрезентация в публичном пространстве, в том числе, в различных носителях культурной памяти города.

Как мы показали ранее, существуют вербальные и визуальные носители культурной памяти города. В данном параграфе акцентируем внимание на

анализе вербальных носителей культурной памяти города, а именно на примере нарративов, которые участвуют в процессах формирования локального патриотизма.

О значимости нарратива как важного носителя культурной памяти в своих исследованиях пишет Дж. Олик. По его мнению, «память является, прежде всего, продуктом коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также социальных инструментов для их хранения и передачи» [Олик, Память – это не вещь и предмет..., 2018, с. 24]. Используем данный тезис применительно к городу. Следовательно, городские нарративы и, в частности, мифы, легенды, рассказы о городе и его прошлом, размещенные в публичном пространстве, за счет своей лаконичности, доступно объясняют не только исторические эпизоды города, но и участвуют в интерпретации современных процессов города. Как подчеркивает О.Ю. Малинова, через нарративы, которыми оперирует коллективная память, происходит актуализация прошлого, которое наделяется смыслами для современников [Малинова, Политика памяти..., 2018, с. 32].

Культурная память города многослойна, она включает в себя самые разные нарративы, повествующие о тех или иных аспектах городского прошлого. Однако особенный интерес в контексте проблемы рассмотрения культурной памяти города как социального и культурного ресурса для развития города, представляют собой нарративы патриотизма, которые задают позитивные интерпретации городского прошлого и формируют ценностное отношение к городу и его прошлому.

В нарративах патриотизма происходит объективация наиболее значимых для горожан фрагментов культурной памяти города. Причем, раскрывая процессы функционирования культурной памяти города, наиболее актуальным становится вопрос о том – каким образом представлены нарративы патриотизма в городской среде, как они вписаны в городскую реальность? Следует, в связи с этим, подчеркнуть, что изучение процессов репрезентации нарративов патриотизма позволяют раскрыть особенности

структурирования образов городского прошлого в социальной реальности настоящего.

В условиях кризиса локальных идентичностей и отсутствия устойчивых символических оснований для солидарного сосуществования горожан в едином пространстве, исследования нарративов патриотизма в контексте города являются более чем актуальными. Анализ особенностей репрезентации нарративов патриотизма в городской среде является, по сути, попыткой экстраполяции современных культурологических и социологических методик в городское сообщество, что позволит не только понять локальный уровень конструирования коллективной идентичности и процессов солидаризации местных сообществ, но и объяснять процессы структурирования культурной памяти города.

В связи с этим, важно отметить, что при исследовании производства нарративов, которые участвуют в интерпретации городского прошлого, особого внимания со стороны ученых требует анализ символического оформления способов трансляции коллективных смыслов как актуальных фрагментов культурной памяти города. В данном случае речь идет о символическом кодировании прошлого, которое определяет актуальные и латентные смыслы в структуре культурной памяти города – постановка или экранизация литературных произведений, в которых раскрываются события городского прошлого, открытие выставки, установка памятника. Каким образом это происходит и как представлены нарративы локального патриотизма в городской среде?

Образы городского прошлого в нарративах локального патриотизма.

Символическая фиксация и трансляция образов городского в настоящем является важнейшим ресурсом патриотического дискурса. Именно символическая природа культурной памяти города позволяет нам рассматривать ее в качестве резервуара для формирования нарративов патриотизма и акцентировать внимание на символических средствах трансляции культурных смыслов. Иными словами, особый интерес в данном

контексте представляет собой такое рассмотрение культурной памяти города, которое бы позволило определить источник нарративов патриотизма, латентно или явно присутствующих в образах городского прошлого.

Исследования Дж. Верча показали, что память материализуется, объективируется в настоящем с помощью нарративов [Wertsch, 2009], которые конструируют коллективные идентичности. С помощью нарратива «мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории...» [Брокмейер, 2000, с. 29], поскольку важнейшее свойство нарратива заключается в том, что он представляет собой коллективный опыт. Нарративы участвуют в формировании наших представлений об обществе, о главных событиях, «славят героев, внушают гордость за своих предков, задают образцы нравственного поведения, отличия от соседей и чужеземцев ..., символизируют действительность, наполняют её смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации» [Тульчинский, Наррация в символической политике..., 2016, с. 68].

Следовательно, нарративы патриотизма наполняют смыслом фрагменты культурной памяти города и через символическое преломление сюжетных текстов аккумулируют патриотические чувства горожан – «оживляют» реальность, убедительно повествуя о значимости образов прошлого, с которыми формируется сопричастность горожан, а значит и идентичность.

Как отмечает Дж. Александер, «идентичности постоянно конструируются и обеспечиваются не только посредством встречи лицом к лицу с настоящим и будущим, но и посредством реконструкции более ранних периодов жизни сообщества» [Александер, 2013, с. 297]. Отсюда, эпизоды культурной памяти города, участвующие в структурировании городской идентичности, представляют собой важнейший ресурс солидарного существования городского сообщества, объединенного единым символическим основанием (образы и нарративы) через разделяемые большинством интерпретации городского прошлого.

Нарративы локального патриотизма представляют собой сюжетные тексты о тех или иных культурных смыслах (исторических событий, праздников, художественных произведений, природы), которые повышают значимость места для жителя данной территории. Поскольку каждый город посредством самых разных нарративов, авторами которых являются сами жители города, журналисты, ученые, туристы и многие другие, конструирует свою картину прошлого из разрозненных эпизодов, придавая осмысленность настоящему, то особенно актуальным является вопрос о том каким образом «встроены» нарративы локального патриотизма, передающие коллективные представления о значимых для города образах прошлого, в городскую среду, в повседневную действительность горожан.

Важно отметить, что нарративы функционируют в городской среде путем отбора фрагментов памяти города, и, тем самым, участвуют в актуализации тех или иных практик и тенденций городской реальности. Следовательно, нарративные практики патриотизма через интерпретацию локальных событий становятся средством социального взаимодействия и актуализации культурной памяти города, когда горожане воспринимают и город, и себя сквозь призму этих интерпретаций.

Отсюда, исследование способов репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде, основанных на образах прошлого, открывает возможности рассматривать их как инструмент управления культурной памятью. Согласимся с А.И. Макаровым, который отмечает, что «общество и власть материализуют память с помощью направленного демонтажа (или установления) памятников; культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывания текстов учебников и путеводителей, официальных текстов» [Макаров, 2008, с. 10].

Средства репрезентации нарративов патриотизма в культурной памяти города.

Культурная память города, как было отмечено ранее, имеет символическую природу, а потому ее следы представлены в настоящем с

помощью различных символических форм. Следовательно, важно понимать какие средства передачи памяти создают структурный контекст, задающий репертуар памятования, актуализирующий тем или иными образом фрагменты городского прошлого, влияющие в итоге на коллективные представления о городе.

Изучение средств репрезентации нарративов патриотизма в городской среде, связанных с образами прошлого, направлено на то, чтобы раскрыть сложную систему представления памяти в социальной реальности. Речь идет о средствах передачи нарративов, семантика которых основана на ценности территории города, выражающих и транслирующих в символических формах образы прошлого в доступных и понятных категориях.

Для анализа средств репрезентации нарративов патриотизма в городской среде воспользуемся предложенной Дж.Оликом методологией процессо-реляционного познания коллективной памяти, которая была ранее взята нами за основу для выявления процессов динамики отношения к местам памяти города. В данном случае акцентируем внимание на одном из тех концептов, которые, по его мнению, задают так называемую «фигурацию памяти», то есть «меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 46].

По мнению Дж.Олика, в практиках памятования большую роль занимают средства передачи памяти, которые за счет символизации не только передают информацию о прошлом, но и обеспечивают переживание коллективного чувства места, становясь проводником патриотических чувств. Дж. Олик подчеркивает: «нет восприятия без интерпретации; нет события, которое бы не было сконструировано социальными формами; нет реальности самой по себе» [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 53]. Исходя из положений ученого, следует заключить, что средствами передачи культурной памяти города являются многообразные посредники

коллективного опыта, с которыми сталкиваются горожане в городской среде. Средства передачи памяти связывают прошлое и настоящее города.

Согласно утверждениям Дж. Олика, функции этих посредников не ограничиваются только передачей памяти, поскольку «медиумы памяти не второстепенны, они определяют сообщение» как средства коммуникации [Олик, Фигурации памяти..., 2012, с. 53]. Здесь актуализируется тезис М. Маклюэна о том, что «средство коммуникации есть сообщение», поскольку именно средство коммуникации определяет масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия [Маклюэн, 2003, с. 10].

Следовательно, средства передачи памяти обладают своеобразным культурным кодом, который способен придавать медиумам свойства приращения новых смыслов через своеобразие интерпретации фрагментов памяти, а, значит, и символически влиять на культурную память города.

Прошлое может стать частью настоящего через символически кодированные и объективированные в реальности средства, формирующие свою картину образов. Важно отметить, что фрагменты прошлого могут быть по-разному осмыслены, например, в экранизации события, в публичной речи политика или в памятнике, ведь каждое средство передачи памятной информации воздействует по-своему (например, эмоционально или когнитивно, визуально или вербально). Говоря иначе, разные способы репрезентации нарративов локального патриотизма воспроизводят разные образы прошлого. Патриотические образы, представленные в рамках совместного переживания исторического события города на празднике, могут оживить одни смыслы нарратива, тогда как музейный экспонат иные.

Фестивали, памятники, фотографии, биографии, киноленты и иные носители культурной памяти мы можем рассматривать в качестве средств репрезентации нарративов коллектива, которые могут транслировать, в том числе, патриотические ценности. Их специфика напрямую зависит от региональных контекстов и тенденций развития общества. В цифровую эпоху, например, существенное значение приобретают экранные способы

репрезентации нарративов городского прошлого с преобладанием визуальных форм, куда входят, прежде всего, телевидение и кинематограф, поэтому городские нарративы можно встретить в сюжетах современных компьютерных игр.

В рамках данного параграфа, учитывая важность выявления способов использования символического ресурса культурной памяти города, рассмотрим такие нарративные практики, которые, обращаясь к образам прошлого, транслируют ценность места, детерминируя тем самым сопричастность горожан к городу, влияют на городское самосознание, что ведет к осмыслению города как единого и значимого для жителей города пространства.

Особенности репрезентации нарративов локального патриотизма (на примере Великого Новгорода).

Одним из возможных способов типологизации средств репрезентации нарративов патриотизма в городской среде, является обозначенный нами ранее принцип разделения носителей культурной памяти города, передающих информацию о городском прошлом на жесткие и мягкие. В соответствии с данной типологией средства репрезентации нарративов патриотизма можно разделить на следующие типы.

Жесткие средства репрезентации нарративов патриотизма устойчивы во времени, твердо встроены в городскую среду и материализованы в пространстве города, нередко формируя «дух места» в граните, камне, дереве (монументы, архитектурные композиции). Мягкие средства репрезентации нарративов локального патриотизма по сравнению с жесткими более гибки и изменчивы во времени, в том числе, под влиянием новых технологий передачи и репрезентации информации (музыка, наименование улицы). Жесткие и мягкие способы репрезентации нарративов в реальности переплетены между собой, когда, например, нарратив воплощен в памятнике, у которого современники произносят публичную речь.

Кроме того, мы можем определить также и перформативные средства репрезентации нарративов локального патриотизма, которые представляют особый, деятельный способ передачи образов городского прошлого, когда горожане включены в публичное действие, нередко сопровождающееся сценарием, традиционными ритуалами (мемориальными, торжественными, поминальными) и возможностью наблюдения за действием (например, возложение венков или шествие). Патриотические ценности в данном случае формируются через эмоциональную сопричастность с действиями, в которые включен горожанин как в качестве активного участника, так и в качестве наблюдателя.

Для иллюстрации особенностей репрезентации нарративов локального патриотизма, основанных на образах городского прошлого, обратимся к культурному опыту Великого Новгорода и рассмотрим специфику репрезентации нарратива об истории города, связанной с Ганзейским союзом. В последние годы данный нарратив (ганзейский нарратив) в городском дискурсе занимает все более заметное место, особенно после того, как Великий Новгород вошел в новый Ганзейский союз.

Ганзейский нарратив повествует о славном прошлом средневекового Новгорода и истории экономического чуда Новгородской республики, рассказывая о новгородских купцах и торговом прошлом города, который имел тесные связи с европейским Ганзейским союзом.

Во-первых, к жестким способам репрезентации ганзейского нарратива, которые встроены в городскую среду, следует отнести те материальные формы в пространстве города (прежде всего, это ганзейский фонтан и памятник ганзейским дням), которые визуализируют идею приобщения города к ганзейскому союзу. Сам факт наличия жестких способов репрезентации ганзейского нарратива, которые появились в последние десятилетия, свидетельствует о кардинальном пересмотре городского прошлого в этот период и об актуализации ганзейского нарратива как фрагмента культурной памяти города. Тогда как небольшое их количество

говорит о сравнительно малом временном периоде актуализации ганзейского нарратива в городской среде.

Во-вторых, мягкие способы репрезентации ганзейского нарратива особенно разнообразно представлены в пространстве современного Великого Новгорода. Сюда следует отнести не только контент в социальных сетях или речи городских политиков, но и, прежде всего, топонимику, которая занимает особую роль в политике памяти, поскольку имя городских объектов транслирует значимые для города культурные смыслы, представляющие собой вербальный «мостик», связывающий память и город. В Великом Новгороде одна из гостиниц носит название «Ганза», в 2019 году появился сладкий ганзейский сувенир, а в 2020 году в городе было запланировано открытие Ганзейской набережной, символизирующей факт транспортной связи древнего Новгорода с Ганзейским союзом. Репертуар символических форм, передающих ганзейский нарратив, дополняют регулярные выставки, актуализирующие ганзейское прошлое Великого Новгорода. В частности, репрезентацией образов городского прошлого являлась выставка 2020 года «Новгород и Ганза: окно в Европу», где представлены такие артефакты, как монеты и слитки, символизирующие об экономическом успехе древнерусского города. Выставка представляла собой процесс трансляции образов ганзейского нарратива, которые, вместе с тем, формируют устойчивые представления горожан о тесных связях с европейскими городами, сходящими в Ганзейский союз, о европейском прошлом Великого Новгорода, в результате чего город осмысливается как первое окно в Европу.

Одними из доминирующих средств формирования отношения к прошлому, как показала вторая половина XX века, обладающих мощным воздействием на аудиторию, является кинематограф и видео-контент, объединяющие в себе вербальные и визуальные коды. В 2017 году вышел историко-документальный фильм «Русская Ганза. Взгляд сквозь время...», где образ Великого Новгорода художественно сконструирован исходя из ганзейского нарратива. Кроме того, способами репрезентации нарратива

Ганзы в городе стали такие средства передачи культурной памяти, как форумы (медиафорум 2019 и 2020 годов), включение в учебные занятия специальных уроков (ганзейский урок был проведен в школах Великого Новгорода в 2020 году), фотовыставки, научные исследования и музыкальные композиции.

В-третьих, к перформативным практикам репрезентации ганзейского нарратива относятся помимо исторических реконструкций и флешмобов, Ганзейские дни (русские и международные) как наиболее массовое и знаковое, повторяющееся действие для новгородцев. Фестивальный формат Ганзейских дней направлен на популяризацию ганзейского нарратива и предполагает не только трансляцию образов прошлого (с помощью оформления, использования костюмов и декораций), но и активное вовлечение горожан в процесс их воспроизводства. В 2018 году проект «Ганзейская неделя» был признан одним из лучших туристических проектов российских городов.

Следует отметить, что для современников второстепенным является вопрос о том, какую именно роль занимал Великий Новгород в Ганзейском союзе (например, контрагент, транзит), поскольку доминирующим в данном случае является смысл об уникальном прошлом и масштабе значимости города в период средневековья. Данный эпизод культурной памяти через различные способы представления ганзейских нарративов в городской среде становится частью ганзейского настоящего, влияя на локальный патриотизм через формирование идентификационных кодов новгородцев. Причем каждый из способов репрезентации ганзейского нарратива, генерирующего ценность города, обладают своей спецификой, зависимой от символических кодов передачи образов городского прошлого.

Таким образом, нарративы патриотизма через символическое преломление сюжетных текстов аккумулируют патриотические чувства горожан – «оживляют» реальность, убедительно повествуя о значимости образов прошлого (героев, символов, событий), которые формируют

ценность места, сопричастность горожан к городу, чувство долго перед городом. Средства репрезентации нарративов локального патриотизма связывают прошлое и настоящее города; разные средства репрезентации нарративов локального патриотизма (мягкие, жесткие, перформативные) воспроизводят разные образы прошлого. Патриотические образы, представленные в рамках совместного переживания исторического события города на празднике, могут оживить одни смыслы нарратива, тогда как музейный экспонат иные. Культурная память города в этом случае может рассматриваться как источник городских нарративов, который транслируют свой набор патриотических ценностей.

Символический ресурс культурной памяти города заключается в том, что она через образы городского прошлого влияет на формирование локальных патриотических ценностей. Следовательно, культурная память города способна объединять горожан на основе общей ценности города, поскольку особенность локального патриотизма заключается в наличии чувства привязанности к территории и осмыслении ее значимости.

Культурная память города в этом случае рассматривается как источник смыслов, который может стать ключевым детерминантом ценностей локального патриотизма, процессов объективации образов городского прошлого, участвующих в формировании доверия к городу со стороны горожан, дефицит которого особенно остро проявляется в эпоху конкуренции городов за таланты, жителей, инвесторов, туристов.

Глава 4

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

4.1 Символический капитал города

Символический ресурс культурной памяти города заключается не только в его социокультурном потенциале, в возможности влиять на формирование городской идентичности и ценностей локального патриотизма, развития устойчивого городского самосознания, чувств причастности горожанина к городу. Не менее важным аспектом осмысления культурной памяти города как символического ресурса развития города, является тот факт, что данный феномен может влиять на рост символического капитала города, повышать значимость города как места для жизни, работы, путешествий людей.

Говоря словами А.Мегилла, память есть «образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем» [Мегилл, 2007, с. 124]. В соответствии с этим, в науке существует целое направление исследований, которое связано с политикой памяти, предполагающей, например, деятельность городского сообщества по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации под руководством муниципальной власти [Капицын, 2015, с. 33]. Такого рода политологический аспект весьма подробно раскрыт в соответствующих работах российских авторов (В.М. Капицын, О.Ю. Малинова, Ю.А. Сафонова, А.И. Макаров и другие) где она, по сути, выступает не только детерминантом культурных стереотипов, но и одним из ресурсов политической идентичности [Макаров, 2008, с. 10].

Согласимся с российскими исследователями, которые полагают, что культурная память есть не что иное, как определенный способ конструирования людьми своего прошлого [Сафонова, 2018, с. 16], поскольку в этом случае актуализируется возможность проектирования не

только отношения к коллективному прошлому, но и символически влиять на репертуар образов прошлого, которые могут стать основой для конструирования будущего.

В рамках настоящего исследования, руководствуясь культурологической парадигмой, мы акцентируем внимание на символических аспектах производства значимости для горожан тех или иных слоев или фрагментов культурной памяти города, которые определяют ценность образов городского прошлого для современников.

Особенно важным для понимания социального и культурного потенциала культурной памяти города является концепция символического капитала города, которая раскрывает значимость образов городского прошлого для современного развития территорий. В связи с этим, данная глава посвящена выявлению символического ресурса культурной памяти города сквозь призму концепции «символический капитал города».

Так называемые «мягкие» ресурсы в наши дни все больше востребованы для изучения со стороны исследователей, в частности, в рамках стратегий развития городов [Гнедовский, 2008]. В связи с этим, важно обратиться и к категории «символический капитал места» как особого рода ресурса, потенциал которого актуален в рамках проблематики символического менеджмента как одного из инструментов разработки стратегии развития города на основе его символических.

Научный интерес к символическим практикам обусловлен влиянием глобализации и информатизации общества, подрывом процессов формирования культурной идентичности, ограниченности ресурсов, что вызывает конкуренцию городов за привлечение на территорию различных ресурсов – от социальных (потенциальные жители, туристы) до инвестиционных и креативных.

Соперничество городов в наши дни ведется не только путем создания рабочих мест или комфортных условий для проживания потенциальных жителей, но в иной, символической и ценностной плоскости. В этом случае

города стремятся выявить и репрезентовать для разных целевых аудиторий свою идентичность, а значит повысить значимость и узнаваемость города, создать прочные ценностные основания для развития городского самосознания, с одной стороны, и устойчивую идентификацию во внешней среде, с другой стороны, или обеспечить рост доверия к городу как уникального места для проживания, работы, путешествий или иных целей. Следует предположить, что речь идет о накоплении и использовании символического капитала города как способа преобразования городской реальности, способного приносить определенный эффект через символическое влияние, в частности, через формирование ценности места.

Однако, несмотря на очевидный эффект, который может приносить символический капитал города, все же комплексная теоретическая рефлексия данной проблематики отсутствует. Знания о сущности символического капитала города, условиях и способах его накопления крайне фрагментарны и не имеют системного обоснования. В связи с этим, прежде чем рассматривать культурную память как символический капитал города, рассмотрим ключевые теоретические аспекты такого понятия, как «символический капитал города».

Понятие «символический капитал города».

Понятие «символический капитал» впервые в науку ввел известный французский социолог и философ П. Бурдьё, который теоретически его обосновал и блестяще продемонстрировал его эффективность для исследования социальных и политических процессов. Отправной точкой его научных размышлений вокруг символического капитала стала критика некоторых положений рациональной экономической мысли, сложившейся под влиянием К. Маркса, в которых упускается или, как говорит автор, отрицается один из типов капитала, который он противопоставляет материальному капиталу [Федотова, «Капитал» К. Маркса..., 2018]. По мнению П. Бурдьё, символическим капиталом является капитал доверия, капитал связей, это репутация, доброе имя, честь [Бурдьё, Практический

смысл..., 2001, с. 223]. Он подчеркивал, что символический капитал по своей природе связан с авторитетом, доверием, он одновременно служит «и оружием в переговорах, и гарантией заключенного соглашения» [Бурдьё, Практический смысл..., 2001, с. 226].

Иллюстрацией мысли П. Бурдьё может послужить пример, когда город вкладывает финансовые ресурсы, материальные средства в имидж, что как раз и служит накоплению символического капитала – доброе имя, престиж, доверие, положительная репутация, способного принести в итоге материальную выгоду в виде роста туристического потока в городе или положительного сальдо миграции.

П. Бурдьё определил наиболее известные формы капитала – экономический, культурный и социальный, а также отметил, что символический капитал является особой формой; он при определенных условиях может быть частью любого из них. По мнению автора теории, символический капитал – это «капитал в любой его форме, представляемой (т.е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием» [Бурдьё, Формы капитала, 2002, с. 60].

Следуя за логикой П. Бурдьё, отметим, что символический капитал – это особое состояние любого вида капитала, когда он функционирует и приносит доход с помощью доверия, значимости, узнаваемости, престижа, ценности. Основываясь на данном тезисе, мы предполагаем, что символический капитал города может функционировать и приносить доход в виде доверия, значимости, узнаваемости, престижа и ценности города.

Кроме того, как следствие, существуют определенные закономерности в функционировании данного вида символического капитала, который обладает определенными свойствами, спецификой накопления и использования в интересах его держателя – города.

Для определения понятия «символический капитал города», обратимся к работам тех ученых, которые исследуют символический капитал места (территории). Так, М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова

полагают, что символический капитал территории представляет собой «объективированные и структурированные представления о значениях элементов, организующих городское пространство, являющихся основой его узнавания, признания и устойчивой идентификации» [Вандышев, 2013, с. 103]. Сходный взгляд и у Н.Ю. Замятиной, которая понимает символический капитал через категорию господствующей системы ценностей, наделяющей его носителя определенными преимуществами перед всеми остальными. Отсюда символический капитал конкретной территории, по существу, «отражает представление о ее значимости, о ценности присущих ей свойств с точки зрения системы ценностей конкретного сообщества» [Замятина, «Земля наша дала миру...»..., 2016, с. 116].

Основываясь на теоретическом фундаменте изучения феномена «символический капитал» П. Бурдьё и учитывая исследовательские позиции современных исследователей, изучающих символический капитал территорий, мы полагаем, что символический капитал города – это совокупность значимых элементов (смыслов) города, которые обеспечивают городу узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп. С позиции накопления символического капитала города могут быть рассмотрены, проанализированы и стратегически оценены различные процессы, реализующиеся местными сообществами: продвижение бренда, формирование образа города и пр. Между тем, культурологический взгляд позволяет рассматривать символический капитал города исходя из собственного теоретического инструментария, который используется для анализа культурных практик.

Как следует из определения символического капитала, важным аспектом данного феномена, который обеспечивает городу узнавание, известность, престиж, доверие, является категория значимости. С позиции культуролога значимость для горожан, власти или туристов как самого города, так и элементов городской среды, культурных практик города может быть раскрыто с помощью такой научной категории культурологического

познания как «ценность», сложившейся еще в работах неокантианцев. В нашем случае категория «ценность» позволяет объяснить появление значимости тех или иных смыслов, а также и определенного отношения к местным событиям, объектам, процессам.

При этом ценности в обществе, как справедливо замечает Р. Инглхарт, имеют свойство конгруэнтно и предсказуемо меняться, а для постиндустриального общества ценными становятся практики, обусловленные культурным сдвигом, который наблюдается у людей, «выросших в условиях гарантированного выживания» [Инглхарт, 2011, с. 86]. По словам ученого, изменения ценностей приводят к изменениям во всем мире, так как люди начинают ценить и допускать определенные модели поведения, включая, по нашему мнению, и такие модели, которые могут распространяться и на отношение к определенной территории, на значимость определенных аспектов территории в жизни людей.

Ценность тех или иных элементов города для горожан (жилых зданий, мостов, скверов, мемориальных табличек, театров) может быть выявлена в различных концептах, вокруг которых формируется научный дискурс символического капитала места. В частности, значимость элементов и практик городской среды раскрывается с помощью использования такого концепта как доверие. Доверие к городу является одним из мощных детерминантов, способных определять позитивное отношение к городу, горожанам, городским практикам, вызывать лояльность как целевых аудиторий внешней среды, так и молодых и талантливых местных жителей, которые могут остаться жить и работать в данном городе.

Важно отметить, что ценность для горожан мест города или городских практик (фестивалей, шествий, форумов) нередко обусловлена значимостью образов прошлого, которые накладывают отпечаток на кодирование городской реальности. Следовательно, символический капитал города является своеобразной формой проявления символического ресурса культурной памяти города, аккумулирующей общие для горожан

воспоминания, на основе которых формируется ценность города и, соответственно, стратегии развития города.

В зарубежных исследованиях, направленных на выявление символических ресурсов, способствующих развитию территорий, иногда встречаются термины «капитал территории» или «территориальный капитал», понимание которых во многом схоже с символическим капиталом города как определенной территории. Так, итальянские исследователи подчеркивают, что территориальный капитал, основанный на уникальности места, позволяет становиться территории более притягательной для привлечения инвестиций, что ставит задачу разработки соответствующих стратегий территориального развития [Tortora, 2014, с. 135].

Символический капитал города во многом зависит от специфики и особенностей города как такового, что делает города непохожим на другие города, поскольку отражают его душу. Не случайно российский культуролог Т.С. Злотникова, осмысляя проблему уникальности и идентификации городов, предлагает понимать город как феномен, имеющий свою душу, и весьма точно отмечает, что города уникальны и «каждый город имеет свою доминанту» [Злотникова, Душа и тело города..., 2015, с. 253], которую, как мы полагаем, необходимо культивировать и капитализировать.

Особенности накопления символического капитала города.

С культурологической позиции рост или накопление символического капитала города представляет собой повышение ценности места с точки зрения тех или иных сообществ (горожан, инвесторов, потенциальных жителей, гостей города) как самого города, так и городских практик, элементов городской среды. В связи с этим, как мы полагаем, накопление символического капитала города можно трактовать как рост значений культурных смыслов города, которые будут способствовать его узнаванию среди других городов, повышению его известности в общероссийском или мировом контексте, формированию доверия к городу как со стороны горожан, так и со стороны тех, кто не проживает в городе. Отметим наиболее

важные аспекты накопления символического капитала города, которые могут использоваться городскими элитами при разработках стратегий развития территорий, прежде всего, в рамках позиционирования города во внешней среде, а также при создании благоприятной социокультурной среды внутри города.

Во-первых, накопление символического капитала города связано с его способностью конвертироваться, т.е. возможностью переходить из одного состояния в другое, что обеспечивает возможность экономического и символического обмена. Но для символического капитала это свойство ценно вдвойне – оно является его основным, поскольку именно способность конвертироваться делает символический капитал необходимым для города. В частности, специалисты при изучении ряда развивающихся регионов отмечают, что благодаря свойству конвертируемости символический капитал может оказывать влияние на экономические и социальные процессы, что может успешно сказываться на достижении целей территориального развития [Alma Lorena, 2011].

Во-вторых, накопление символического капитала как такового тесно связано с процессом означивания, наименования, «номинации». По П. Бурдьё, символический капитал накапливается путем его демонстрации: «...демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно, повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [Бурдьё, О телевидении, 2006, с. 235]. Демонстрация символического капитала города реализуется в рамках коммуникативных и маркетинговых технологий (от рекламы до создания событий и впечатлений), что обеспечивает конвертацию образов в материальные блага (приток талантливой молодежи или рост туристического потока). Важнейшим инструментом демонстрации выступает медиаиндустрия, поскольку именно она обеспечивает массовость, визуализацию, виртуализацию процессов коммуникации [Федотова, Роль медиакоммуникаций..., 2017].

В-третьих, возвращаясь к постструктуралистской логике П. Бурдьё, важно отметить, что накопление символического капитала города неотделимо от способов фиксации того или иного значения на официальном уровне. Поэтому ученый акцентировал внимание на процессах означивания, официального закрепления ценности, говорил о власти номинации и изучал условия формирования легитимности действий.

Символический капитал, по П. Бурдьё, – это имя, статус, репутация [Бурдьё, Социология политики..., 1993, с. 57]. Исходя из этого, получение городом официального статуса, имени может стать фактором роста символического капитала города. Официальное закрепление имен и статусов не только наделяет обладателей символического капитала города рядом прав и полномочий, но и гарантирует последующее привлечение в город социальных, финансовых, креативных и прочих ресурсов.

На рост символического капитала города будет влиять, например, тот факт, когда город получает награду или имя, попадает в какой-либо список уникальных городов (например, исторический город), становится местом для реализации кого-то либо события, особенно федерального масштаба.

В связи с этим, города сегодня стремятся закрепить за собой тот или иной официальный статус, подтверждающий на символическом уровне их исключительность. Например, весьма популярным статусом следует назвать категорию «столица»: культурная столица (Санкт-Петербург), третья столица России (Казань), столица Урала (Екатеринбург, где активно продвигается идея всего уральского в городской среде). Столицей могут называться и такие города, которые доказывают свое исключительное право на «главенство» или лидерство в той или иной сфере деятельности или в направлении развития городов. В частности, столицей космонавтики в России сегодня можно назвать как минимум два города, которые не только через образы городского прошлого, но и в современных практиках демонстрируют причастность к космической отрасли. Так, в Самаре с 1957 года создаются ракеты, с помощью которых осваивается космос, а также

функционирует Самарский национальный исследовательский университет имени академика Сергея Королева, осуществляющий значительный вклад в развитие космической отрасли. Тогда как в наукограде – городе Королев расположен Центр управления полетами; этот город носит имя академика и является местом его памятника, соответственно, также вполне обоснованно может считаться столицей российской космонавтики, поскольку тут еще и находится координационный центр по освоению космоса.

Города стремятся получить и закрепить свой статус для повышения ценности данного места, что может, соответственно, влиять на узнаваемость и известность города. Так, право на получение статуса места зарождения российской государственности оспаривают Великий Новгород (год основания – 859 и место княжения Рюрика – первого князя в Древней Руси) и Старая Ладога (историки считают, что в 760-е годы это был участок поселения, и возможно, что Рюрик вначале остановился княжить на данном месте прежде, чем перебраться в Великий Новгород).

Символический капитал культурной памяти города (на примере Великого Новгорода).

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что символический ресурс культурной памяти города проявляется в том, что память может стать частью символического капитала города. Каждый город хранит в своем настоящем те или иные фрагменты прошлого, которые могут рассматриваться потенциально как символическая основа для культивирования конкретных образов городского прошлого в городской среде с целью повышения доверия к городу с стороны самых разных социальных групп (как горожан, так и потенциальных жителей, инвесторов, туристов, студентов).

Так, если взять за пример типологию мест памяти, раскрытую нами ранее, то в качестве символического капитала могут рассматриваться следующие фрагменты культурной памяти города:

- память сражений и боевых действий (память, связанная с победами, завоеваниями, утратами и пр.);
- память истоков (память о зарождении города);
- память традиций (память о торговых, ремесленных, правовых, творческих, научных и прочих традициях города);
- память «гениев места» (память об известных личностях, которые так или иначе связаны с городом).

Также символический капитал культурной памяти может быть представлен исходя из специфики смыслов, которые участвуют в процессах идентификации, обеспечивают узнавание города и влияют на уровень доверия к городу и могут быть по-разному представлены в городской среде вербально, визуально, аудиально, перформативно. Сюда, как мы выявили ранее, относятся географические условия и природные объекты (озеро Байкал в Иркутске), визуальные компоненты городской среды, символы и памятники города (скульптурная композиция «Мамонты» в Ханты-Мансийске), уникальное промышленное производство (кружево в Вологде, пастила в Коломне), официальные статусы (Новосибирск – столица науки), знаковые события истории (Сталинградская битва в Волгограде).

Воспользуемся результатами эмпирического исследования, которое проводилось нами в Великом Новгороде и было направлено на выявление особенностей накопления символического капитала в городе посредством анализа мнений экспертного сообщества с применением методики структурированного интервью [Федотова, Экспертная оценка..., 2017]. Всего мы опросили 37 представителей экспертных сообществ сферы туризма, политики, бизнеса, науки, социальной сферы, власти, медиа, которые проживают в Великом Новгороде. В ходе интервьюирования нами были поставлены задачи выявить известных личностей города, определить внешних репрезентантов символического капитала города и институциональные аспекты роста символического капитала города,

оценить конкурентные преимущества Великого Новгорода, основанные на символических ресурсах города.

Наибольшая часть вопросов все же носила открытый характер, что потребовало проведение контент-анализа ответов респондентов.

Во-первых, исследование показало, какие аутентичные смыслы города, согласно мнению респондентов, являются конкурентным преимуществом Великого Новгорода и могут влиять на рост символического капитала города. Наибольшую значимость приобрели те образы города, которые хранят фрагменты городского прошлого: уникальная (средневековая) архитектура и в целом культурно-историческое наследие города, куда респонденты отнесли различные памятники и культурные традиции. Кроме того, в эту группу ответов (25-30% упоминаний) вошло и расположение города, которое ряд экспертов оценивает как позитивный фактор – близость к Санкт-Петербургу и Москве. 8-9 % упоминаний в ответах касались природных характеристик города, а также восприятия города как места зарождения российской государственности и места проведения археологических раскопок.

Во-вторых, среди тех смыслов города, которые могут принести узнаваемость или известность городу, респонденты указали Памятник тысячелетия России (43 % упоминаний), а также Кремль и Софийский собор (по 29 % упоминаний), берестяные грамоты (16% упоминаний), монастыри и храмы (13 % упоминаний), Александра Невского и Ярославово дворище (11% упоминаний), Садко и новгородское вече (10 % упоминаний). Таким образом, данные элементы символического капитала Великого Новгорода в своем большинстве основаны на фрагментах культурной памяти города (*«необходимо постоянно воспроизводить уже имеющиеся символы города ...Кремль, Витославицы, Ярославово Дворище...»*; *«исторические объекты, памятники архитектуры – пока к нам приезжают именно за ними»*). Однако, чтобы образы городского прошлого стали более значимыми и известными за пределами города, согласно мнению респондентов, важно

проводить мероприятия, с помощью которых они актуализируются, учитывая масштаб и уровень подобных событий (*«...не хватает масштабных всероссийских и международных мероприятий для того, чтобы привлечь внимание ... к городу»*).

В-третьих, согласно результатам эмпирического исследования, институциональными практиками, позволяющими капитализировать уникальные смыслы, могут стать, прежде всего, культурные события и креативные проекты города, а также политические решения как один из ключевых, завершающих этапов по актуализации культурной памяти города. Среди способов накопления символического капитала респонденты отметили: а) брендинг города, б) разработку айдентики или аутентичных элементов визуального кода города, в) активность горожан, г) позиционирование города в медиа. Среди действий местных властей, которые бы могли обеспечить рост символического капитала, респонденты отметили: а) создание туристической инфраструктуры, включая объекты питания, б) благоустройство города, где также отметили и такие действия, которые позволяют сохранить аутентичные места памяти в городе (в частности - реставрация исторических зданий). Кроме того, каждая группа экспертов акцентировала внимание на тех или иных аспектах роста символического капитала Великого Новгорода. Так, представители бизнес-структур заметили, что город при развитии предпринимательства должен делать ставку на уникальное культурное наследие (*«...гостиницы недорогие и каждая со своим шармом», «прогулки по Ильмену ...с остановками для принятия ухи по древнему приготовлению»*), тогда как туристическое сообщество считает, что важно брендировать уникальные образы города, включая и образы известных личностей.

Между тем, универсальных методик оценки символического капитала города не существует, поскольку измерить и зафиксировать символический капитал того или иного города весьма сложно в силу ценностной природы данного феномена, которая нередко раскрывается через категории

феноменологического или семантического познания. Так, существуют исследования, направленные на выявление таких символических аспектов города, которые связаны с положительной оценкой проживания в них. Символический капитал города в таком случае представляется как «связующее звено между собственно представлениями о пространстве и их ролью в социально-экономическом развитии территорий» [Замятина, 2015], и в итоге он обеспечивает формирование доверия к городу. С другой стороны, оценка уровня символического капитала города может происходить с помощью многообразных методик опросов жителей и экспертов, туристов и инвесторов, потенциальных и реальных «визитеров», а также иных представителей внешней среды. В связи с тем, что такие категории оценки как, например, «репутация», анализируются мнением определенных сообществ, то оценка символического капитала со стороны экспертов «представляет особую ценность, так как позволяет получить компетентное мнение о привлекательности, узнаваемости определенной территории, а также о возможностях и проблемах проживающего на данной территории регионального сообщества» [Когай, 2014, с. 77]. Исследователи могут также применять и семиотический метод в анализе символического капитала города, где локальные места города представляют собой совокупность текстов и символов, популяризация которых способна закреплять определенные значения в обществе. Так, согласно выводам исследователей, изучение семиотики городской среды, тестов городской культуры через выявление атрибутивных образов-характеристик, соответствующих суббрендам территории [Ланцевская, Семиотика пространства провинции..., 2014, с. 423], являющихся символическим капиталом, может способствовать формированию положительного имиджа города.

Таким образом, культурологическое познание символического капитала города осуществляется через понятие «ценность», которое позволяет объяснить появление значимости тех или иных смыслов города, а также определенного отношения к местным событиям, объектам, процессам.

Значимость элементов и практик городской среды раскрывается с помощью доверия, которое является одним из мощных детерминантов, способных определять позитивное отношение к городу, горожанам, городским практикам, вызывать лояльность как для целевых аудиторий внешней среды, так жителей города.

Ценность городских мест и практик нередко обусловлена значимостью образов городского прошлого, которые накладывают отпечаток на кодирование городской реальности. Символический капитал города, актуализирующий структуры культурной памяти, детерминирует значимость городских практик, повышает доверие к городу и вызывает положительные коннотации, уважение к фрагментам городского прошлого. Накопление символического капитала тесно связано с процессом означивания, наименования, «номинации» и неотделимо от способов фиксации того или иного значения на официальном уровне, что может обеспечить получение городом имени, звания, влияющее на привлечение в город социальных, финансовых, креативных и прочих ресурсов.

Символический ресурс культурной памяти города проявляется в том, что память может стать частью символического капитала города. Каждый город хранит в своем настоящем те или иные фрагменты прошлого, которые могут рассматриваться потенциально как символическая основа для культивирования тех или иных образов городского прошлого в городской среде. Символический капитал культурной памяти может быть представлен исходя из специфики смыслов, которые участвуют в процессах идентификации, обеспечивают узнавание города и влияют на уровень доверия к городу.

Использование концепта «символический капитал города», открывает возможность менять парадигму мышления городских элит сквозь призму символического обмена, влиять на развитие городов, привлекая мобильные ресурсы на их территорию, а также актуализировать ценность мест, основанных на образах городского прошлого. В прикладном аспекте

символические процессы производства и потребления ценностей и норм, впечатлений и восприятия города являются ресурсом для разработки стратегий развития территорий.

4.2 Образы прошлого в городском брендинге

Чтобы раскрыть каким образом культурная память может становится символическим капиталом города, рассмотрим особенности процессов использования образов городского прошлого в городском брендинге. Бренд является символическим капиталом города, поскольку позволяет через яркие и запоминающиеся образы капитализировать идею города с целью привлечения экономических и социальных ресурсов – инвестиций, жителей, туристов и пр. В качестве примера используем нарративы, и более конкретно – миф, как средство репрезентации образов городского прошлого и символической основы создания городского бренда.

Бренд города, согласно исследованиям известного российского исследователя, урбаниста Д. Визгалова, есть не что иное как городская идентичность, «системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [Визгалов, 2001, с. 41]. Тогда как городской брендинг, следуя логике Д. Визгалова, представляет собой процесс создания, разработки и продвижения бренда города, в результате которого происходит объединение идентичности и имиджа, а также формируются «три элемента концепции бренда: идея бренда города, ценности бренда города и дизайн бренда города» [Визгалов, 2001, с. 43].

Следовательно, бренд города представляет собой знак, который создан с целью детерминации устойчивых ассоциаций, идентифицирующих город и содержит в себе смыслы, нередко отсылающие к фрагментам культурной памяти города. Разработка бренда предполагает поиск и актуализацию наиболее аутентичных смыслов, которые явно или латентно выражены в

городской идентичности, что нередко предполагает проведение исследований, направленных на выявление таких смыслов. Так, исследования в Новосибирске показали, что бренд этого города может быть разработан через понимание города как одного «из научных центров Российской Федерации и образования», а логотип авторы данного исследования предлагают выполнить в виде элемента таблицы Менделеева, подтверждающем научную уникальность города [Акентьева, 2019, с. 156].

Бренд города может быть разработан на определенных аспектах городской идентичности, например, на природных (Сочи позиционирует себя как уникальная природная зона, сочетающая в себе море и заснеженные вершины) или экономических (Тула как оружейный город), а также на тесной связи со сказочными или вымышленными персонажами, как произошло с такими городами, как Мышкин и Великий Устюг.

Поскольку бренд выражается с помощью целого комплекса знаков – вербальных, отражающих идею бренда и визуальных, передающих с помощью дизайнерского решения логотип бренда, то трансляция уникальности города нередко осуществляется с помощью нарратива. Нарратив «рассказывает» целевым аудиториям об идее и судьбе города, «духе места» и его отличиях. В сюжетах городских нарративов, как мы отмечали ранее, нередко используются фрагменты культурной памяти города. Помимо трансляционной функции, городские нарративы, как и любые другие нарративы, объясняют прошлое, а также наделяют смыслом настоящее.

Одним из наиболее значимых нарративов, которые влияют на коллективные представления большинства людей, является миф, который представляет собой эмоционально окрашенный сюжетный текст, доступно объясняющий фрагменты коллективной памяти и участвующий в процессах интерпретации прошлого и настоящего. По мнению О.Ю. Малиновой, миф представляет собой ядро репертуара актуализированного прошлого как совокупности «исторических событий, фигур и символов, которые

наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» [Малинова, Политика памяти..., 2018, с. 32].

Для того, чтобы раскрыть мифологическую природу городского бренда, определим специфику функционирования бренда как репрезентанта культурной памяти города.

Бренд города и культурная память.

Согласимся с Г.Л. Тульчинским, который полагает, что в современном мире бренд «фактически становится социальным мифом – способом и средством осмысления человеком действительности и ориентации в ней» [Тульчинский, Total Branding ..., 2013, с. 37]. Бренд города в этом случае приобретает не столько экономическое, сколько культурное и мифотворческое значение. Он представляет собой знак, транслирующий определённые ценности города, и, тем самым, тесно коррелирует со структурами культурной памяти города, участвуя в процессах идентификации горожан.

Устойчивый и узнаваемый бренд города формирует символическую основу для осмысления, понимания города, а также оценки и интерпретации городского настоящего. Отсюда брендинг города приобретает функцию мифотворчества, поскольку целью создания бренда становится процесс объяснения идеи города через нарратив и формирование культурных смыслов, задающих социальные стереотипы, включая и те из них, которые вызывают лояльность к городу. С помощью бренда происходит репрезентация городских ценностей для горожан, туристов, потенциальных жителей. Наличие у города такого символического капитала как бренд «позволяет городу на равных конкурировать с другими городами, продвигать свою индивидуальность, формировать узнавание и приверженность своих потребителей» [Мещеряков, 2008, с. 64]. Другими словами, в этом случае актуализируются нарративы культурной памяти города, создающие новую

реальность места, направленную на создание привлекательности города в глазах различных целевых аудиторий.

Бренд города в этом случае, как и любой другой миф, представляет собой один из детерминантов, структурирующих городскую реальность, формируя определённые смыслы, эмоции и оценки по отношению к городу. К подобным выводам пришёл коллектив российских учёных, который рассмотрел данную проблему с позиции социального и политического конструктивизма. Город, исходя из этой позиции, рассматривается как смысловой мир, который символически сконструирован и реально воплощён в коммуникативных практиках [Щербинин, 2018]. В этом случае брендинг представляет собой один из способов мифологического конструирования социальной реальности городов, поэтому в городском брендинге следует учитывать, прежде всего, социокультурные факторы [Федотова, Социокультурные факторы..., 2023].

Вместе с тем, бренд города – это сообщение об уникальности места, которое сформировано на основе артефактов или событий, представленных в его идее, поскольку помимо визуального выражения бренд содержит в себе глубинные культурные смыслы, а также символические «следы» города, скрепляющие прошлое города и его настоящее.

В частности, бренд города Мурманска был разработан в результате исследований, в том числе, анализа мнений горожан о своем городе [Архипова, 2016]. Творческая группа сосредоточилась на поиске базовых ассоциаций с городом, позитивных сторон города, уровне эмоциональной связи с городом, атрибутов Мурманска, его культурных ресурсов и природных аспектов. Одним из результатов стал набор элементов городской идентичности: море, северное сияние, портовый город, рыба, Арктика, северный флот, полярная ночь, динамичный город. Следствием этого стало визуальное решение бренда города Мурманска, в котором отражены идентификационные коды с помощью соответствующей цветовой гаммы. На данный момент в логотипе бренда Мурманска (см. Приложение 2, Рис. 1)

представлены буквы названия города, где цвет каждой буквы символично передает все компоненты идеи бренда. После общения с жителями города была выбрана и основная идея бренда: «Мурманск — форпост России в Арктике».

Важно отметить, что в брендинге города особую значимость имеет поддержка ключевой идея бренда, которая через сжатый контент и визуальное решение передает ту самую уникальность, со стороны сообщества горожан. Особую актуальность в проектировании городского бренда приобретают такие мифы, которые составляют идентификационное ядро города, а значит понимаются горожанами как значимые.

Раскрывая мифологическую основу бренда, подчеркнем значимость мифа как того доступного сюжета, который хранит культурную память города и участвует в социальном и культурном конструировании настоящего. Следует согласиться с мнением профессора социологии Г. Гилла, который в одном из своих известных работ, выпущенных Кембриджским университетом, отмечает, что мифы «порождают социальную солидарность и идентичность, создавая образы прошлого, связывая прошлое и настоящее таким образом, чтобы придать смысл текущему положению дел» [Gill, 2013, с. 4]. Сюжетный характер мифа придает ему особую значимость среди прочих символических форм, которые способны преодолевать ситуации неопределённости для коллектива людей, когда реальность становится осмысленной, читаемой, узнаваемой.

Как отмечает Г. Тульчинский, миф не утратил своей значимости в наши дни, поскольку «миф, как и транслирующее его общественное мнение, остаётся условием осмысления действительности, определяющим понимание, оценки, мотивацию, решения, поступки» [Тульчинский, Символическая презентация..., 2016, с. 11]. Миф транслирует устойчивые смысловые структуры исходя из опыта прошлого, объясняющие процессы реальности и задающие векторы её интерпретации.

В рамках культурной памяти города миф объясняет образы городского прошлого и способствует осмыслению города в контексте воспроизводимой реальности. Через поддерживаемую мифологию, которая структурирует коллективные представления о городе, образы городского прошлого понимаются современниками в определённом свете, что способствует приращению культурных смыслов.

Репрезентантами мифа являются различные практики, представляющие образы городского прошлого, среди которых как вербальные, так и визуальные способы передачи нарративов. По мнению учёных, «трансляторами мифологической информации являются не только вербальные тексты, но также изобразительные, монументальные, архитектурные, ландшафтные; есть способы «мифологически означить» любой их элемент (сопутствующей надписью, иконической эмблемой, символом и т. д.)» [Неклюдов, 2000, с. 18]. Следует при этом отметить, что особенностью любых мифологических сообщений является то, что они «передаются путём поддержания вокруг какого-либо вещественного объекта (как природного, так и рукотворного) относительно устойчивого ассоциативного поля мифологических значений» [Неклюдов, 2000, с. 18].

Поэтому мы полагаем, что миф может рассматриваться как символическая основа бренда города, который лаконично транслирует уникальность города. Бренд – это особого рода язык, оперирующий образами городского прошлого, тем самым символически конструируя осмысленную, понятную городскую реальность [Федотова, Практики визуализации нарративов..., 2022, с. 57].

Отправной точкой в стратегиях брендинга города становится предварительное исследование городской идентичности и актуальных слоев культурной памяти, символический ресурс которой был бы опорой будущего бренда города и гарантировал бы поддержку бренда местными жителями. Д. Визгалов отмечал, что «бренд города - это нечто находящееся «посередине» между видением города изнутри и восприятием города извне... эти два

образа города активно влияют друг на друга, меняют друг друга и определяют бренд» [Визгалов, 2001, с. 37].

Как мы отмечали ранее, бренд города является символическим капиталом города, поскольку приносит ему известность и узнаваемость. Объектом внимания исследователей всё чаще становится та самая «точка взаимодействия – восприятие города, сформированное каждым человеком, который сталкивается с городом» [Kavaratzis, 2004, с. 63]. Исследователи городского брендинга отмечают важность выявления ключевых смыслов, с которым отождествляется город. О таких смысловых точках города писал один из крупнейших мировых специалистов в области брендинга территорий К. Динни, когда подчеркивал, что именно о них вспомнят в первую очередь люди, когда у них спросят: «О чем вы прежде всего вспоминаете, когда думаете об этом городе?» [Динни, 2013, с. 18]. Встреча человека с городом и осмысление города нередко происходят через представление о городе, заключаемое в его визуальном образе.

Следует согласиться с мнением о том, что «современные маркетологи нередко игнорируют сложность бренда места» и не учитывают его глубокую концептуализацию [Zenker, 2011, с. 40]. Поэтому исследователи городского бренда интерпретируют его не столько с помощью экономических, географических и прочих «физических» показателей территории, сколько с позиции процесса восприятия места и впечатлений от него со стороны целевых аудиторий [Zenker, 2011, с. 42]. Как полагают российские исследователи, брендинг представляет собой род управления его собственной коммуникацией «с целью сделать бренд успешным, т. е. мыслимым и узнаваемым» [Щербинин, 2018, с. 199], поскольку в результате брендинговых стратегий формируется эффект идентификации города, а город «обретает, поддерживает и усиливает идентичность уже своего, изнутри принятого, бренда» [Щербинин, 2018, с. 199].

Бренд города не только выделяет данный город от прочих городов, но и визуально выражает городской нарратив, а следовательно, участвует с

помощью понятных знаков в процессах трансляции смыслов культурной памяти города. Обращаясь к опыту российских городов, следует заметить, что в брендах представлены самые разные образы городского прошлого, которые поддерживаются современниками и становятся частью современных городских практик. В частности, Выборг является городом, бренд которого непосредственно связан со Средневековьем и средневековой историей города, этот факт является частью туристической индустрии Выборга. Более того, многие бренды российских городов были разработаны путём актуализации тех или иных эпизодов культурной памяти города, которые в символических формах представляют нарративы образов городского прошлого. Для того, чтобы подробнее раскрыть каким образом культурная память города представлена в мифологической основе бренда, обратимся к выявлению процессов структурирования городской наррации.

Уровни наррации в городских брендах.

Рассмотрим некоторые примеры результатов брендинга российских городов, различных по масштабу и географическому расположению на карте страны. В качестве практик репрезентации нарративов культурной памяти города рассмотрим опыт брендинга российских городов, где бренд может быть представлен как носитель мифологической информации о городе. В качестве объекта исследования выступает визуальный элемент бренда, который, как правило, называют логотипом, представляющий собой то лаконичное изображение, которое служит способом объективации того или иного мифа.

Для того чтобы понять, как встроен миф в городскую реальность, воспользуемся методологией Г. Тульчинского, полагающего, что любой нарратив (включая миф) представлен в реальности в следующем порядке: а) демонстрация факта; б) агрегация фактов в хронологические и каузальные связи как основа сюжета нарратива; в) толкование этого целого ряда фактов, рефлексия, раскрывающая смысл нарратива, замысел происходящего [Тульчинский, Символическая презентация..., 2016, с. 9].

Первый уровень наррации – демонстрация факта.

Рассматривая мифологическую основу бренда, следует заметить, во-первых, что бренд есть сжатое сообщение об уникальности города. Например, бренд Казани в 2015 году был представлен как результат репрезентации ключевых ценностей данного города – традиций, дружбы, семьи и любви, которые нашли своё отражение в архитектурных сооружениях города. Элементы данных сооружений легли в основу бренда Казани (См. Приложение 2, Рис. 2), а за его основу был принят национальный татарский орнамент. Разработчики бренда поставили для себя цель рассказать о культуре жителей Казани через современный и узнаваемый стиль. Таким образом, с помощью первого уровня наррации, в ходе которого происходит демонстрация факта, бренд формирует перспективу устойчивой идентификации и отличий города, лаконично передавая уникальную информацию о месте с целью заслужить доверие целевых аудиторий.

Второй уровень наррации - агрегация фактов в хронологические и каузальные связи как основа сюжета нарратива.

Немаловажным аспектом «встраивания» бренда в городскую реальность является наличие определённых последовательностей в разработке, презентации, поддержке бренда, а также наличие причинно-следственных связей, обуславливающих влияние бренда на изменение культурных смыслов, с помощью которых город осмысливается, воспринимается. Бренд в этом случае выступает как гипертекст, поскольку его части отсылают в хронологию и в пространстве к иным текстам, которые «рассказывают» о городе. На этом уровне наррации город, как правило, придерживается стратегий интеграции бренда в различные практики города. В этом случае бренд не просто создан, утверждён и принят городом. Важно, что его логотип визуально сопровождает знаковые события города. Бренд принимают бизнес и жители, его используют в индустрии, на стендах, в туристических выставках, в политических практиках.

Третий уровень наррации - толкование, рефлексия, раскрывающая смысл нарратива.

Наконец, бренд может быть запечатлен не только на элементах окружающей действительности (на материальных объектах или в виртуальном пространстве), но и отражать замысел и сопровождать реализацию культурных и социальных практик, направленных на рефлекссию и интерпретацию замысла бренда города.

Поскольку нарратив предполагает наличие сюжета, то идея бренда города может быть представлена в городской реальности путём регулярной дешифровки заложенных в бренде смыслов. В качестве интерпретаторов и социальных репрезентантов городского нарратива, заключённого в бренде, нередко выступают журналисты, политики, блогеры, ведущие телевизионных передач или туристы, оставляющие отзывы о городе. В этом случае происходит социально-нормативное и культурное закрепление смыслов города, которые транслирует бренд, формирование стереотипов, с помощью которых он осмысливается.

В частности, для города Клин был разработан бренд (См. Приложение 2, Рис. 3), основанный на значимости для города творчества П. И. Чайковского, который жил в этом городе в течение длительного времени. Однако, кроме этого, нарративы, положенные в основу бренда, включали в себя сквозные смыслы музыки, соединяющие творчество великого композитора и современных жителей. Ключевой нарратив бренда данного города «Клин звучит» связан с тем, что город представляет собой место музыки, звучания, звука. Данная идея звука, которая своеобразно изображена на логотипе городского бренда, нашла свое начало в тесной связи с произведениями П. И. Чайковского, которые именно здесь звучали, а также нашла отражение и со звоном елочных игрушек, которые изготавливаются в городе. Данный проект стал победителем на одном из международных фестивалей в 2015 году по территориальному брендингу.

Следует заметить, что третий уровень наррации бренда (толкование, рефлексия, раскрывающая смысл нарратива) является ключевым, и именно он конструирует репрезентативный потенциал культурной памяти города, является проводником культурных смыслов, которые объясняют прошлое и напрямую детерминируют осмысление современного города. Идея города, заключённая в нарративе, делает бренд проводником образов городского прошлого, тогда как процессы брендинга или ребрендинга актуализируют новые структуры культурной памяти и тем самым меняют коллективные представления о городе.

Анализ визуального оформления городских брендов России показал, что многие из них используют изображения как средство передачи нарративной информации. Цвет и форма логотипа, шрифт слогана, изображение – всё это является художественным выражением рассказа об уникальности города. Вместе с тем, бренд «манифестирует идентичность, публично заявляет об уникальности города» путём апелляции к уникальности чего угодно: «местности, ландшафта, истории, культурных традиций, инноваций, музыки, знаменитого события, кухни, образования, климата, дизайна и т. п.» [Щербинина, 2018, с. 200].

Визуализация мифа в городском бренде.

В качестве примера рассмотрим два логотипа брендов города, основанных на мифах, которые визуально манифестируют уникальность города через репрезентацию фрагментов культурной памяти города.

1) Бренд города, разработанный на народных промыслах и культурных традициях.

Нередко российские бренды городов, повествуя о местной индивидуальности, в основе идеи города опираются на нарративы о тех традиционных ремёслах и промыслах или иных культурных традициях, которые лежат в основе образов городского прошлого. Бренд в этом случае «рассказывает» о традиционных культурных практиках города как различных элементах городской аутентичной культуры: от народных

праздников (фестивали, фольклорные праздники) до традиционных гастрономических изделий города (пряники, торты, пельмени), прочно укорененных в структурах культурной памяти города.

Культурные традиции отражают глубинные слои культурной памяти города, которые актуализируются в поддерживаемых городских мифах, и бренд города становится одним из факторов, в которых визуализируются нарративы, образованные вокруг производства народных традиций, тем самым бренд становится инструментом символизации образов городского прошлого, объективируя тот или иной фрагмент культурной памяти города.

В частности, бренд города Вологда (См. Приложение 2, Рис. 4) содержит в себе не только традиционные элементы вологодского кружева (народный промысел Вологодской земли), но и изображает птицу в виде кружевных линий. Бренд Вологды объединил в себе традиционность самой Вологды и культурные практики малых городов Вологодской области, позиционирующих себя в статусе «души Севера».

Разработчики идеи бренда Вологды преследовали цель через миф об объединяющей силе патриархальных традиций и православных устоев вологжан сформировать понятный текст, вызывающий у горожан гордость за свой город и служащий основой для формирования сопричастности друг с другом и с городом. Бренд Вологды рассказывает (и одновременно манифестирует) глубинную идею о почитании городом многолетних духовных традиций, о намерении сохранить и актуализировать богатое культурное наследие. Подобные нарративы передаются, в частности, путём изображения птицы, поскольку именно птица как важный для славянской культуры знак имеет особое значение для русского народа (например, сказочная птица, которая олицетворяет духовную красоту и доброту русского человека). При этом на бренде изображена не просто птица, а голубь, образ которого может быть интерпретирован в качестве посланника Бога, что позволяет говорить о значимости православия для горожан.

Визуализация подобного рода нарративов, формирующая соответствующие коллективные представления о городе как о православной душе русского Севера, в результате «работает» на осмысленность и понятность идеи города, делает актуальными значимые для города образы прошлого. Иными словами, бренд Вологды передает устойчивые смыслы в понятных и доступных для большинства людей формах, основанных на значимых для горожан образах городского прошлого.

2) Бренд города, разработанный на использовании исторических событий.

Российские города, имеющие богатую культурную память и хранящие яркие страницы многолетней истории, фрагменты уникального прошлого, нередко актуализируют в современных социальных практиках нарративы о своей исторической судьбе, формируя тем самым городскую реальность через апелляцию к значимости коллективного прошлого. К таким городам относятся те, которые имеют восьми- или десяти-вековую историю. Причём визуальные «объективаторы» этих нарративов могут быть встроены в городскую среду (например, с помощью памятников архитектуры), отсылая своими формами к образам городского прошлого. Однако наиболее гибкой практикой визуализации нарративов следует назвать именно брендинг, который обладает способностью генерации и актуализации культурных смыслов. В этом случае культурная память города может рассматриваться как резервуар нарративов, повествующих о разных событиях городского прошлого.

Например, бренд Великого Новгорода (См. Приложение 2, Рис. 5), созданный в 2009 году, состоит из верхней визуальной части, которая выполнена в бордовых тонах, и нижней вербальной части, транслирующей доминирующий на тот момент слоган города «Великий Новгород – Родина России». Бренд Великого Новгорода символически связан с несколькими нарративами, которые актуализируют ряд образов городского прошлого.

Вербальная часть бренда апеллирует к историческому факту зарождения российской государственности на территории древнего города, поскольку именно тут располагалась первая резиденция русского князя Рюрика. Тогда как форма изображения в виде купола визуально транслирует значимый нарратив об одном из ключевых для города символов архитектуры, а именно куполе Софийского собора, который вобрал в себя все аспекты богатого исторического наследия России, почитаемого и культивируемого современными новгородцами. Наконец, бордовые цвета бренда отсылают к стенам Кремля – архитектурному памятнику, который символизирует сердце города как средоточие культурных смыслов, связанных с образами Новгородской республики и духом демократизма древних новгородцев. Следовательно, бренд лаконично, как и миф, но с использованием современных вербальных и визуальных форм передает содержание нарратива об уникальности города, история которого хранит в себе события далекого прошлого, связанного с образованием российского государства, с периодом новгородской республики и с православными традициями древнего Новгорода.

Помимо этого, бренды городов могут быть основаны также на визуализации иных нарративов, отсылающих к самым разным фрагментам культурной памяти города – от повествований о значимых персонажах или известных личностях города до мифов о возникновении города.

Таким образом, культурная память города является резервуаром тех аутентичных смыслов, которые лежат в основе разработки бренда, фиксирующего устойчивые ассоциации, позволяющие идентифицировать город и подчеркивать его уникальность. Бренды городов транслируют целевым аудиториям ценности города с помощью актуализированных нарративов, рассказывая об идее и судьбе города, «духе места» и его отличиях, формируя тем самым культурный код города. Брендинг города приобретает функцию мифотворчества, поскольку целью создания бренда становится процесс объяснения идеи города через нарратив и формирование

определённых культурных смыслов, задающих социальные стереотипы, включая и те из них, которые вызывают лояльность к городу. Бренд города – это сообщение об уникальности места, сформированное на основе артефактов или событий, это совокупность символических «следов» города, скрепляющих прошлое города и его настоящее. Феномен бренда города неотделим от таких категорий, как ценности, доверие, впечатления, задающих символическую и эмоциональную связь между городом и человеком. Бренд города является символическим капиталом города, он приносит ему известность и узнаваемость. Визуализация городского мифа в логотипах бренда рассмотрена нами на основе актуализации народных промыслов и культурных традиций, исторических событий города как иллюстрациях функционирования нарратива культурной памяти города в современном городском бренде.

Как показало исследование, в городских брендах может существовать три уровня наррации: на первом бренд формирует перспективу устойчивой идентификации и отличий города от других, чтобы заслужить доверие к городу, на втором – бренд встраивается в городскую реальность посредством разработки, презентации, поддержки бренда, на третьем – бренд может существовать не только путём закрепления визуальной символики на элементах окружающей действительности, но и путём реализации социальных практик, направленных на рефлексию и интерпретацию замысла бренда, регулярной дешифровки заложенных в бренде смыслов учеными, журналистами, политиками, блогерами, туристами и прочими социальными группами. Третий уровень наррации бренда является ключевым, и именно он конструирует репрезентативный потенциал культурной памяти города, является проводником культурных смыслов, которые объясняют прошлое и напрямую детерминируют осмысление современного города. Идея города, выраженная в нарративах, превращает бренд в тот инструмент, который способствует передаче образов прошлого. В связи с этим, и процесс городского брендинга следует рассматривать как фактор актуализации мифа,

а также способ формирования представлений о городе. За счет лаконичной структуры и редуцированных смыслов, выраженных вербально и визуально, бренд города является мощным детерминантом конструирования городской реальности. При этом нужно подчеркнуть, что, оперируя процессом наполняемости той или иной информацией как бренда города, так и других носителей культурной памяти города, важно не забывать о социальных рисках. Конструктивистская позиция по отношению к городским нарративам, которые способны актуализировать определённые фрагменты культурной памяти города, открывает возможность реализации целенаправленного процесса интерпретации прошлого, которое будет определять и процессы настоящего. Сложность данного процесса обусловлена моральными принципами и необходимостью выработки этики коллективной памяти, которая бы не позволила допустить манипулятивных технологий по отношению к образам прошлого.

4.3. Гений места как символический капитал города

Как мы показали ранее, символический капитал города может структурироваться вокруг разных образов прошлого, и этот репертуар образов зависит как от времени основания города, так и от специфики развития. Одним из тех образов прошлого, который может быть капитализирован (то есть стать частью символического капитала города, или приносить известность, узнаваемость, положительную репутацию города), может быть связан с известной личностью, а результатом его капитализации становится гений места как один из элементов символического капитала города. В данном параграфе на примере гения места мы рассмотрим – как персонифицированный образ городского прошлого может стать частью символического капитала города.

Города, как правило, хранят в своих структурах памяти те или иные исторические события и традиции, которые могут быть связаны с

известными личностями (с основателями города или, например, с известными творческими личностями). К таковым относятся те, кто ранее жил в данном городе и добился успехов в творчестве, спорте, науке или иных сферах деятельности или те, для кого этот города стал местом вдохновения, творчества или, напротив, был, например, местом рождения или последних дней жизни. В связи с этим, например, с академиком С. Королевым, как мы указывали ранее, связано позиционирование, как минимум, двух городов – Самара и Королев. В результате к факту известности той или иной личности могут быть прикреплены разнообразные коннотативные смыслы в пространстве города – в научных исследованиях, в творчестве, гастрономии и прочих культурных и социальных практиках, формирующих значимость города в целом.

Действительно, известные личности обладают особой символической ценностью, которая актуальна, в том числе, в рамках развития маркетинга места. Они могут аккумулировать вокруг себя самые разные структурные элементы городской идентичности - события, традиции, исторические даты, памятные места, связанные с жизнью и достижениями таких выдающихся личностей, которых могут называть «гениями места».

а) Особенности репрезентации гения места в городской среде.

Обращаясь к этимологии выражения «гений места» следует отметить, что оно отражает несколько значений, которые, однако, так или иначе связаны с символическим ресурсом культурной памяти города.

Понятие «гений места» («genius loci») является латинским крылатым выражением, которое дословно означало дух, охраняющий место. Такой дух-покровитель или гений, согласно римским мифам, был у каждого места и его роль заключалась в том, чтобы влиять на это место, в частности, охранять и оберегать его. Сегодня весьма популярным является понимание «genius loci» как «духа места» и трактуется в виде выражения духовного, идеального воплощения уникальности, способного формировать и передавать ценность места.

В частности, такой взгляд характерен для исследований визуальных особенностей городской среды, создающих особую атмосферу пространства, способствующих его «переживанию» и запоминанию. Такая трактовка стала отчасти популярной после выхода работ К. Норберг-Шульца, предложившего данную категорию в рамках разработанной им феноменологии архитектуры. По его словам, человек не просто воспринимает геометрию построек, он экзистенциально переживает город и взаимодействует с ним, чувствуя его как пространство жизненного опыта. И это объяснимо с помощью концепта «genius loci», который «позволяет человеку идентифицировать себя со средой» [Norberg-Schulz, 1980, p. 16].

С другой стороны, следует согласиться с исследователями, которые полагают, что гений места – это «художник или творец, чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом (домом, усадьбой, поселением, деревней, городом, ландшафтом, местностью) и могут служить существенной частью образа места...» [Замятин, Гений и место..., 2013, с. 154]. Таким образом, мы полагаем, что гений места – это творец или герой в самом широком смысле данного слова (писатель, художник и поэт, но и политик, учёный, философ, исторический деятель или вымышленный герой), с которым ассоциируется место, а значимость его достижений является частью символического капитала, вызывать положительные эмоции и доверие к месту, повышать его известность и узнаваемость, символически отражать отношение к месту.

Гений места является символическим капиталом города, поскольку он «питает место своей славой» [Замятина, Гений места..., 2007, с. 66], т.е. город получает символическую прибыль в виде устойчивой идентификации или популярности, известности и узнаваемости города. Например, сам факт того, что мы можем увидеть берег Волхова с живописными куполами Софийского Собора с того же места, откуда видел его Ярослав Мудрый, или то место, где Сергей Рахманинов черпал свое вдохновение для создания музыкальных шедевров, формирует особое отношение как к самому городу,

так и к элементам городской среды. Гении места влияют на рост известности города и тем самым привлекают в город людей и ресурсы за счет своей значимости. Они насыщают семиотику города дополнительными значениями, и мы воображаем город посредством присутствующих в городском пространстве «следов памяти» гения места, связанных с его биографией, особенностями характера, достижениями, драмами, успехами, утратами. Часто туристы стремятся посетить место, которое наполнено «духом» творца, а жители города ценят это место, как важнейшую часть культурной памяти города. Если рассмотреть многообразие гениев места в российских городах, то можно (в зависимости от характера той деятельности, которой они прославляли данный город), выявить как минимум следующие типы гениев места:

- вымышленные персонажи – литературные персонажи, герои мифов, легенд, сказок (сказочный персонаж Садко в Великом Новгороде);
- исторические деятели (князь Владимир во Владимире);
- творческие личности – музыканты, театральные деятели и пр. (Сергей Рахманинов в Великом Новгороде, Федор Волков в Ярославле);
- писатели (Сергей Есенин в Рязани, Лев Толстой в Красной поляне);
- ученые, философы, изобретатели (К.Э. Циолковский в Калуге, Иммануил Кант в Калининграде).

Особенности репрезентации гения места в городской среде зависят, по нашему мнению, от уровня символической связи гения места с городом. Рассмотрим способы репрезентации гения места в городской среде в зависимости от уровня его символической связи с городом и связанной с этим процессов идентификации. Воспользуемся сделанными нами ранее выводами об уровнях идентификации в предыдущей главе, но рассмотрим их по отношению к представлению гения места в городской среде.

Во-первых, гений места может присутствовать в городе лишь на первичном, когнитивном уровне, когда горожане знают, что в этом городе жил и творил гений. Такой уровень также может быть назван

символическим, когда гений места может символизировать, например, те или иные фрагменты культурной памяти города.

Во-вторых, гений места может стать частью городской идентичности, когда данная личность выступает как один из образов городского прошлого, на основании которых у горожан строится сопричастность с городом, а сам город «переживается» и эмоционального принимается человеком через личное осмысление гения как его значимой части. Данный уровень репрезентации гения места в городской среде мы называем идентификационным.

В-третьих, на институциональном уровне «следы памяти» гения места включены в социальные, культурные практики (музейные экспозиции, научные конференции), в политические или экономические процессы муниципальной власти или бизнеса. Институциональный уровень позволяет не забывать, а, напротив, переживать, чувствовать, осязать, помнить символическую связь горожанина с гением места, поддерживать эту связь между прошлым и настоящим, и передавать следующим поколениям. Но деятельность институтов будет эффективной лишь в случае поддержки со стороны горожан значимости для них гения места, что подтверждается важностью первого и второго уровней в процессах капитализации образов прошлого в городской среде.

Следовательно, для того, чтобы гений места стал частью тех значимых смыслов, с помощью которых у горожан формируется сопричастность и доверие к городу, а также повышается известность, узнаваемость города благодаря его тесной символической связи с гением во внешней среде, важно чтобы данный персонифицированный образ городского прошлого был представлен на всех трех уровнях.

Таким образом, мы можем констатировать, что символический капитал города (в частности, символический капитал гения места) накапливается в городе проходя все три стадии формирования значимости смыслов города – от генерирования идей до закрепления ценности этой идеи в

идентификационных кодах города и в институциональными практиках. Сам факт той или иной связи известной личности с городом не является гарантом того, что он станет гением данного места, поскольку важным условием является его культивирование образа на всех трех уровнях, что обеспечивает интеграцию значения известной личности в городские практики. Для подтверждения данных тезисов обратимся к опыту эмпирического исследования по выявлению гения места в Великом Новгороде.

б) Гений места: опыт эмпирического исследования.

Эмпирические исследования гения места как символического капитала города могут проводиться в каждом конкретном городе, решая, в том числе, такие задачи: а) определение пантеона известных личностей, имеющих потенциальную возможность стать гением места, б) выявление корреляций и уровня символической связи между гением места и городом, г) определение степени внешней и внутренней идентификацией города с известной личностью, д) выявление корреляций в мнениях на потенциальную возможность стать гением места с точки зрения горожан и городских властей. Так, современные российские исследователи акцентируют свое внимание как на определении символической связи между городом и гением места [Замятин, Гений и место..., 2013], так и на анализе перспектив брендинга города на основе значимости гения места [Савельева, 2021]. Такого рода исследования нередко включают в себя комплексное изучение культурно-исторического наследия города, явных и латентных слоев культурной памяти города, связанных с известными личностями города, куда бы включались экспертные мнения, в том числе, профессионально связанные с научным сообществом, дополненные проведением опросов жителей города, представителей внешней среды и прочих заинтересованных социальных групп.

Для решения подобных задач, связанных с перспективой капитализации гения места в городе, мы провели исследование гениев места в Великом Новгороде, которое включало в себя, во-первых, анализ

когнитивного и идентификационного уровней репрезентации гения места в городской среде:

- глубинное интервьюирование горожан (53 жителя города с квотой по возрасту, времени проживания, сфере деятельности) для выявления известных личностей и определения уровня идентификационных связей с ними (внутренний срез значимости гения места для горожан);

- контент-анализ медиа текстов (83 отзыва) туристов и гостей города, которые не проживают в городе, но были с визитом и оставили отзыв на одном из медиаресурсов (внешний срез значимости гения места для представителей внешней среды);

Кроме того, во-вторых, мы провели анализ институциональных практик репрезентации гения места в городской среде:

- семиотический анализ объектов городской среды на предмет их символической связи с гениями места, исследование элементов городского пространства и городских практик на предмет наличия институционального уровня символической связи между гением места и горожанином;

- экспертная оценка присутствия образов городского прошлого, связанных с гением места, в городской среде со стороны лидеров мнений и городских элит (экспертное интервью у 37 человек из сферы власти, бизнеса, науки, социальной сферы, медиа).

Данные направления исследований гения места могут быть дополнены анализом значимых полей медиадискурса и вторичных материалов (предыдущих опросов, научных публикаций, отчетов), которые позволят скорректировать и дополнить результаты исследований в зависимости от избранной стратегии.

Великий Новгород – это город с уникальным прошлым, объединяющим в себе не одну эпоху, и, соответственно, город с многослойной культурной памятью, древними традициями и более чем тысячелетней историей. С ним связана судьба многих известных людей, которые так или иначе проявили себя в творчестве, политике.

Открытые вопросы, которые были заданы в ходе структурированного интервью новгородцам с выборкой по возрасту, времени проживания, сфере деятельности, а также экспертному сообществу новгородцев, которые являются лидерами мнений в науке, образовании, медиа, бизнесе, власти содержали в себе как возможность определить гения места Великого Новгорода (когнитивный уровень), так и обосновать свое мнение, определив причины и степень значимости того или иного гения места как одного из образов, на которых сопричастность с городом (идентификационный уровень).

Тексты отзывов тех, кто посетил Великий Новгород, приехав из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Казани, Ульяновска, Пскова, Тулы и из других городов и разместивших свое мнение о посещении города на таких порталах как «Клуб «Моя планета», «Отзыв.ru», «Komandirovka.ru», «MYSLO», «Туристер», были взяты нами для проведения контент-анализа,

Прежде всего, основным результатом эмпирического исследования стал тот факт, что все три группы респондентов единодушно отметили особое значение Александра Невского как гения места, тесно связанного с судьбой Великого Новгорода (результаты мнения жителей Великого Новгорода представлены на Рис.3 Приложения 3).

Менее значимыми как для горожан, так и экспертов стали, по убыванию, такие известные личности как Садко, Ярослав Мудрый, Рюрик и Сергей Рахманинов. Тогда как для туристов, посетивших Великий Новгород, эти имена распределились иначе – более значимыми оказались Ярослав Мудрый и Рюрик. Подобные корреляции следует учитывать городским элитам при капитализации гениев Великого Новгорода в городской среде, в частности, в рамках стратегий развития территории.

Когнитивный уровень репрезентации гения места в среде Великого Новгорода весьма широк и включает в себя целый список известных личностей. Важно отметить, что нередко данный уровень представлений о гении места формируется внутри профессиональных сообществ, которые

хранят образы прошлого в научных, исследовательских, культурных практиках, что не всегда предполагает широкую известность данных имен среди обывателей.

Жители Великого Новгорода отметили таких известных личностей как писатель Ф.М. Достоевский, композитор А.С. Аренский, мальчик Онфим (герой берестяных грамот), Марфа Посадница, и герои, связанные с событиями Великой Отечественной войны - В.А. Кочетов и И.Т. Коровников. Кроме того, среди тех, кто жил в XX веке, экспертами также были упомянуты такие имена, как: В.Л. Янин (российский историк, руководитель археологической экспедиции в Великом Новгороде), В.И. Поветкин (создатель центра музыкальных древностей), С.В. Рахманинов (русский композитор), Д.М. Балашов (русский писатель, филолог). Среди деятелей средневекового Новгорода эксперты также назвали княгиню Ольгу, Василия Буслаева, Кирика Новгородского, Любаву. Когнитивный уровень значительно масштабнее у экспертного сообщества, что объясняется профессиональной включенностью в выявление образов прошлого Великого Новгорода как на научном уровне, так и в рамках социальных и культурных практик (деятельность музеев, домов творчества, туристических компаний)

Идентификационный уровень гораздо сложнее выявить, он не выражается количественно, что требует от ученых анализа глубинных слоев причастности тех или иных социальных групп, в частности, горожан, к городу. Подобной задачи проведенное нами исследование напрямую не ставило, однако, в части открытых вопросах о наиболее важных элементах, с помощью которых горожане отождествляют город, были упомянуты Александр Невский и Ярослав Мудрый.

Институциональный уровень репрезентации гения места в городской среде подтвердил первоначальную гипотезу о том, что именно Александр Невский является гением места в Великом Новгороде. Имя Александра Невского присутствует во многих городских объектах. В частности, именем русского князя названа одна из набережных города, Церковь Святого

благочестивого великого князя Александра Невского (православный храм в Великом Новгороде), мост через реку Волхов; установлены: бюст Александру Невскому на Вокзальной площади, памятник князю на набережной Александра Невского, рельеф-панно «1242 г. Разгром Александром Невским немецких рыцарей на Чудском озере» в стеле «Город воинской славы». Кроме того, в Новгородском государственном университете с 2023 года лучшим студентам за достижения в научной и просветительской деятельности, связанной с изучением и сохранением культурного кода страны и малой Родины, назначается стипендия имени Александра Невского.

Поскольку город может иметь не одного, а два и более гениев места, то для нас было важно определить с точки зрения экспертного сообщества условия для формирования институционально уровня репрезентации гениев места в городской среде. Ряд экспертов указали на актуальность проблемы институционализации символического потенциала гениев места Великого Новгорода: *«...уже много имен в обороте, но все они проработаны недостаточно или фрагментарно»*, а также указали все-таки на недостаточное использование имени Александра Невского в городском пространстве: *«очень мало уделено внимания Александру Невскому»*. Также эксперты отметили особое символическое значение тех гениев места, которые связаны только с Великим Новгородом и никаким городом больше. Таким гением места может быть герой новгородских былин Садко, поскольку немалое количество иных известных личностей частично относятся к культурной памяти других российских городов. Также эксперты отметили недостаточность институциональной репрезентации ряда гениев места в городской среде. В частности, о С.В. Рахманинове один из экспертов отметил следующее: *«есть памятник, школа, колледж, но в печальном состоянии усадьба... после ее восстановления считаю уместным ассоциировать Великий Новгород со всемирно известным композитором»*.

Институциональный уровень, как полагаем, может стать фактором структурирования городской идентичности, поскольку через институциональные практики символическая связь между известной личностью с городом становится не только эмоциональной, но и глубоко осмысленной, а гений места становится частью городского пространства. Тем не менее, когда в городе присутствуют все три уровня репрезентации гения места, в этом случае можно говорить о том, что гений места является символическим капиталом города.

в) Особенности капитализации гения места.

Как мы отметили ранее, гений места как один из тех смыслов, на которых структурируется культурная память города, может быть стать частью символического капитала города, а именно, приносить известность, узнаваемость, положительную репутацию городу. Частью символического капитала города он становится в результате различных городских практик: музейные и театральные проекты, гастрономия, скульптура, праздники, фестивали и пр. Следовательно, существуют определенные практики повышения значимости гения места, которые можно назвать капитализацией.

Исходя из сказанного выше, заметим, что капитализацией гения места можно назвать целенаправленные действия городских элит или иных акторов (бизнеса, научных, образовательных организаций), направленные возможности репрезентации гения места в городской среде на всех трех озвученных выше уровнях, что в комплексе будет способствовать получению внутреннего социокультурного эффекта в виде укрепления ценностей локального патриотизма, поддержки идентификационных связей с городом. При этом эффект от капитализации гения места в городской среде связан и с экономической сферой, когда известность и узнаваемость города, которая обеспечивается, в том числе, за счет такого элемента символического капитала как гений места, будет способствовать привлечению инвестиций, туристического потока и иных материальных ресурсов в город.

В связи с этим, нередко города отстаивают право причастности к известной личности, что гарантирует в дальнейшем включение данной личности в пантеон гениев места и дальнейшую капитализацию гения места в туризме, в креативных индустриях, в бизнесе и прочих аспектах, которая способна принести социокультурный и экономический эффект.

Повышение значимости гения места для города и горожан может осуществляться как в официальном контексте (известными именами называют площади, на домах появляются мемориальные таблички, в их честь проводятся конференции и фестивали), так в неформальном (например, в рамках местных легенд и поверий, ритуалов и местных традиций). Для того, чтобы гений места стал частью символического капитала города, важны оба контекста – как поддержка значимости данной известной личности со стороны горожан, так и включение культурного наследия, связанного с данной личностью, в городское пространство. В таком случае гений места становится частью символического капитала города, а значение имени как часть культурной памяти города, приносит ему экономическую прибыль.

Так или иначе, но наличие гения места у города открывает возможности его капитализации в городской среде. Стоит отметить, что чем известнее личность, тем большую символическую прибыль она принесет городу. Этим и объясняется стремление городов доказать и закрепить ассоциацию с известным именем. Когда гений места имеет значимость общероссийского или мирового масштаба, то город в этом случае имеет возможность использовать ценность личности на город, чтобы гений места «питал» своей значимостью и город, делая его привлекательным жизни, учебы, работы или путешествий.

Но для того, чтобы гений места стал символическим капиталом города, он должен не только отражать «дух» города или находить отклик у горожан, но и быть частью культурной политики со стороны городских элит. Поэтому важно найти наиболее эффективные способы капитализации гения места, вовлекая в данный процесс ключевых акторов городских преобразований, а

также самых разных представителей заинтересованных сторон, которые могут влиять на идентификационные процессы (учреждения культуры, образования) и институциональные практики (бизнес). Например, структуры бизнеса (креативного, гастрономического, гостиничного, строительного) могут стать одним из аккумуляторов капитализации гения места в городской среде, включаясь в процессы внедрения известной личности в городские практики (название гостиниц или ресторанов, выпуск и реализация тематической продукции, сувениров)

Воспользуемся имеющимся опытом исследований капитализации гения места, которые предложили российские ученые. На примере трех мест (Ясная Поляна, Стратфорд-на-Эйвоне и Веймар) исследователи продемонстрировали «как культурное наследие, связанное с известной личностью, может стать фактором устойчивого развития места» [Гнедовский, 2008]. Так, Стратфорд-на-Эйвоне сегодня считается городом, в котором родился Уильям Шекспир, и благодаря этому, несмотря на разное отношение к этому факту со стороны ученых, все же город в итоге стал крупным культурным и туристическим центром. Желających жить и работать в этом городе, а также посещать его, созерцая неповторимую атмосферу городской среды, весьма много. Исследователи отмечают, что «возможно, Стратфорд остался бы просто «рыночным городком» [Гнедовский, 2008, с. 6], однако он связан так или иначе с именем Шекспира. В России таким примером, когда гений места формирует уникальную атмосферу места, и, в связи с этим, привлекает талантливых людей и туристов, является известный музей-заповедник «Ясная поляна», т.е. то место, где жил и творил Л.Н. Толстой.

В целом же, подобных практик развития территорий немало, когда гений места становится связующим звеном между местным сообществом и городской средой в России немало. Например, в исследованиях Н.М. Лыгорева была проанализирована трансформация гения места – Сергея Есенина в пространстве города Рязани с 1950-х годов по наши дни, которая в итоге привела, говоря языком нашей работы, к институциональному уровню

репрезентации гения места в городской среде. Автор основывает свои выводы на анализе топонимов, путеводителей, скульптуры, фотоальбомов и прочих текстов города, а также интернет-ресурсов туристической направленности, которые рассматриваются ею как способы фиксации гения места в памяти города. По ее мнению, «изучая концепт *genius loci*, необходимо говорить о творческой личности и географической местности в их неразрывной взаимосвязи» [Лыгорева, 2020, с. 49], а также о постоянной динамике значимости гения места, что обусловлено механизмами воспроизводства памяти. В итоге исследовательница пришла к выводу о том, что если «в советский период присвоение имени Сергея Есенина было довольно рискованной затеей, то в начале XXI века образ «гения места» и, в частности, имя Сергея Есенина (в разных вариациях) стало использоваться в маркетинговых технологиях в качестве популярного локального бренда» [Лыгорева, 2020, с. 56] (сегодня в Рязани существует ресторан «Есенин», отель «Есенин», кафе «Ясень», ТСЖ «Есения», а в одном из городских кафе функционирует мини-выставка о поэте и его окружении).

Гений места может наполнять территорию новыми смыслами, которые влекут за собой преобразование пространства: от создания памятных мест, монументов, музеев до продвижения уникальных событий, притягивающих в город социальные, креативные и экономические ресурсы.

Возвращаясь к эмпирическим материалам Великого Новгорода, заметим, что эксперты на вопрос о способах капитализации гениев места назвали, прежде всего, важность событий, которые формируют коллективные представления о городе и значимости для города гения места, например, фестивали («подобных петербургскому Дню Достоевского»), реконструкции событий, связанные с жизнью известных личностей, открытия исторических клубов, тематических мастер-классов, проведение мероприятий с участием известных музыкантов и композиторов, деятельность которых бы «порождала события в современном городе, вызвала творческий отклик»,

а также преобразование городской среды - создание малых форм и скульптур на территории города.

Таким образом, гений места может аккумулировать вокруг себя самые разные структурные элементы городской идентичности - события, традиции, исторические даты, памятные места, связанные с жизнью и достижениями таких выдающихся личностей, которых называют «гениями места». Гении места способны придавать значимость городу, создавая определенные впечатления, насыщая семиотику города дополнительными значениями через актуализацию «следов памяти» в городском пространстве. Факт наличия в городе известной личности еще не является гарантом того, что он станет гением данного места, поскольку важным условием является его культивирование на трех уровнях (когнитивный, эмоциональный, институциональный), обеспечивает интеграцию в культурный код города и его символический капитал. Капитализация гения места в городской среде может наполнить территорию новыми смыслами, которые влекут за собой преобразование пространства: от создания монументов и музеев до продвижения уникальных событий, притягивающих в город социальные, креативные и экономические ресурсы. Символический капитал гения места может не только укреплять идентификационные коды, влияя тем самым на городское самосознание, на причастность горожан к своему городу, на формирование устойчивых и позитивных ассоциаций с местом проживания, но и влиять на то, чтобы город стал более привлекательным, узнаваемым, известным.

Глава 5

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА В ГОРОДСКОМ ВООБРАЖАЕМОМ

5.1 Городское воображаемое как совокупность коллективных представлений о городе

Поскольку проблематика настоящей работы предполагает выявление символического ресурса культурной памяти города, который представляет собой один из факторов развития городской территории, то важно раскрыть не только влияние культурной памяти города на (условно говоря) внутренние социокультурные процессы города, связанные с формированием городской идентичности и ценностей локального патриотизма, или (условно говоря) внешние, связанные с позиционированием города и формированием его символического капитала, но и выяснить в целом как образы городского прошлого становятся частью коллективных представлений о городе.

Исследовательский фокус данной главы будет сосредоточен на одном из современных направлений научного анализа процесса формирования коллективных представлений о городе – городском воображаемом, символические практики которого структурируются, согласно нашей гипотезе, под влиянием культурной памяти города, влияющей на моделирование отражаемой в смыслах городской реальности. В связи с этим, на данном этапе ответим на вопрос о том, как мы осмысляем и понимаем город посредством концепта «городское воображаемое» («urban imaginary») и какую роль в этом процессе играет культурная память города? Это позволит сделать следующий шаг в разрешении научной проблемы познания символического ресурса культурной памяти города сквозь призму процессов коллективного восприятия и представления города.

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что на наши представления о городе накладывает отпечаток сложная городская структура и несоразмерность пространства города с возможностями человеческого восприятия города как целого, поскольку мы напрямую контактируем лишь с фрагментами города, что осложняет осмысление города как единого феномена. Так, группа ученых, исследовавшая особенности впечатлений, которые производят города, пришла к выводам о том, что город как таковой локализуется и периодически воспроизводится через акты воображения [Urban Imaginaries: Locating..., 2007, p. 2], скрепляющие коллективные представления о городе. На примере анализа восприятия городского опыта в таких странах как Франция, США, Бразилия, Турция, Израиль, Ливан, Индия ученые показали, что природа представлений о городе в социальном опыте гораздо шире его визуального восприятия, поскольку предполагает сотканную из разных взаимодействий городскую культуру. И городское воображаемое позволяет сосредоточиться на познании того, как социальное, культурное, физическое пространство воспринимается человеком одновременно как неопределенное и единичное.

Современные исследователи города все чаще обращают внимание на процессы воображения, которые позволяют «понять символический порядок и изучить интернализированные репрезентации, которые придают смысл тому, как человек живет, практикует и (ре)конструирует свой город сегодня» [Delorme, 2005, p. 25]. Данные научные интенции актуализируются в условиях повышения значимости виртуальных практик, которые становятся частью массовых коммуникативных процессов, что «создает основу для признания понятия воображаемого как ментальной реальности, существующей в процессе производства культуры и обращения ее продуктов» [Суворов, 2016, с. 73].

Исследования городского воображаемого следует назвать фрагментарными и не объединёнными единым научным контекстом. Между тем, в условиях роста конкуренции городов за жителей, талантливую

молодёжь, за ограниченные и мобильные ресурсы знания специфики функционирования городского воображаемого и его структуры приобретают всё большую актуальность. Такие знания раскрывают логику структурирования коллективных представлений о городе, благодаря которым город может быть более узнаваемым, вызывать позитивные эмоции и, как результат, притягивать и удерживать ресурсы.

Концепт «городское воображаемое» появился в зарубежных исследованиях и, в связи с этим, весьма слабо адаптирован к русскоязычному дискурсу. Английское понятие «urban imaginary» дословно означает «городское воображаемое», что является не самым удачным вариантом перевода на русский язык и препятствует интеграции российских исследований в международный контекст. Как мы показали в своих работах, городское воображаемое представляет собой «синтез реальных и виртуальных коллективных представлений о городе» [Федотова, *Urban imaginary...*, 2018, с. 229].

Коллективные представления, также, как и культурная память города, имеют символическую природу возникновения и структурирования, а, соответственно, складываются из тех индивидуальных представлений, которые характеризуются общностью культуры, социальных норм и общих воспоминаний для того или иного сообщества. Индивидуальные представления через процессы коммуникации наслаиваются на другие индивидуальные представления и, тем самым, возникает общее пространство смыслов, которое фиксируется в коллективной памяти и скрепляет сообщество.

Между тем, как считают исследователи, представления - это «конкретные образы предметов или явлений, которые актуализируются в сознании благодаря работе памяти, а в их основе лежит ранее полученный опыт» [Хайбулина, 2013, с. 221] или «образно-смысловая единица познания, обобщающая прошлый, настоящий и будущий опыт о каком-либо объекте реальности или реальности в целом» [Хайбулина, 2013, с. 221]. Поэтому в

процессах структурирования коллективных представлений о городе важнейшим условием становится память, хранящая и воспроизводящая репертуар образов, позволяющих мысленно что-то представлять. Кроме того, представления объединяют в себе различный опыт восприятия города на символическом уровне в единые образные структуры. Поскольку городское воображаемое состоит из совокупности реальных (непосредственных) и виртуальных (опосредованных) коллективных представлений, то особый интерес в рамках данного параграфа представляют особенности процесса генерирования, т.е. производства данных коллективных представлений как символических практик восприятия и осмысления современного города, основанных на образах городского прошлого.

Исследования воображаемого как одного из проявлений специфики конкретного общества, эпохи, культуры возникли более полувека назад. Актуальность подобного рода работ была связана с вниманием учёных к ментальным и ценностным аспектам мировой истории. Так, к воображаемому миру Средневековья обращался в своих работах Ж. Ле Гофф в рамках ментальных исследований новой исторической науки [Ле Гофф, 2001]. Тогда как сущность коллективного воображаемого в принципиально новом научном контексте была осмыслена учёными в конце прошлого столетия.

Научный дискурс коллективного воображаемого получил свой импульс после выхода работ британского социолога Б. Андерсона, который, предположил, что воображаемым может быть любое сообщество, в котором нет прямых контактов [Андерсон, 2016, с. 23]. Несмотря на то, что концепция учёного сосредоточена на исследовании нации и национального сознания, всё же выявленные им закономерности могут применяться и к любым другим сообществам, члены которых не имеют между собой прямых контактов.

Особенностью коллективного воображаемого, как следует из положений Б. Андерсона, является тот факт, что оно строится на представлениях людей о данном сообществе, которое, в свою очередь, крепится на воображаемой

символической связи с ними, а также возникающем отсюда чувстве общности и эмоциональной привязанности к данному сообществу.

Экстраполируя концепцию Б. Андерсона в городской контекст, мы полагаем, что воображение позволяет осмыслять как целое не только нацию, но и город как определенное сообщество, конструируемое едиными смыслами – культурой, общей памятью и единой судьбой города. Вместе с тем, как верно отмечает немецкий ученый Й. Швенк, исследование связи между городом и воображаемым весьма непростая задача, поскольку «концептуализация воображаемого в урбанистических исследованиях далеко не единообразна» [Schwenk, 2019, p. 99]. Обращение к концепту «городское воображаемое» актуализирует как минимум три вектора научных дискурсов, задающих направления современных исследований.

Во-первых, концепт «городское воображаемое» актуализирует проблему локализации городского пространства: город перестаёт быть только лишь административным или экономическим объектом, а осмыляется как особое место, которое формируется в коллективных представлениях людей с помощью коллективных коммуникаций. Изучение городского аспекта воображаемого сообщества актуализирует интегративные исследования, демонстрирующие тесную связь культуры города, городского сообщества и городской среды. Исследователи, работающие в рамках данного направления, как правило, придерживаются социологического или антропологического уклона, нацеливающего на анализ тех или иных аспектов восприятия городского пространства [Лагодина, 2015].

По мнению Т. Ричардсон, города сегодня осмыляются как пространства, в которых пересекаются сети различного масштаба, скорости и длительности, где люди, технология и биология совместно конституируют социум и культурную память. Отсюда город представляет собой не предзаданную сущность, а то, что порождается целым рядом субъектов действия, в том числе, и через процессы городского воображаемого, поэтому «некоторые из числа наиболее интересных антропологических исследований

городов посвящены городскому воображаемому, практикам и политике одновременно» [Ричардсон, 2010, с. 176].

Как считает В. Вахштайн, урбанисты Чикагской школы одними из первых стали осмыслять город как некий конгломерат в качестве «множества групп людей и областей, которые являются результатом непрерывного процесса перемещений и аллокаций; причем каждая из этих областей обладает своим собственным характером и производит своего собственного обитателя» [Вахштайн, Воображая город..., 2022, с. 119].

Городское воображаемое в этом случае становится отражением репрезентаций города через декларируемые сообщества образы и доминирующие коллективные дефиниции города.

Во-вторых, в структуре городского воображаемого сегодня виртуальное (гиперреальное) занимает все более значимое место в процессах структурирования коллективных представлений о городах, которые смещаются на цифровые площадки, опосредующие физическое восприятие города. По мнению Э. Сойя, кроме первого (физического) и второго (субъективного, образного), город может восприниматься людьми в перспективе третьего пространства как пространства проживания человеком одновременного реального и воображаемого города. Третье пространство города функционирует благодаря наличию ментальных карт и интерпретативных кодов, с помощью которых человек осмысляет места и сообщества, в которых живет, переживает, оценивает, принимает решения [Soja, Postmetropolis..., 2010, с. 324]. Причем современные города, которые порождены виртуальными коммуникациями и электронными сетями, Э.Сойя называет невидимым «гиперкосмосом» [Сойя, 2003, с. 134]. Ссылаясь на французского философа, представителя постмодернизма Ж. Бодрийера и его теорию гиперреальности, он отмечает, что репрезентация города или его имидж приобретают больший вес перед реальной территорией.

В этом контексте научный интерес к городскому воображаемому более чем оправдан. Согласно М. Оже, «город существует благодаря

сфере воображаемого, которая в нем рождается и в него возвращается, той самой сфере, которая городом питается и которая его питает...» [Оже, 1999]. Город, порожденный виртуальными коммуникациями, по сути, представляет собой город-симулякр, который в эпоху цифровой культуры стал определяющим для воображения, когда реальный город воображается путем его представления на экранах гаджетов и посредством цифровых технологий, на страницах социальных сетей в мозаике интернет-страниц. Благодаря воображению «мы ассоциируем, дорабатываем, достраиваем и сравниваем увиденное», поскольку в нашем сознании возникают образы, которые связываются по смыслу с другими образам, они вплетается в континуумы других образов, столь же сплетенных и смешанных друг с другом [Назаренко, Визуальный образ..., 2020, с. 45].

В-третьих, к концепту «urban imaginary» современные учёные обращаются в рамках анализа проблематики культурной памяти города, которая является резервуаром аутентичных смыслов, влияющих на идентификационные коды города.

Город воспринимается человеком как совокупность многочисленных образов людей, домов, памятников, звуков. В связи с этим, город выступает «носителем значений, способных так или иначе символически «преодолеть» различия между конкретными и очень разными городскими жителями и сообществами» [Мусиезов, Город как культурная форма..., 2013, с. 29]. При этом эмоциональная привязанность человека к месту и городское самосознание поддерживаются уникальностью, «отличимостью» города, которые обеспечивает аутентичность городских практик как залог успешного воображения города. Но чтобы аутентичные городские смыслы (миф, праздник, гастрономия), которые символически связывают человека и город, были актуальными, необходим механизм коллективной памяти, определяющий репертуар воображаемых смыслов города. Иными словами, городское воображаемое является проекцией чувственно-эмоционального опыта и практик, следов коллективной памяти, которые формируют

воображение о городе, его отличие от других городов [Bloomfield, 2006, с. 46].

В связи с этим, по нашему мнению, городское воображаемое является отражением актуальных слоев культурной памяти города, проекцией коллективных образов прошлого в настоящем, с помощью которых город осмысливается, формируются когнитивные и эмоциональные связи между городом и его жителями. Кроме того, как подчеркивают современные исследователи, сама коллективная память «не только становится фундаментом культурной идентичности, но именно воображается», и сами ученые не имеют возможности напрямую контактировать с прошлым, а «создают его образ с помощью исследовательского воображения», разумеется, анализируя исторически достоверные материалы [Соковиков, 2014, с. 33]. Воображается, по сути, любой образ, который мы конструируем на основе определенного набора инструментов.

Научный интерес к городскому воображаемому следует признать определённой тенденцией в понимании и познании города, которая открывает новые, размытые в прочих контекстах фрагменты городской реальности. Люди соприкасаются напрямую только с фрагментами города, тогда как воображение позволяет осмыслить город как единый феномен. С другой стороны, город не может осмысляться как целостный объект в силу своей пространственной социальной и культурной специфики, для этого требуется определенные знаковые инструменты, продуцирующие культурный код города.

Городское воображаемое формируется путем распространения и закрепления в устойчивых знаковых формах смыслов, с помощью которых те или иные аспекты города воображаются - через облики, слова, схемы, движения людей, улиц, домов, скверов города. Генерирование этих представлений, которые попали в сознание людей через самые разные

системы кодирования информации о городе, постоянно формирует городское воображаемое, порождая все новые аспекты городских образов.

Этимология воображаемого («imaginary») изначально связано с понятием образа («image») города. Философ К. Касториadis не случайно подчеркивал, что коллективное воображаемое есть не что иное, как постоянное «необусловленное творчество символов / форм / образов» [Касториadis, 2003, с. 8]. Следовательно, городское воображаемое во многом символично, поскольку оно существует благодаря смыслам - конструируемым и разделяемым в представлениях людей. Именно поэтому основой городского воображаемого являются коллективные представления о городе.

Таких исследований, которые непосредственно направлены на выявление и анализ городского воображаемого в российской научной практике немного, но некоторые из имеющихся могут показать как функционирует городское воображаемое на примере российских городов. В частности, Л.К. Рябова и К.О. Валегина при изучении городского воображаемого Выборга, обусловленного сложной структурой городской идентичности, интегрирующей в себе разные национальные слои памяти, основанных на исторических, геополитических этноконфессиональных факторах, показали, что этот город воображается и внешними группами респондентов и жителями города «как единое культурное целое, без вычленения русских/шведских/финских составляющих» [Рябова, 2015, с. 150]. То, что городское воображаемое принимает своеобразную структуру, свидетельствуют и иные примеры в исследованиях российских городов. При исследовании Перми, которую В.В. Абашеев (в силу широко применяемой в России научной позиции) рассматривает как текст, исследователь подчеркивает, что этот город как и многие другие провинциальные города, визуально стерт и тривиален. Однако о Перми можно «много, вкусно и, при умении, захватывающе интересно рассказывать», именно в связи с этим «реальная, вне воображения и рассказа, встреча с Пермью нередко приносит

разочарование», а «воображаемое о Перми оказывается несравненно богаче той бедной и стертой фактуры, которая открывается перед глазами» ее гостей [Абашев, Городское пространство..., 2014, с. 139].

М. Оже приводит примеры того, как виртуальные коллективные представления отдаляют от нас настоящий город, порождая, как он говорит, «фиктизацию» города. В частности, он подчеркивает, что «каждую ночь фасады наиболее престижных зданий и исторические памятники искусственно подсвечиваются... нам предлагается то, чего мы так неотступно ждем – образы» [Оже, От города воображаемого к городу-фикции..., 1999] и приводит примеры из индустрии туризма. Например, мы часто выбираем тур исходя из представленных в туристическом агентстве фотографии или видеообзоров, на которых город изображен в более выгодном свете, который часто становится основой запоминания города именно таким. Более того, в одном из туристических маршрутов по Франции, как пишет М.Оже, во время подъема на гору Сен-Мишель, где открывается вид на небольшой город, туристам предлагается не только приобрести фотографии, на которых он изображен в самом лучшем виде, чем тот, что откроется ему чуть позже, но и самим осуществить фотосъемку этих заготовленных видов в специальной темном помещении (в этом случае фотографии останутся на своем фотоаппарате) [Оже, От города воображаемого к городу-фикции..., 1999].

С позиции гуманитарной географии город также предстает как совокупность коллективных представлений, так и или иначе закрепленных в символических средствах. Так, обращаясь к работам И-Фу Туана «воображаемое» интерпретируется как один из способов фиксации образа города, включая и такого, с которым человек никогда не сталкивался в реальности. Он говорит, что мы можем вообразить любой город точно также, как воображают фермеры в Шотландии залитую солнцем Калифорнию, поскольку синтезируют в своем воображении фрагменты представлений из самых разных источников получаемой ими информации [Tuan, 1975, с. 211].

Российские исследователи обращаются к анализу воображаемых аспектов города полагая, что географические образы города «опираются не только и не столько на восприятие пространства города, сколько на воображаемые миры» [Митин, 2007, с. 6]. По мнению Е.Ю. Колобовского ландшафт места «может быть одновременно реальным местом жизни и отдаленным, отчасти воображаемым объектом», ведь «даже хорошо знакомая местность может удивлять вновь увиденными деталями, сезонными изменениями, оттенками цвета, полутонами теней...» [Колобовский, 2015, с. 150].

Так, И.И. Митин делает вывод об «ускользающем Касимове» - городе с двойственной структурой между «русской провинцией и татарским мифом, между оврагами и Обовражьём» [Митин, 2007, с. 6], городское воображаемое которого создает целый ряд образов, которые не всегда являются доминантными для Касимова. При этом, важно отметить, как подчеркивает автор, туристические бренды Касимова стали частью мифов города, пусть и на «вторых ролях», «и это свидетельствует о том, что воображение все равно не уводит нас слишком далеко от искомой реальности» [Митин, 2007, с. 6].

Более того, следует согласиться с исследователями городской культуры, в частности, с Ш. Зукин, полагающей, что городское воображаемое делает место более значимым, оно способно привлечь людей и, тем самым, улучшить городскую среду [Zukin, 2001]. Поэтому городское воображаемое может стать важнейшим ресурсом в конкуренции за символический капитал через доминирующие образы, в том числе, и за образы городов.

Значимость городского воображаемого заключается в том, что оно во многом влияет на конструирование образа города, в частности, воображаемое лежит в основе брендинга города, когда создаются намеренно коллективные представления о городе для конкретных целевых аудиторий – туристов, инвесторов, студентов, жителей городских районов. В связи с этим, некоторые ученые подчеркивают, что городское воображаемое превращается в символическую сферу, где и происходит конкурентная борьба за

пространство [Линднер, 2017, с. 107]. В сфере воображаемого конкурируют образы городов, нередко через идентификацию и ассоциации со статусами (Санкт-Петербург – культурная столица), званиями (Владивосток – город воинской славы), брендами (Великий Устюг – город Деда Мороза), сформированными имиджами (Нижний Новгород – город закатов).

Отсюда возникает вопрос о тех детерминантах, которые генерируют и поддерживают коллективные представления о городе. Важно в этой связи отметить, что Б.Андерсон в своих работах рассматривал музеи, карты и перепись населения как те средства, которые способствуют «вообразимости» нации. По сути, ему удалось выявить ключевые направления производства смыслов воображаемого, которые запускают процессы восприятия и переживания (в нашем случае) города. Следуя этой логике, к средствам, генерирующим процессы формирования коллективных представлений о городе и обеспечивающим воображение города, можно отнести:

- способы демонстрации уникальности города и практики, сохраняющие культурную память города (не только музеи, но и архивы, библиотеки, памятники, традиционные праздники и пр.);

- способы «приближения» города к человеку с целью его осмысления как целого (макеты, модели, карты, а также современные цифровые инструменты, в частности, VR и AR технологии и игры).

Следовательно, коллективные представления о городе складываются посредством демонстрации уникальных городских практик, которые составляют его культурную память, а также посредством «приближения» города к человеку с целью его осмысления как некоего целого феномена, которые в целом «сжимают» смыслы в единые символические координаты города.

Не только современные технологии восприятия города, о которых указывал М. Оже, но и физическая несоразмерность города с человеком делает актуальным порождение городского воображаемого, что, по сути, и вызывает постоянный интерес человека не к только удачным «кадрам»

городского пейзажа, но и увеличивает наш интерес к картам, моделям городов, местным рассказам, стихам, памятникам, картинам, так как «с их помощью жители могут придать смысл своему городу, который дает им ориентацию и определяет место в городской ткани» [Schwenk, 2019, p. 104].

Как мы отметили ранее, важно акцентировать внимание на том, что производство коллективных (надындивидуальных) представлений о городе непосредственно связано с индивидуальными. Городское воображаемое, как и культурная память города, – это всегда отношения между индивидуальным и коллективным в представлениях о городе, это сложная структура взаимодействия между личным опытом собственного познания города и возможностью отчуждения смыслов для разных аудиторий через массовые формы коммуникации. И здесь особую роль играет тот контент образов города, который транслируется в массовых коммуникативных процессах (пресса, кинематограф, театр, литература, блоги).

В этом случае происходит трансляция личных воспоминаний о городе в коллективные представления, которые, безусловно, неоднородны. В частности, это осуществляется посредством маркирования и закрепления воспоминаний как на официальном уровне (например, в рамках брендинга города), так и неофициальном (например, в виде устоявшихся стереотипов или слухов о городе). Но универсальность индивидуального познания города и совместное символическое конструирование этих практик придают городскому воображаемому коллективный характер [Delorme, 2005].

Такая исследовательская позиция открывает новые аспекты в познании процессов генерирования коллективных представлений о городе и, соответственно, конструирования городской образности, поскольку город мы понимаем как совокупность смыслов, данных нам физически или опосредованно, которые возникают и транслируются разными городскими сообществами, так или иначе, воображающих город (спортсмены, студенты, защитники животных, представители политических партий). В этом случае

городское воображаемое конструируется в каждом конкретном случае как результат коллективного производства и позиционирования этих смыслов теми или иными представителями городских сообществ. И в каждом конкретном городе важно раскрыть соотношение между теми, кто осмысляет город и теми, кто его генерирует. При этом для городских сообществ производство смыслов и их трансляция в массовой коммуникации становится способом решения социальных проблем (экологических, исторических).

В этой связи становятся актуальными такие исследования, в которых городское воображаемое выступает как символический ресурс развития городской среды. В ряде исследований ученые, пытаясь рассмотреть воображаемую структуру города [Blum, 2004] обращают внимание на то, что символическая и воображаемая сторона города является важнейшей составляющей частью повседневности и самоощущения города. И ответ на вопрос о том, как мы определяем свое отношение к городу, предполагает воздействие на этот процесс через борьбу с отчуждением от города и через укрепление причастности к городу. Следовательно, городское воображаемое можно рассматривать как инструмент повышения значимости города и доверия к городу со стороны горожан и целевых аудиторий.

Между тем, как мы подчеркнули ранее, особую роль в производстве городского воображаемого играют коммуникативные процессы, в которых и происходит генерирование смыслов, скрепляющих городское пространство, сообщества, культурную память города и городские практики. В поэтическом описании исторического города, в лозунгах власти, позиционирующей город как центр православия, в кинолентах о городских «гениях места», в размещенных в сети живописных полотнах, изображающих горы или морской берег города, в фотофиксации размаха городских промышленных конструкций – в этих и иных процессах коммуникации, опосредованных медиа, происходит закрепление на коллективном уровне и распространение тех значений, которые мы (сознательно или бессознательно) используем в процессах восприятия и осмысления города.

Причем средством передачи большого количества дифференцированной информации о городе, основанной преимущественно (учитывая современные медиатехнологии) на виртуальных представлениях, являются медиа, как важнейшее условие массовой коммуникации и ключевой посредник в сохранении образов городского прошлого, в производстве коллективных представлений о городе, обеспечивая масштабность и глобальный охват зрителя и читателя. Ведь человек нередко осуществляет выбор города для путешествий, для учебы, работы или переезда на постоянное жительство при обращении к медиаресурсам, содержащим информацию о городе, на которую, однако, накладываются имеющиеся ранее индивидуальные следы воспоминаний о городе из кинокартин, рассказов. Ученые вполне обоснованно подчеркивают, что город «существует только в наших головах или в рассуждениях тех, кто работает в области различных видов искусства и средств массовой информации: телевидение, пресса, театр, радио, кино, романы» [Urban Imaginaries: Locating..., 2007, p. 2]. Соответственно, медиаиндустрия становится решающим условием производства и трансляции коллективных представлений о городе (данному вопросу будет посвящен отдельный параграф).

Таким образом, образы городского прошлого являются важнейшей частью символических практик городского воображаемого, объединяющего в себе процессы восприятия и осмысления города, формирования коллективных представлений о городе. Человек напрямую взаимодействует лишь с фрагментами города, тогда как воображение позволяет осмыслить город как единый феномен с помощью знаковых посредников. Городское воображаемое представляет собой синтез реальных и виртуальных коллективных представлений о городе, поэтому город как таковой существует, прежде всего, в воображении людей.

Концепт «городское воображаемое» актуализирует, с одной стороны, проблему локализации городского пространства, в связи с этим, город осмысляется, как место, которое формируется с помощью коллективных

действий. С другой, данный вектор научной проблематики раскрывает и объясняет повышение значимости виртуального (гиперреального) в процессах структурирования коллективных представлений о городах, где символическое производство смыслов приобретает особую значимость, поскольку смещается на цифровые площадки, опосредующие физическое восприятие города.

Кроме того, структура коллективных представлений о городе во многом зависит от аутентичных образов городского прошлого, которые являются кирпичиками смыслов, генерирующих процессы коллективных представлений. Культурная память города в этом случае выполняет роль механизма, который формирует репертуар воображаемых смыслов города, а городское воображаемое представляет собой проекцию коллективного осмысления актуальных следов памяти, подчеркивающих отличие данного города от других городов и формирующих символические связи между городом и его жителями. Воображается не только город, но и любой образ, который конструируется из доминирующих символических посредников, в том числе, и образы городского прошлого.

Генерирование городского воображаемого представляет собой процесс постоянного распространения и закрепления в обществе смыслов, с помощью которых воображаются различные аспекты города через облики, слова, схемы, движения людей, улиц, домов, скверов города. Конфигурация этих фрагментов является результатом производства смыслов, которые запускают процессы восприятия и переживания города, к которым относятся: способы демонстрации уникальности города и практики, сохраняющие культурную память города и способы «приближения» города с целью его осмысления как целого (макеты, модели, карты). Структурирование городского воображаемого представляет собой результат взаимодействия между индивидуальным и коллективным в представлениях о городе, это сложная структура взаимодействия между личным опытом собственного познания города и возможностью отчуждения смыслов через

коммуникативные средства (пресса, кинематограф, театр, литература, блоги). Трансформация личных воспоминаний о городе в коллективные осуществляется посредством их маркирования и закрепление воспоминаний как на официальном, так и неофициальном уровнях. В этом процессе медиаиндустрия обеспечивает масштабность охвата аудиторий, дифференциацию смыслов и виртуальный коллаж городской образности.

Обращение к концепту «городское воображаемое» позволяет раскрывают логику структурирования коллективных представлений о городе, благодаря которым город может быть более узнаваемым, вызывать позитивные эмоции и, как результат, притягивать и удерживать ресурсы.

5.2. Медиадискурс как генератор городского воображаемого

Как мы отметили, важнейшим инструментом генерирования городского воображаемого, актуализации и трансляции образов городского прошлого, которые составляют основу коллективных представлений о городе, являются медиа. В данном параграфе раскроем процесс генерирования городского воображаемого сквозь призму медиадискурса.

Сегодня, как справедливо отмечает Д.С. Артамонов, «медиа перестали быть институционально-организованными структурами, передающими информацию, они, имея возможность транслировать и навязывать культурные образы, начали определять содержание и форму социальных практик и взаимодействие аудиторий» [Артамонов, 2022, с. 74]. Соответственно, все что мы знаем о городе, приходит через медиа. С одной стороны, медиаконтент может создаваться стихийно, когда, например, в туристических отзывах люди публикуют свои личные отзывы от встречи с городом с целью закрепления своего статуса путешественника. В этом случае впечатления о городе, его объектах, гастрономии, погоде и в целом городской атмосфере может стать частью городского воображаемого в виде устойчивых концептов и изображений, особенно при условии убедительного

изложения и максимального распространения подобных текстов. С другой стороны, несмотря на то, что процессы структурирования городского воображаемого сложно поддаются контролю, все же некоторыми процессами образования коллективных смыслов можно управлять. В частности, формирование определенного образа города как туристического центра или как тихого, провинциального городка для спокойной жизни возможно путем выстраивания целенаправленной медиастратегии продвижения именно такого имиджа, с помощью которого у целевых аудиторий возникают определенные представления о городе.

Нередко субъективные, но яркие образы города, оставленные на страницах медиаресурсов, приобретают характер фреймов, стереотипов, устойчивых выражений и визуальных знаков как отпечатков и ментальных следов, которые становятся «кирпичиками» городского воображаемого. Поэтому современные исследователи не просто акцентируют внимание на том, что медиа являются важнейшим источником городских образов [Волкова, 2016; Ланцевская, Медиаобраз территории..., 2015; Кондратьева, 2019], но и выявляют механизмы формирования стереотипных представлений о городах и региона, анализируя и обобщая результаты анализа текстов на популярных медиаресурсах.

В частности, специалисты исследуют то, что сегодня называют «медиаобраз» как «впечатление, составленное всей совокупностью упоминаний региональных событий журналистами» [Всеволодова, 2013, с. 153], в том числе, на основе анализа приемов в журналистских текстах, которые авторы используют в федеральных газетах для описания жизни городов. Например, журналисты, как отмечает А.Н. Всеволодова, нередко используют повышенное внимание читателей к «историческому и к прошлому собственного города» [Всеволодова, 2013, с. 157], что отмечается ею в материале и «Подайте памяти ради», в котором упоминается проблема финансирования книги в городе Саратов, посвященной жертвам политической репрессий. Для того, чтобы вообразить образы прошлого

города Саратова, автор журналистского материала ярко описывает, как везли ссыльных по улицам города, упоминая при этом, что сам город занимал второе место в России по количеству тех людей, которые были раскулачены, и серьезно пострадал от подобных действий советской власти. Такие впечатления от образов городского прошлого приобретают характер устойчивых смыслов, как части городского воображаемого.

Кроме того, в эпоху медиатизации, «сопряженной с процессами глобализации, политические проекты воображаемых объединений имеют тенденцию становиться транснациональными и транскультурными» [Ним, 2017, с. 421]. Они не просто дополняют карты, музеи и перепись, о которых говорил Б. Андерсон, но и выполняют роль условия коллективного воображения. Воображаемые образы городов в наши дни преимущественно сформированы через экраны гаджетов, смартфонов, компьютеров. Согласимся, что «для формирования городского воображаемого с помощью жителей города оказывается необходимой инстанция, которая либо задавала бы язык описания города, т.е. «проектировала» его» [Шмелева, Новые медиа..., 2017, с. 150].

а) Медиадискурс как источник городского воображаемого.

«Проектирование» образов города происходит в коммуникативных процессах, раскрыть особенности которых позволяет медиадискурс, продуцирующий смыслы в медиа через «публичность, видимость, легитимность высказываний и действий» [Дейк Т. А. Ван, 1989, с. 121]. Медиадискурс обеспечивает кодификацию городских значений, с помощью которых воображается город. Вслед за М. Фуко мы понимаем дискурс как тонкую контактирующую поверхность, «сближающую язык и реальность, символизирующую лексику и опыт» [Фуко, 1996, с. 49] и как способ понимания и репрезентации мира, который имеет «исторически и культурно-обусловленную специфику» [Йоргенсен, 2008, с. 18]. Дискурсивные практики медиа обеспечивают конструирование смыслов города, а их передача и декодирование происходит через культурные позиции, которые позволяют

понимать и говорить на одном языке тем или иным представителям медиадискурса. Рассмотрим ключевые аспекты медиадискурса, генерирующего городское воображаемое.

Во-первых, в медиадискурсе продуцируется тот контент, который мы используем для мгновенного воображения даже самых небольших городов. Это стало возможным во многом в результате глобальной медиатизации повседневности, с появлением новых технологий в производстве смыслов, (интернет-порталы, социальные сети, электронные издания).

В результате контент-анализа 95 журналистских материалов о Великом Новгороде, размещенных в интернет-версиях федеральных печатных изданий: «Российская газета», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ» посредством выявления ключевых семантических маркеров в три этапа, нами были выявлены образы, на основе которых город представлен в федеральном печатном медиадискурсе во внешней среде. Первоначально мы сделали сплошную выборку всех материалов с маркером «Великий Новгород» за определенный период и затем оставили 95 материалов, исключив те из них, в которых город представлялся без конкретного содержания. Заключительным этапом стал контент-анализ размещенных в федеральных медиа журналистских материалов на предмет частоты упоминаний конкретных маркеров города и коннотаций, с помощью которых город представлен на страницах медиа. В результате мы пришли к выводу, что 28 % контента федеральных изданий посвящены типичным проблемам и происшествиям, которые случаются в каждом российском городе (например, вопросы льготных категорий граждан).

Второй тематической группой по численности представленного в федеральных медиа контента стали материалы, в которых Великий Новгород представлен посредством текстов исторического и культурного содержания. В частности, около 15 % опубликованных статей освещается значимость объектов культурного наследия, а также культурные события, процессы, факты (музейные события, новгородские средневековые храмы, галереи и

выставочные композиции художников, новгородские памятники, в частности, Софийский собор), например, материал: *«Путин поддержал идею создания музея Рахманинова»* («Российская газета»). Немногим реже город представлен на страницах медиа в связи с ведущимися в городе археологическими раскопками (контент раскрывает ассоциации с берестяными грамотами, а также содержит критерии уникальности культурного слоя города), например, материал: *«В Новгороде археологи обнаружили на бересте неизвестное прежде ругательство»* («Аргументы и факты»). Чуть менее 11 % статей журналистов представляют город как туристический, как место для путешествий, в частности, ряд материалов посвящен проекту «Серебряное ожерелье» (например, в материале *«Краткосрочный тур»* в газете «Коммерсантъ»).

Соответственно, если опираться на медиаконтент федеральных печатных изданий, то городское воображаемое Великого Новгорода будет содержать в себе, с одной стороны, образ типичного российского города, каковых в стране немало, а с другой стороны, - опираться на уникальные особенности, основанные на явных для внешней аудитории слоях культурной памяти города, которая актуализируется в современных городских практиках: а) город как мекка объектов культурного наследия – православные храмы, памятники федерального значения, средневековая архитектура, б) город с активной культурной жизнью – музеи, экспозиции, выставки, результаты обсуждения археологических раскопок и, наконец, в) современный туристический город.

Итак, дискурс закрепляет смыслы через вербальные и визуальные компоненты, которые сопровождаются оценками, комментариями, нормативно и ценностно окрашены. Поэтому согласимся с мнением том, что медиаконтент сегодня является для горожан «основным источником информации о городе и его жизни, что еще более увеличивает их значимость... воздействуя на сознание, они определяют и формируют отношение каждого из нас к месту, где мы живем» [Решетников, 2009, с. 42].

Во-вторых, все те, кто создает медиаконтент – от писателей и поэтов, художников и ученых до блогеров, пиар-менеджеров или активных пользователей социальных сетей, генерируют городское воображаемое, поскольку становятся участниками создания городской образности, проецируя свой взгляд на город. Новые форматы дискурса позволяют активному пользователю занять определенную роль в структурировании городского воображаемого, транслируя для миллионных аудиторий свои представления о городе и задавая оценку городским практикам.

Городское воображаемое продуцируется в медиа из «различных фрагментов действительности», в том числе, активных пользователей сетей и интернет-пространства, который могут дать в блогах или комментариях свою оценку и свои мнения [Галинская, 2013, с. 93] с помощью новых инструментов «круглосуточного общения с аудиторией» [Мельник, 2020, с. 48]. Например, как убедительно демонстрируют ученые, фотография конструирует воображаемое пространство города, в том числе, публичные или исторические, туристические или уединенные места. В этой связи следует отметить, что «значимой частью семиотики городского пространства, особенно для экстра-городских акторов, становится его репрезентация в цифровых интернет-сетях, в частности – в Instagram» [Басина, 2019, с. 196].

Проецировать городское воображаемое могут как горожане, пишущие и представляющие собственные оттенки смыслов как результата восприятия и понимания города, так и все те, кто не проживает в городе, включая тех, кто никогда не был в нем. В связи с этим, в исследованиях дискурса, отражающего городское воображаемое, нередко включается анализ представлений о городе как со стороны жителей, так и со стороны тех, кто не проживает в городе.

Так, при анализе отзывов, размещенных в социальных сетях, которые оставляли гости города Великого Новгорода после его посещения, мы пришли, в частности, к выводу о том, что медиаконтент «гениев места»

содержит отсылку к ряду локаций, связанных с историческими деятелями (Александр Невский, Садко, Ярослав Мудрый, Рюрик), наиболее часто присутствующими в описании впечатлений туристов о городе [Федотова, Символический капитал Великого Новгорода..., 2017, с. 125]. Соответственно сам город для туристов, читающих данные отзывы, будет осмысляться через эти смыслы, позволяющие вообразить прошлое города через деятельность данных известных личностей.

В-третьих, технологии медиадискурса являются ключевым фактором трансформации индивидуальных представлений о городе в коллективные. Современные технологии медиаиндустрии позволяют оперировать яркими образами, которые дополняют смыслы города не различаемыми ранее оттенками через новые призмы и ракурсы. В частности, следствием развития цифровых технологий стало появление так называемых «умных городов» (управление городом через медиа-платформы) и «цифровых городов» (онлайн взаимодействие горожан и структур города), которые становятся цифровым отражением города реального.

Одной из современных медиатехнологий, как подчеркивает в своих исследованиях заведующая кафедрой журналистики НовГУ Т.Л. Каминская, является сторителлинг как современный «нарратив, определенным образом преподнесенный, интерпретированный и эмоционально окрашенный» [Каминская, Сторителлинг в медиа..., 2019], который представляет способ взаимодействия журналиста с аудиторией в виде «рассказывания истории». Авторы подобного журналистского материала стремятся не только увлекательно рассказать о том или ином событии и вызвать яркие впечатления с помощью драматургии или насыщенности контента, эмоциональной подачи, но и позиционируют роль героя-рассказчика, который также должен обладать неким отличием: «если читателей привлечет герой повествования, их заинтересуют обстоятельства и факты, а значит, захочется узнать, чем закончилась история, соответственно — прочитанная до конца» [Каминская, Сторителлинг в медиа..., 2019]. При анализе

сторителлинга в медиа Великого Новгорода, новгородские ученые, в частности, приводят в пример серию статей «Активный отдых со Skylink», посвященную экскурсиям по Новгородской области (Тёсово-Нетельский, Окуловский, Чудовский районы и иные районы), героем-рассказчиком которых является Рюрик: статьи от «Рюрика...». Наличие такого новгородского героя, связанного с древними образами городского прошлого, «придает более доверительный тон описанию маршрутов» и соответствующие впечатления от мероприятий» [Каминская, Сторителлинг в медиа..., 2019].

Между тем, масштаб влияния медиатехнологий на осмысление и позиционирование города в дискурсивном поле медиа позволяют ученым констатировать появление так называемого «медийного города» как результата дискурсивных практик, формирующих определенные представления о городе. Ключевым признаком медийного города, согласно автору данной концепции, – С. Маккуайру, является отсутствие ядра и четких границ городского пространства, поскольку медиа расширяют границы города, а сам город напоминает телевидение, поскольку все, что попадает в медиа, отражается в сознании [Маккуайр, 2014].

В-четвертых, медиадискурс можно рассматривать как определенный инструмент структурирования городского воображаемого. От специфики типов дискурсивных практик, генерирующих представления о городе, зависят и векторы коллективного осмысления города. Чем чаще и полнее представлен город в медиа, чем глобальнее дискурс вокруг уникальности города, которая «защита» в культурной памяти города (от событий прошлого до гениев места), тем богаче и многослойнее городское воображаемое.

Производство городского воображаемого, которое осуществляется с помощью медиаобразов, влияющих на коллективные представления, как указывают специалисты, «ведет к трансформации культурного, символического пространства, среды морального выбора, маркирующего членов определенного сообщества как «своих» [Хайдарова, 2018, с. 48] и в

результате такого процесса осуществляется «экспансия, распространение доминирующей культурной матрицы» [Хайдарова, 2018, с. 51]. Важно отметить, что акторы медиадискурса могут создавать разные версии городского воображаемого через соответствующие траектории генерирования смыслов для разных целевых аудиторий: молодежь, малый бизнес, защитники природы, музыканты, туристы и пр. Поэтому медиадискурс задает разные модели и смыслы городского воображаемого. Специфика рамок медиа, акторов и технологий задает мыслительную ткань города. Свернутость медиадискурса обедняет городское воображаемое, которое потенциально может быть гораздо богаче и ярче. Итак, медиадискурс – место символического производства впечатлений о городе. Город в медиадискурсе преобразуется в «образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест» [Кастельс, 2000, с. 322], а потому городское воображаемое есть проекция медиадискурса.

б) Типы медиадискурсов, формирующих городское воображаемое.

На основе анализа проведенных российскими учеными исследований дискурсивных практик, в которых так или иначе воспринимаются и осмысляются города, мы предлагаем рассматривать ключевые типы медиадискурсов [Федотова, Медиадискурс как генератор..., 2024], в которых формируются коллективные представления о городе. Значение медиа в этом случае, как справедливо полагают ученые, «заключается не в намеренной фабрикации смыслов и навязывании их аудитории в интересах властных элит, но, скорее, в организации пространства, в котором могут возникнуть те или иные смыслы» [Гоноцкая, 2018, с. 53], в направлении дискурсов, генерирующих городское воображаемое.

Прежде всего, можно выделить медиадискурсы, которые направлены на формирование того или иного медиаобраза города, и которые включают в себя, как минимум, политический, экономический, культурный, научно-образовательный, природно-экологический, исторический и иные аспекты

медиадискурсов. Такие медиадискурсы сосредоточены вокруг конкретного аспекта городского образа, а его акторы проецируют определенное видение города. Дискурсы формируют медиаобраз как результат воображения города, «составленный из всей совокупности упоминаний в медиа и с учетом эмоционального контекста» [Луговая, 2016, с. 143]. Это может быть медиадискурс городских происшествий, формирующий медиаобраз города через освещение прошедших событий негативного характера, которые нарушают привычный ритм городской жизни, или экономический дискурс, в рамках которого обсуждаются финансовые и иные вопросы города. Так, исследуя особенности медийной репрезентации социального дискурса города Челябинска, ученые фиксируют, что новостной ресурс «Наш Челябинск» на уровне развития и функционирования инфраструктур содержит преимущественно отсылку к «экологическим проблемам, происшествиям криминального характера и историческим фактам» [Олизько, 2022, с. 138].

Также можно выявить несколько типов медиадискурса, если взять за основу разные типы высказываний о городе и специфику закрепления за городом определенных идентификационных кодов, продуцирующих отличия города от других городов и отождествления с городом. В частности, ученые указывают на мифологический, религиозный, художественный, политический и философский дискурсы, которые отражают разные типы сознания и «представляют собой до некоторой степени самостоятельные способы отношения к городу, предполагающие свои дискурсы» [Головнева, 2014, с. 57], поскольку каждый из этих типов предполагает свою логику развертывания и источники конструирования смыслов [Головнева, 2014, с. 57]. Так, политический дискурс конструирует различные репрезентации российского города в городском воображаемом, где используются легенды, стихи, «или даже отдельные цитаты (город камнерезов, опорный край державы, душа России)» [Головнева, 2014, с. 61].

Медиадискурс, генерирующий коллективные представления о городе, мы можем определить как урбанистический дискурс, репрезентирующий

разные «поля коммуникации сообществ в современном городе» [Головнева, 2014, с. 61]. Разные типы дискурсов направлены на разрешение разных вопросов развития города. В урбанистическом дискурсе нередко происходит столкновение интересов, например, между медиа, властью и активными горожанами. Отсюда, по мнению С.Н. Оводовой и А.Ю. Жигуновой сам дискурс «характеризуется как дискурс, перманентно содержащий элементы коммуникативного конфликта, выраженного в несогласованных представлениях акторов дискурса о том, каким должен быть город» [Оводова, 2020, с. 99].

Тут городское воображаемое представляется как результат столкновения интересов. Урбанистический дискурс может быть раскрыт несколько иначе, например, через противоречия следующих городских идеологий: «модернистского урбанизма, левого урбанизма, хипстерского урбанизма», обнаруживающих себя через различие языка и пространства [Вахштайн, Пересборка города..., 2014, с. 9].

Кроме того, медиадискурс, формирующий устойчивое воображение города, во многом детерминирован семиотикой города. В ряде исследований город понимается как результат действий актуальных дискурсов, опирающихся на конкретную семиотику городского пространства как совокупности визуальных и вербальных кодов города (например, зданий, сооружений, улиц, памятников, а также их названий и высказываний о них или о людях, которые там проживали). В этом случае семиотика города раскрывается, например, как отмечает С.С. Касаткина, с позиции совокупности «концептуально-семиотической и дискурсивно-семиотической моделей понимания города для наиболее полного представления о городской среде» [Касаткина, 2017, с. 114]. Так, изучая особенности визуальной маркировки городского пространства на примере города Томска, ученые выявляют следующие семиотические средства, являющиеся частью дискурса повседневных практик горожан: сакральные, образовательные, деловые, политически, мемориальные, перформативные, симулятивно-фантастические

[Аванесов, 2022, с. 63]. В Томске на центральных улицах расположены несколько сотен деревянных домов построек конца XIX – начала XX века, поэтому самобытность томской архитектуры «позволили российским искусствоведам и историкам искусства говорить о существовании особого «сибирского стиля», передающим неповторимую атмосферу древнего города, а культурным кодом Томска можно назвать тезис «сибирский терем» [Гужова, 2014, с. 48].

Наконец, мы можем выделить типы медиадискурсов, которые непосредственно направлены на те или иные элементы аутентичности города, неповторимости воображаемого места. Анализ такого рода медиадискурсов позволяет выявить стереотипы, в которых концентрируются представления города для разных целевых аудиторий. Ученые на примере Миллионки – одного из районов Владивостока – провели дискурс-анализ медиа, который позволил рассмотреть «особенности коммуникативной стратегии конструирования достопримечательности на основе выделения фреймов восприятия, узловых тем и концептов», а также прийти к выводу о том, что «конструирование достопримечательности является специфическим культурным продуктом, в основе которого практика создания «воображаемого места» [Гороховская, «Экзотично для нашего города»..., 2020, с. 109].

Медиадискурс формируют единое семантическое ядро того или иного города, связывая конкретные сообщества и аудитории, он упорядочивают и поддерживают символическую связь между этими локусами, объединяет за счет общего языка, отражающего определенные представления горожан, разделяющих транслируемые смыслы в том или ином дискурсивном поле. В зависимости о того, какой тип медиадискурса мы потребляем, таким образом и воображается город, соответственно, актуализируются определенные слои культурной памяти города.

в) Медиадискурсы производства пространства, продуцирующие городское воображаемое.

Исходя из выявленных особенностей дискурсивных практик, которые производят городское воображаемое, а также обращаясь к результатам исследования источников генерирования коллективных представлений о городе, рассмотрим типологию медиадискурсов производства пространства, продуцирующих городское воображаемое. В данной типологии будет отражена специфика взаимодействия сообществ, институтов, горожан, участвующих в генерировании городского воображаемого.

За основу выявления типов медиадискурсов, производящих городское воображаемое, мы взяли теорию «производства пространства» А. Лефевра, которая наиболее точно раскрывает смысловые связи между различными участниками дискурсивных практик исходя из трех форм [Лефевр, 2015, с. 97]:

- репрезентация пространства, или осмысление пространства, как порядок, который «конституируется посредством контроля знания, знаков и кодов: контроля над средствами дешифровки пространственных практик и над производством знания о пространстве» [Бедаш, 2012, с. 220];

- пространство презентации (жителями города) как переживание пространства, не производящее напрямую смыслы города;

- пространственные практики, связывающие первые две формы и пронизывающие их в разных направлениях практик, основанных на процессах восприятия города.

В производстве пространства в условиях медиатизации общества ключевую роль играет медиадискурс, направляющий производство городского воображаемого и захватывающий конкретные интересы социальных и культурных локусов городского пространства.

1) Медиадискурс репрезентации пространства города (официальный дискурс). Исходя из позиции А. Лефевра, репрезентация пространства функционирует как «задуманное» и господствующее, пространство профессионалов - «ученых, планировщиков, урбанистов» [Лефевр, 2015, с. 52], которое находит свое отражение в памятниках, башнях, фабриках,

офисах [Lefebvre, 1991]. Ключевым аспектом данного дискурсивного поля является официальный модус репрезентации смыслов в пространстве медиа, который организует процессы понимания, воображения города.

Этот тип медиадискурса проникнут претензией акторов на производство официальной версии коллективных представлений о городе. Он целенаправленно производит смыслы посредством специальной риторики, благодаря которой город наделяется конкретными значениями, в том числе, демонстрируется отличие города от других городов, закрепляется его идентификация. Здесь город воображается через новостные ленты, позиционирующие город, официальные порталы города и институтов, телеграмм каналы политических лидеров и архитекторов, продуцирующих и легитимирующих концепты, которые направляют на официальную версию понимания города, его облика и духа как внутри города, так и вовне.

В рамках этого медиадискурса происходит актуализация и публичное закрепление в культурной памяти города определенных слоев и образов прошлого, которые становятся фактурой городского воображаемого. Фрагментарность такого рода дискурса снижает шансы городов в конкурентной борьбе за их уникальность и идентичность. Так, во Владивостоке анализ «официального дискурса» позволил Д.Г. Гороховской выявить среди «узловых точек» имперский дискурс, обусловленный его стратегическим значением: «стратегическое положение Владивостока и сформировало доминирующие в дискурсе образы: «город-крепость», «военный порт», которые выстраиваются как сеть значений концепта «город Владивосток» в официальном дискурсе [Гороховская, Официальный дискурс Владивостока..., 2013, с. 49].

Неповторимость города формируется в медиадискурсе через закрепление на официальном уровне статуса города. Так, дискурсивный анализ медиа Екатеринбурга позволил ученым выявить как дискурс закрепляет ассоциации, позволяющие воображать этот город как столицу Урала. Акторы официальных медиа осуществляют «приписывание

Екатеринбургу особого столичного статуса, который поддерживается, ... частотными перифразами, называющими город столицей уральского региона, и, во-вторых, периодически актуализируемым концептом «третья столица России» [Ильина, 2019, с. 128].

2) Медиадискурс городского пространства (внутренний дискурс). Дискурс такого пространства, которое А. Лефевр определяет как пространство репрезентации, «переживаемое через сопутствующие ему образы и символы», пространство жителей и пользователей, изначально предполагает наличие противоречий и противостояние, направленное на то, чтобы «изменить и присвоить себе воображение» [Лефевр, 2015, с. 52]. Генерирование представлений горожан о своем городе проявляется в медиадискурсе путем выявления противоречий, которые возникают как между сообществами горожан, так и между горожанами и властью. Производство и трансляция смыслов города здесь не является ключевым, потому что город «переживается» как «свое пространство», а привязанность к городу делает городскую повседневность «ценностно значимой» [Бедаш, 2012, с. 220]. Моя улица, любимый город – типичные высказывания такого медиадискурса. Здесь доминируют смыслы не позиционирования города, а сопричастности с городом, с другими жителями города, с историей и культурой города. Медиадискурсы горожан разворачиваются на самых разных медиа-платформах, цифровых площадках, онлайн-форумах и прочих ресурсах, где выражается спектр мнений всех тех, кто «присваивает» городское пространство (чаты в мессенджерах, группы «ВКонтакте» и пр.).

Соответственно, и городское воображаемое дополняется теми оттенками смыслов, которые аккумулируются в соответствующих дискурсивных полях, разворачивающихся, например, вокруг застройки исторической части города, между защитниками и противниками появления муралов на стенах городской архитектуры и пр. Горожане нередко выражают свое «право на город» через активное участие в городском медиадискурсе. Ученые выявляют характерное для этого типа дискурса противостояние. В городе Томск учеными был

выявлен тот факт, что удовлетворение витальных потребностей горожан («категория безопасности, демографическая категория, категория инфраструктуры, категория досуга») отходит на второй план, тогда как экзистенциальные потребности (активность горожан, «социально-гуманистическая категория, личностная категория, категория, связанная с возможностями для самореализации») сегодня наиболее актуальны [Дунаева, 2021, с. 45]. При этом «градоправители при планировании направлений развития городской среды делают упор именно на витальные категории» [Дунаева, 2021, с. 45], что закладывает противоречия, характерные для этого дискурса.

С другой стороны, характерное для этого типа дискурса противостояние разных мнений о городских практиках может стать следствием тех событий в городе, которые получают детальное медиа-освещение. Такой пример проанализирован учеными в Екатеринбурге, где городское сообщество встало на защиту «бесполезного» и «бессмысленного» объекта города вопреки официальным аргументам городских властей. Городской протест против сноса башни в центре Екатеринбурга «проявил важность иррационального компонента в ткани городской жизни и пространства», когда, казалось бы, бесполезный объект является источником привязанности и воспоминаний [Абашев, Страсти по башне..., 2018, с. 36].

3) Медиадискурс городских практик (дискурсы тематических полей). Сложный для идентификации медиадискурс структурируется, по А. Лефевру, вокруг конкретных практик города, конструирующих социальное пространство в разных направлениях, и пронизывает первые два дискурса по определенным тематическим полям, задающим коллективные представления о городе. Этот тип медиадискурса связывает первые два благодаря особенностям восприятия города с той или иной позиции и тем самым детерминирует дискурсивные практики, объединяя институты, культурные традиции, социальные нормы, ценности, отражающиеся в медиаконтенте.

Сюда относится дискурс городских сообществ, продуцирующих собственные представления вокруг конкретных тематических полей, производя городское воображаемое исходя из характерных для них направлений и типов реализуемых практик, поскольку «пространственная практика любого общества порождает свое пространство» [Лефевр, 2015, с. 51]. В этом типе дискурса особую роль играет культурная память города, порождающая и оправдывающая версии настоящего, а также поддерживающая характеристики города (курортный, малый, «миллионник» и т.д.).

В частности, медиа-повестка Великого Новгорода после 2018 года пополнилась одним из тематических полей академического дискурса, связанного, в частности, с концепцией «Город-университет», в рамках которой актуализируются научные и образовательные практики города, которые могут восприниматься как через уникальную историю университета, так и инновационный ландшафт, в который встроена наука. В получивших существенный рост медиа тестах воспроизводятся события, которые демонстрируют амбицию Великого Новгорода стать городом-университетом, который основан на тесном взаимодействии университета и города через позиционирование активной интеграции потенциала университета в городскую культуру, через инновационный и технологический уклад промышленности города, через студенческую культуру, которая несет с собой волонтерство, экологические сообщества, креативные кластеры и многое другое (Интернет-портал «53 новости», 6 июля 2018 года: *«Экосистема «город-университет» – новая программа развития НовГУ до 2035 года»*; Интернет-портал «NEWS», 15 марта 2019 года: *«В «Точке кипения» представили проект «Город – университет» и скрепили его соглашением»*; газета «Новгородские ведомости», 15 марта 2019 года: *«Новгородская мэрия и НовГУ подписали соглашение о реализации проекта «Город-Университет»*; Официальный портал НовГУ, 2 августа 2023 года: *«НовГУ и ВШЭ проведут масштабное исследование интереса к проекту*

«Город-Университет»; Новгородское областное телевидение, 02 августа 2023 года: «Концепцию развития проекта «Город-университет» обсудили сегодня в администрации Великого Новгорода»; Официальный портал Администрации Великого Новгорода, 25 сентября 2023 года: «Совет по реализации приоритетного регионального проекта «Город – университет»; телеканал «Вести-Великий Новгород, 16 октября 2023 года: «Новгородские студенты и педагоги разрабатывают концепцию «Город-Университет»; Интернет портал «Бриф.24», 16 октября 2023 года: «Глава Новгородской области Никитин обсудил концепцию «Города-университета»). Городское воображаемое Великого Новгорода, согласно нашим прогнозам, пополнится новыми образами, которые непосредственно связаны с научными разработками ученых, студенческими инициативами, с включением новгородцев в образовательные и культурные практики вуза.

С другой стороны, медиадискурс может разворачиваться независимо от специфики города по актуальным для многих городов проблемам – бизнес, церковь, экология, дизайн среды и пр. Например, при исследовании экологического дискурса (мотивы, сюжеты, жанровое своеобразие, популярные темы) в медиа Великого Новгорода была установлена мера участия новгородских журналистов, чиновников, общественности и бизнеса в решении экологических проблем. Исходя из специфики акторов, продуцирующих экологический дискурс в новгородских СМИ, его можно разделить на три блока: «журналистский, читательский и официальный дискурсы» [Базикян, 2013, с. 11]. Активисты некоммерческих экологических организаций, эксперты по экологической обстановке в городе, ученые, занимающиеся эко-проблемами, представители бизнеса инициируют такой дискурс и проектируют городское воображаемое.

Три модуса медиадискурсов (медиадискурс репрезентации пространства города, медиадискурс городского пространства, медиадискурс городских практик) во многом пересекаются друг с другом, однако по-разному участвуют в производстве коллективных представлений о городе,

аккумулируя и представляя в медиа смыслы, благодаря которым мы воображаем город. Векторы формирования смыслов города и динамика городского воображаемого могут быть представлены в результате движения смыслов по спирали от дискурса горожан к официальному дискурсу, так внутри дискурса сообществ. С ее помощью возможно объяснять структурирование коллективного осмысления, переживания и восприятия города, генерирующих городское воображаемое.

Таким образом, медиадискурс производит городское воображаемое и определяет то, как мы представляем город, какие слои памяти храним, что зависит от повестки акторов, воспроизводящих свою реальность города через медиаресурсы для разных целевых аудиторий. Город без смыслов, которые собраны в словах, изображениях, звуках, невозможно представить. Поэтому городское воображаемое обеспечивает важнейшую функцию связки медийной образности города в коллективном сознании, тогда как производство этих смысловых связей, благодаря которым мы представляем город как единый концепт и как имеющий свое прошлое объект со своей историей, происходит в медийных дискурсивных полях.

Медиадискурс может задавать разные модели городского воображаемого, акцентируя внимание на тех или иных образах, с помощью которых в коллективных представлениях остаются в памяти конкретные значения. В каждом городе возникает уникальное «облако смыслов» как отражение городского воображаемого, в котором влияют друг на друга дискурсы, поддерживаемые теми или иными авторами из сфер науки, образования, туризма, культуры, маркетинга, в том числе, маркирующими те или иные фрагменты культурной памяти города. В коллективном воображении город становится проекцией конкурирующих медиадискурсов, отсылающего к самым разным контекстам его производства.

Типологии медиадискурсов, которые производят коллективные впечатления о городе через специфику медиаконтента, акторов дискурсивных практик, медиатехнологий, позволяют раскрыть многообразие

и возможные векторы производства дискурсивных практик в медиасфере, направления производства значений города и, тем самым, исследовать ландшафт дискурса, проецирующего разные представления о городе. На основе имеющихся исследований дискурсивных практик медиа, мы выявили ключевые типы медиадискурсов - дискурсы медиаобразов, уникальности места, городской идентичности, семиотики городского пространства, урбанистические дискурсы. Типология медиадискурсов, генерирующих городское воображаемое, на основе теории «производства пространства» А.Лефевра включает в себя: а) медиадискурс репрезентации пространства города (официальный дискурс), б) медиадискурс городского пространства (дискурс горожан), в) медиадискурс городских практик (дискурсы сообществ). Также мы выявили, что образы городского прошлого являются важнейшей частью городского воображаемого, структурирование которого неотделимо от дискурсивных практик, разворачивающихся в многомерном медийном пространстве.

5.3. Культурная память города в репрезентациях городского воображаемого

Культурная память города, как следует из того, что было сказано выше, присутствует в структуре городского воображаемого в виде совокупности реальных и виртуальных образов прошлого, с помощью которых город воспринимается и осмысливается как единый феномен. Для того, чтобы раскрыть специфику присутствия культурной памяти в городском воображаемом, рассмотрим - как объективируется городское воображаемое в городских практиках через основные направления его репрезентации в городе.

Важно отметить, что инструментом символического конструирования городского воображаемого являются образы, в которые заключаются те или иные смыслы города, обладающие различной степенью «вообразимости».

Действительно, городское воображаемое, как мы отмечали ранее, имеет символический характер, что связывает его с понятием образа («image») города, в том числе, и этимологически. Если городское воображаемое отражает процессуальный характер воображения города, то результатом коллективного воображения становится именно образ города.

По мнению известного урбаниста, автора методики исследования ментальных (или «вообразимых») карт города К. Линча, «вообразимость» города напрямую зависит от устойчивости городского образа, на которую, работает, прежде всего, цвета, формы, композиции, из которых складывается образ [Линч, 1982, с. 21]. К. Линч исследовал именно аспекты восприятия города, которые формируют устойчивые воображаемые ориентиры города. Он приводил в качестве примера Венецию – город, обладающий ярким образом, сложившимся в результате длительного коллективного воображения города. Если воспользоваться данным тезисом, то к легко «вообразимым» российским городам следует отнести такие, у которых сложился устойчивый, узнаваемый, яркий образ (Санкт-Петербург или Казань).

Между тем, по нашему мнению, устойчивости смыслов городского воображаемого способствуют не только визуальные носители памяти, которые фиксируют незабываемые и отличимые образы города, но и вербальные, которые производят целую вереницу смыслов, семантика которой создает единый текст города. В этом случае городское воображаемое гораздо глубже и многограннее. Исследователи на примере Санкт-Петербурга отмечают, что его городское воображаемого представляет собой полифонию и перекличку своеобразных образов, в которых город представляется «как «самый отвлечённый и умышленный город на всём земном шаре» (Ф. М. Достоевский), то как «бесконечность проспекта, возведённого в энную степень» (Андрей Белый) или как «кошмарный город-привидение» (Игорь Северянин)», что в итоге «создаёт многомерное городское воображаемое» [Спешилова, 2023, с. 49]. Художественная

литература позволяет нам сказать о том, что Санкт-Петербург может воображаться как Петербург Гоголя, Достоевского или Толстого.

Вместе с тем, большинство российских городов имеет общее прошлое, которое служит объединяющим фактором городской культуры. В частности, общим эпизодом для культурной памяти подавляющей части российских городов будут образы советского прошлого, в том числе, персонифицированные, что отразилось в названии городских улиц и проспектов, например, улица Ленина, как и улица Мира. Соответственно, немалое количество городов имеет памятник Ленина (как правило, такой памятник, хотя это лишь тенденция, расположен в центре города, а вождь пролетариата изображен стоя). Культурная память российских городов хранит образы военного прошлого и образы героического подвига российского народа в период Великой Отечественной войны, соответственно, во многих российских городах установлены памятники или мемориалы российским воинам (однако их репрезентация в городское среде разнообразна – в виде солдат, женщин, геометрических фигур, лошадей, журавлей, детей, оружия).

Планировка же российского города нередко осуществлялась по типичным схемам, соответственно практически в каждом городе есть центральная площадь и главное здание. Наконец, большая часть городов, особенно в центральной части страны, хранит следы культурной памяти, связанной со средневековым прошлым, а, следовательно, на улицах таких городов нередко расположен храм (в более молодых городах храмы также установлены, во многом по аналогии с формами православных храмов). Кроме того, современные тенденции развития города отразились на том, что в каждом российском городе есть торговый центр и фастфуд. Соответственно, городское воображаемое российских городов в чем-то имеет общие черты, особенно если воображаем город исходя из его визуальных аспектов (именно поэтому и существует саркастически-юмористическая «Карта любого российского города» - см. Приложение 4, Рис. 1).

Несмотря на то, что городское воображаемое есть результат генерирования коллективных представлений на протяжении долгого времени и то, что оно непосредственно зависит от актуальных слоев культурной памяти, все же следует также подчеркнуть, что на современном этапе источником устойчивых и отличимых образов сегодня все чаще становятся такие тексты, которые получены посредством цифровых технологий и сервисов, обладающих способностью обработки контента и его масштабной трансляции. Эти условия в корне изменили процесс коллективного воображения города, как и памятования в целом, и эту особенность новых условий генерирования и трансляции культурных смыслов мы раскроем в заключительной главе.

Имеющееся на данный момент знание о процессах производства реальных и виртуальных коллективных представлений о городе приобретает новое значение, связанное с повышением роли визуализации в коммуникативных процессах. Современный нарратив нередко становится частью сообщения в цифровой коммуникации, причем сам нарратив нередко теперь сопровождается визуальным текстом, и этому способствуют новые цифровые технологии.

Кроме того, по мнению современных ученых, образы городского воображаемого создаются «не в момент исполнения, а в формальном результате визуальных нарративов, который касается нашего сознания во времени и пространстве как реальности» [Wagner, 2022, с. 12]. Изображения приобретают ключевую роль в процессе генерирования коллективного воображаемого, поскольку они делают «видимым новое обстоятельство», направляют человека «интерпретировать или представлять реальность абстрактным образом» [Wagner, 2022, с. 15].

Как мы отмечали выше, культурная память города представлена в городской среде в качестве носителей как символических медиаторов, которые объективируют образы городского прошлого, аккумулирует и транслируют смыслы с помощью различных знаков и текстов.

Соответственно, город воображается посредством взаимодействия человека с различными носителями культурной памяти города: визуальных (изображения, знаки, видимые элементы образа), вербальных (нарративы, топонимика), а также в результате реализации коммеморативных практик (фестивали, постановки, форумы, шествия). При этом, производство коллективных представлений о городе является процессом построения в сознании людей определённых образов, которое происходит, прежде всего, на основе визуальных знаков и, в наше время, преимущественно, в цифровых коммуникациях. Воображая тот или иной город, люди мысленно воссоздают то, что позволяет город как можно лучше представить, понять его как видимую локацию – схемы, маршруты, символы, ориентиры.

Как мы отмечали ранее, по мнению Б. Андерсона [Андерсон, 2016], «воображаемости» сообщества способствуют карта, музей и перепись населения. В связи с этим, как мы полагаем, городское воображаемое структурируется в представлениях людей, прежде всего, на основе визуального знака, сопровождающего эти представления через конкретную фактуру города. Без визуальной оболочки смыслы города приобретают субъективный характер и в этом случае остаются в рамках индивидуальных представлений, тогда как разделяемая большим количеством людей визуальная форма становится более репрезентативной для коллективного воображения.

Так, например, мы солидарны с В.В. Абашевым, который полагает, что город Пермь обладает богатым воображаемым в смысловом контексте, которое, однако, не всегда выражено в визуальном [Абашев, Городское пространство..., 2014]. Он считает, что важно активно конструировать в городском пространстве латентные, забытые структуры памяти, которые хранят уникальность города. Подобные выводы о необходимости визуализации латентных городских смыслов и их визуальном маркировании в пространстве города стали очевидными после реализованного в Перми проекта, связанного с визуализацией творческого наследия Бориса

Пастернака в сквере Пермского театра оперы и балета (См. Приложение 4, Рис. 3). Ученые и активисты города Пермь актуализировали связь Бориса Пастернака с городом, сгенерировав тем самым символические связи и путем визуализации данного смысла в ткани города, закрепили в городском воображаемом этот персонифицированный образ прошлого.

Учитывая это, рассмотрим основные способы репрезентации городского воображаемого через различные аспекты визуального облика города, которые хранят в себе слои культурной памяти.

Прежде всего, это природные факторы. Культурная память избирательна к природным факторам и далеко не все из них становятся частью городского воображаемого. Визуально природные факторы представлены в фото- и видеотекстах, в брендах, в живописи и так далее. Например, мы воображаем неповторимое сочетание гор и моря в городской среде или синтез жилой локации с лесными массивами. В России подобные взгляды сформировались в рамках так называемой «имагинарной географии» (географии воображения), которая изучает особенности и закономерности формирования географического образа. Последний, по мнению Д. Замятина, существует «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» [Замятин, Гуманитарная география..., 2010, с. 29]. В данном ракурсе нередко осуществляются когнитивные исследования ландшафта российских городов в виде разработки «имагинарных карт» города как моделей репрезентации географических образов, которые позволяют увидеть воображаемый город через географические маркеры.

Также сюда следует отнести и архитектурные факторы. В городском воображаемом архитектура нередко становится ключевым визуальным маркером, благодаря которому мы воспринимаем, осмысляем, воображаем город. Архитектурные объекты позволяют подчеркнуть дух, стиль,

индивидуальность города, в твердых формах выражать следы прошедших эпох и событий. Архитектурные композиции, мосты, постройки передают тот визуальный облик города, который является многослойным источником коллективного воображения. Кроме того, не меньшим значением обладает и планировка города, размер его улиц, ширина проспектов, высота зданий; всё это создает те визуальные знаки, из которых конструируются воображаемые образы города. У некоторых, особенно исторических российских городов, оригинальным может быть не только фактура, но и расположение улиц.

Кроме того, художественные произведения являются важнейшим визуальным репрезентантом городского воображаемого. В произведениях искусства, направленных на визуальное созерцание, производятся и закрепляются те образы, из которых конструируется городское воображаемое. Сюда относятся, например, арт-объекты, которые сохраняют в себе следы городского прошлого, и, в тоже время, транслируют их с помощью визуальных форм и благодаря включённости в городское пространство. Такие объекты наделяют город определёнными смыслами, на основе которых структурируется городское воображаемое. Уникальные арт-объекты с помощью визуальных средств – форм, красок, объёма – создают благодатную почву для воображения города. Некоторые из них не просто маркируют городское пространство, но и конструируют новые слои городского воображаемого, прочно закрепляя их в коллективной памяти. Например, воображаемое Екатеринбурга пополнилось новым представлением о городе в результате создания символического объекта в виде арт-композиции на площади первой пятилетки; этот объект изменил не только неприметную ранее площадь Уралмаша, но и коллективное воображение города с помощью нового облика фрагмента городского пространства (См. Приложение 4, Рис. 2).

Наконец, к визуальным репрезентантам городского воображаемого следует отнести и памятные места города, которые через формы передают информацию об истории и культуре города, а сам город становится понятнее

как для горожан, так и для гостей города. Когда городские объекты создаются с целью сохранения памяти, то речь идет о некоторых типах мест памяти города как символах ушедших эпох или знаковых для города событий. Сюда относятся целенаправленно созданные объекты городского пространства, которые символически репрезентируют образы прошлого (например, памятники, стеллы, обелиски, бюсты), благодаря которым мы воображаем город не просто как часть этого прошлого. Места памяти в структуре городского воображаемого позволяют рассматривать сам город в темпоральной перспективе, а настоящее города как продолжение прошлого. Исходя из типологии мест памяти города, о которой мы говорили ранее, можно выделить такие образы городского прошлого, которые производят и передают различные аспекты городского воображаемого:

- образы «гениев места» (городское воображаемое, основанное на памяти об известных личностях, которые так или иначе связаны с городом);
- образы сражений и боевых действий (городское воображаемое, связанное с представлениями о победах, завоеваниях, утратах);
- образы истоков (городское воображаемое, основанное на представлениях горожан о зарождении города);
- образы традиций (городское воображаемое, связанное с представлениями о торговых, ремесленных, правовых, творческих, научных и прочих традициях города).

Узнаваемость города, устойчивая идентификация горожан с местом своего проживания и формирование их сопричастности с городом во многом обусловлены значимостью наиболее ярких и аутентичных смыслов города, которые должны легко воображаться, сам город становится ближе. Потенциал городского воображаемого заключается в том, что оно не только отражает, но и детерминирует городскую реальность. Городское воображаемое влияет на когнитивное и эмоциональное восприятие города и, наконец, через восприятие и на поведение социальных групп.

Для того, чтобы городское воображаемое подчеркивало уникальность города, формировало его значимость для различных социальных групп и поддерживало эмоциональную привязанность к месту, необходимо конструировать устойчивость коллективных представлений, из которых складывается воображение образов. Городское воображаемое во многом зависит не только от репертуара смыслов, которые присутствуют в многослойной коллективной памяти, а также от активности воспроизводства их в городских практиках.

Воображаемое – это отражение коллективной памяти, которая представляет собой аккумулятор значений территорий, а его наполненность будет зависеть от коммеморативных практик, которые актуализируют образы прошлого в городской среде - в символах и памятных местах, в праздниках, фестивалях и промыслах, в музеях и творческих центрах. Коммеморация способствует через коллективное воображение обеспечить рост символического капитала города (подробнее о коммеморации в следующей главе).

Процессы производства городского воображаемого обладают и другими особенностями. Например, к тем инструментам, которые формируют устойчивые коллективные представления о городе, позволяют визуализировать образы городского прошлого, можно отнести практики, макетирующие город, «схлопывающие», приближающие городскую локацию для осмысления. В качестве одного из таких способов относится не просто музей как таковой, а те экспозиции, которые позволяют проецировать и моделировать визуальный облик города с помощью разных технологий – например, на экране или с помощью макета городского пространства (Приложение 4, Рис. 4).

Следует особенно отметить тот факт, что городское воображаемое конструируется на протяжении долгого времени, и чем старше город или чем больше слоёв коллективной памяти он имеет, тем, как правило, богаче его воображаемое. Хотя не столько историко-культурное наследие является

фактором успешного производства устойчивых коллективных представлений о городе, сколько его воспроизведение в коммуникативных практиках – в городских событиях, процессах, социальном взаимодействии.

В связи с этим, вновь акцентируем внимание на значимости медиа как важнейшего инструмента производства городского воображаемого и проанализируем данный аспект на примере Великого Новгорода.

В рамках эмпирического исследования мнений жителей Великого Новгорода, о котором было сказано ранее (направленного на выявление образов городского прошлого, с помощью которых представляется город, проведенное нами путем интервьюирования 53 горожан с квотой по возрасту, времени проживания в городе и сфере деятельности), один из вопросов был посвящен наиболее значимым, с точки зрения горожан, событиям городского прошлого или наиболее яркому, с их точки зрения периоду в истории города. Гипотезой данного вопроса выступало предположение о том, что новгородцы, отметят, прежде всего, период новгородской республики или период зарождения российской государственности, который связан с призванием Рюрика на княжение. Между тем, наиболее значимым образом городского прошлого, по мнению новгородцев, стало участие Великого Новгорода в Ганзейском союзе. Ганзейское прошлое, соответственно, (*«новгородский торг», «ганзейский союз», «Ганза», «ганзейские купцы»*) составляет значимый пласт культурной памяти города, которое во многом определяет и наполнение смыслами воображаемое Великого Новгорода. Факт повышения значимости образов Ганзы для новгородцев во многом обусловлено как активизацией данного смысла со стороны администрации города (проведение Ганзейских дней, уроков Ганзы, установка Ганзейского знака, Ганзейского фонтана, проведение выставок, демонстрирующих артефакты ганзейского прошлого, открытие Ганзейского форума и пр.) начиная с 1990-х годов, когда Великий Новгород вступил в Новый союз ганзейских городов, так и повышенным вниманием региональных журналистов к теме Ганзы.

Данный факт подтверждают и мнения новгородских ученых, и в частности, Т.Л. Каминской, которая полагает, что «именно медиадискурс является ключевым в осмыслении и создании культурной и социально-политической роли Новой Ганзы, тем более, что медиацентричность современной жизни и медиатизацию всех ее сфер никто из гуманитариев не отрицает» [Каминская, Медийная интерпретация..., 2020, с. 164], подчеркивая что уже к 2019 году было создано 300 русскоязычных медиатекстов в архиве Международного конкурса журналистов «Ганза - связь времен». Кроме того, исследовательница отмечает, что опыт использования Новой Ганзы как бренда и журналистского вклада в этот процесс был обсужден на Всероссийском Медиафоруме, который состоялся 10–11 января 2019 г. в Великом Новгороде, где были представлены успешные практики города в этом направлении (проект «Русь Новгородская», проект частного Киномузея в Великом Новгороде). В частности, журналисты отметили необходимость расширения «зоны охвата ганзейской темы, рассматривая ее в связке с темой продвижения городов в сфере туризма» [Каминская, Медийная интерпретация..., 2020, с. 164].

Между тем, при рассмотрении процесса производства городского воображаемого важно учитывать следующие коммуникативные каналы, которые воздействуют на коллективные представления людей о городе:

- непосредственный, когда уникальные смыслы города фиксируются в воображении человека через постоянное соприкосновение с городским пространством;

- опосредованный, когда люди воображают город либо посредством межличностной коммуникации (рассказ жителя города), либо через произведения искусства и технические средства (телевидение, сеть Интернет).

Каждый из этих каналов имеет свою специфику производства городского воображаемого, причём в эпоху цифровой культуры приоритет остаётся за информационно-технологической составляющей,

предоставляющей возможность тотального производства и потребления сконструированных экранных образ городов, о чём подробнее остановимся далее.

Городское воображаемое структурируется по двум траекториям – стихийно и целенаправленно. Стихийный процесс слабо поддается управлению и обусловлен постоянным незапланированным производством городских смыслов, которые заключены в знаковые формы. В цифровую эпоху с появлением новых акторов производства значений и новых коммуникативных платформ и технологий такая стихийность стала расти. Тогда как целенаправленный процесс формирования устойчивых образов городского воображаемого, напротив, представляет собой возможность планирования и управления стратегией формирования определенных аспектов в восприятии и воображения города. В этом контексте находится и сфера политики, в частности, символический менеджмент как инструмент управления производством символов, а также медиадискурс, где аккумулируется символическая информация о городе и закрепляются значения.

Таким образом, культурная память города присутствует в структуре городского воображаемого в виде совокупности реальных и виртуальных образов прошлого, с помощью которых город воспринимается и осмысливается как единый феномен. Объективируется городское воображаемое в городских практиках через основные направления его репрезентации в городе. На современном этапе развития общества ключевым источником формирования устойчивых коллективных представлений о городе становятся визуальные тексты, в том числе, полученные посредством цифровых сервисов и современных медиатехнологий, которые позволяют абстрактные образы делать более видимыми и реальными.

Визуальные репрезентации городского воображаемого, транслирующие фрагменты культурной памяти города, способствуют узнаваемости города и устойчивой идентификации горожан с местом своего проживания. Городское

воображаемое формируется на протяжении длительного времени, поэтому оно во многом зависит не только от репертуара воображаемых смыслов, которые присутствуют в многослойной коллективной памяти, а также от коммеморативных практик, которые актуализируют образы прошлого в городской среде.

Городское воображаемое структурируется посредством практик, макетирующих город, «схлопывающих», приближающих городскую локацию для осмысления. Этот процесс происходит индивидуально и коллективно, непосредственно (через личное соприкосновение человека с городским пространством) и опосредованно (когда люди воображают город посредством символического посредника - через произведение искусства или официальный сайт), стихийно и целенаправленно. Последний способ предполагает стратегическое отношение к решению проблемы поддержания яркого и узнаваемого образа города, создание городских пространств, влияющих на воображение города, использование инструментов символического менеджмента, позволяющих управлять производством символов города (городской брендинг, культивирование уникальных городских событий и промыслов, создание мест памяти), которые могут рассматриваться как процессы генерирования городского воображаемого. Подобные знания, раскрывающие механизм коллективного воображения города, обладают прикладным эффектом, поскольку могут использоваться городскими элитами в символической борьбе городов за пространство и мобильные ресурсы, а также в решении проблем повышения конкурентоспособности российских городов.

Глава 6

СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

6.1. Городская коммеморация в Великом Новгороде

В завершающей главе мы раскроем современные практики коммеморации, которые позволяют, с одной стороны, определить – каким образом в стратегиях развития современного города применяется символический ресурс культурной памяти города, а с другой – учитывать в данном процессе тенденции цифровой культуры, которая влияет на функционирование культурной памяти города в наши дни. Решение данного исследовательского вопроса будет проведено путем обращения к эмпирическому опыту Великого Новгорода, культурная память которого многогранна и хранит образы не одной исторической эпохи.

Образы прошлого Великого Новгорода в культурной памяти города (по результатам эмпирического анализа представлений горожан).

Культурная память Великого Новгорода, как мы указывали ранее, богата образами прошлого и хранит в себе разные слои культурной памяти, что обусловлено не только годом основания города (859 г.), согласно первым упоминаниям в «Повести временных лет» (XII век), но и насыщенностью исторических событий, которые происходили на территории города на протяжении более чем тысячелетнего периода.

В 2023 году мы подвели итог интервьюирования 52 новгородцев с квотой по возрасту, времени проживания, сфере деятельности для выявления коллективных представлений о Великом Новгороде, включая определение ценных для горожан образов городского прошлого и мест памяти города, а также образов, с помощью которых город идентифицируется и воспринимается сегодня.

Эмпирическое исследование показало, что для новгородцев значимыми являются, прежде всего, образы городского прошлого, которые связаны со средневековым периодом Новгородской республики, знаковым символом которого является Вече и вечевой колокол, а также Новгородский торг, связанный с Ганзейским союзом.

Между тем, ответы респондентов, если исходить из количества упоминаний, на вопрос о том «какие образы прошлого, по вашему мнению, являются самыми яркими в истории Великого Новгорода?» показали, что горожане хранят, преимущественно, память о трех слоях культурной памяти своего города:

- образы появления, возникновения города, зарождения российской государственности и призвание Рюрика на княжение в Великий Новгород – 11 упоминаний (*«зарождение российской государственности»; «призвание Рюрика в Новгород», «многие туристы считают, что вся история нашей страны начинается с Москвы... Рюриково городище - место, где зародилось наше государство»*);

- образы средневекового «расцвета» города и периода Новгородской республики – 27 упоминаний (*«республика Новгородская»; «Новгородский торг»; «Новгородское вече», «вечевой колокол»*);

- образы, связанные с военными подвигами новгородцев во время Великой отечественной войны, с освобождением города от немцев и восстановление города после войны – 9 упоминаний (*«Великая отечественная война»; «сохранение и восстановление культурного наследия, особенно после 1945 г.»; «герои Отечественной войны 1941-45 гг.»*).

Вместе с тем, следует отметить, что новгородцы также отмечали (по 7 упоминаний) такие образы городского прошлого, которые связаны с традициями культуры, книжности, письменности (*«культура и образование», «грамотность жителей древнего Новгорода», «берестяные грамоты»*), а также с окончанием периода свободной республики и действиями Ивана Грозного по завоеванию Новгородской земли (*«падение республики», «голубь*

Софийского собора»). Среди персонифицированных образов, которые хранят события прошлого, респонденты отметили Александра Невского и его победу в Невской битве, а также фольклорного персонажа Садко.

Наиболее ценными местами памяти для новгородцев являются Кремль (22 упоминания), Ярославово дворище (18 упоминаний), Софийский собор (12 упоминаний), Юрьево и Юрьев монастырь (8 упоминаний), Рюриково городище (7 упоминаний), музей деревянного зодчества «Витославицы» (4 упоминания). Также респонденты указывали (не отмечая конкретно названия) на храмы, музеи и торговую сторону города, территорию внутри городского вала, как объекты, которые хранят память о событиях прошлого в Великом Новгороде. Следует отметить, что местами памяти для некоторых новгородцев также являются археологический раскоп (2 упоминания), Центр музыкальных древностей В.И. Поветкина (2 упоминания) и историческая территория университетского кампуса Антоново (2 упоминания).

Обозначенные нами три ключевые группы образов образуют соответственно три слоя культурной памяти Великого Новгорода:

- 1) основание города и призвание Рюрика,
- 2) период Новгородской республики,
- 3) события, связанные с Великой отечественной войной.

Данные слои многообразно представлены в визуальных и вербальных носителях культурной памяти Великого Новгорода. В частности, указанные нами образы городского прошлого транслируются посредством жестких (монументальных) носителей культурной памяти города – архитектура, памятники, монументы и пр., которые весьма красноречиво свидетельствуют о прошедших событиях, а также поддерживаются постоянной актуализацией в культурных практиках и присутствием данных образов в современном городском пространстве посредством тех процессов, которые ранее мы обозначили как коммеморация.

Городская коммеморация: теоретический аспект.

Как следует из научных положений предыдущих глав, очевидным фактором для поддержания в актуальном состоянии образов городского прошлого, которые составляют основу культурной памяти города, являются процессы, не позволяющие забвению одержать верх над сохранением воспоминаний, или говоря иначе, коммеморация. По мнению М.Л. Шуб, коммеморация есть «увековечивание памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат» и пр. [Шуб, Современные коммеморативные практики..., 2016, с. 82].

Городская коммеморация – это процессы сохранения культурной памяти города. Городская коммеморация позволяет сохранять символическую связь с эпизодами городского прошлого [Федотова, Практики городской коммеморации, 2020]. Благодаря городской коммеморации отдельные культурные смыслы города становятся актуальными и приобретают значимость для современников – мы их помним и ценим. Потребность в коммеморации обусловлена символической природой культурной памяти, а ее специфика проявляется именно в относительности и искусственном структурировании ценностей сообщества.

О важности процесса актуализации структур памяти упоминал П. Нора: «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [Нора, 1999, с. 25]. В современных европейских исследованиях присутствует деление культурной памяти на два уровня – биологический, формируемый индивидуальной памятью людей, и символический, связанный с «символическим порядком, средствами массовой информации, учреждениями и практикой, с помощью которых социальные группы строят общее прошлое» [Egll, 2008, p. 5]. Данные уровни тесно переплетаются именно в процессе коммеморации, в результате чего в обществе создается та или иная версия городского прошлого. Коммеморация «располагается в

широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти» [Шуб, Современные коммеморативные практики..., 2016, с. 81]. Говоря иначе, культурная память города не возникает сама по себе, она поддерживается искусственно, поскольку не пропадает с исчезновением отдельных горожан или их поколений. Следовательно, важно знать точки концентрации культурной памяти города и способы ее формирования. Именно эту задачу и выполняет городская коммеморация.

Сущность городской коммеморации раскрывается в функционировании городских практик, которые представляют собой конкретные способы поддержания культурной памяти города, формирующих идентификационные коды города. Практики городской коммеморации есть не что иное, как репрезентация прошлого города в современной реальности, они «оживляют» отдельные фрагменты прошлого города. Культурная память города является резервуаром городской идентичности и практики городской коммеморации напрямую участвуют в формировании идентификационных кодов горожан, влияя на актуальность тех смыслов, с которыми отождествляется город со стороны горожан.

Типы коммеморативных практик.

В зависимости от способа воздействия на сознание человека тех городских текстов, которые способствуют поддержанию культурной памяти, коммеморативные практики могут быть: а) эмоциональной направленности и б) когнитивной направленности. Данный тезис мы обосновали исходя из того, что культурная память города формируется с помощью разных каналов передачи информации, каждый из которых определенным образом воздействует на человека и имеет свою специфику – эмоциональную или когнитивную.

В первом случае особую актуальность приобретают произведения искусства, которые через реальные образы, сюжетные линии «претендуют на

правдивое изображение прошлого», поскольку, например, «кинофильмы, мультфильмы и комиксы, повествуя о целых исторических эпохах, оказывают более массовое и действенное воздействие на публику, нежели книги, музейные экспозиции или передвижные выставки» [Ассман, Новое недовольство..., 2016, с. 42]. В частности, кинофильм способен через экранизацию фрагментов памяти реалистично передать уникальные сюжеты городского прошлого. Художественные образы произведений искусства эмоционально насыщают коллективную память, своеобразно передавая дух города, характер его жителей, страницы истории, и, тем самым, фиксируют в сознании современников значимые слои воспоминаний. В своих работах Т.И. Ерохина, исследуя процесс структурирования культурной памяти в массовой культуре посредством кинематографа, отмечает жанровые характеристики отечественных кинофильмов (на примере фильмов о Великой Отечественной войне), сюжетные линии и способы репрезентации образов прошлого, которые выполняют функцию памяти, способствующей формированию коллективной идентичности через мифологию, идеологизацию и персонификацию прошлого [Ерохина, Феномен памяти..., 2017].

В результате анализа кинолент, на которых изображен Великий Новгород как репрезентант образов городского прошлого, мы пришли к следующим выводам. Великий Новгород в кинематографических текстах представлен нередко в качестве ландшафта древнего Новгорода, который часто становился декорацией и площадкой для съёмок художественного кино («Аленький цветочек» И. Поволоцкой, «Наследники» В. Исакова, «Василий Буслаев» Г. Васильева и пр.) и телесериалов («Екатерина», «Распутин», сериал ВВС «Война и мир» и пр.). Существуют фильмы, где Великий Новгород выступает в роли самого себя («Садко» А. Птушко, «Суета сует» А. Суриковой, «Господин Великий Новгород» А. Салтыкова, мини-сериал «Дружина» М. Колпахчиева). В документальных лентах, снятых в последние годы («Витославицы», «Новгород: 1150 лет в истории Российского государства», «Золотая кладовая Великого Новгорода», циклы передач «Час

истины», «Чудеса России», «Россия. Гений места», «Гении» и пр.) город стал появляться всё чаще. Здесь он предстаёт как исторический город, место сосредоточения уникальных объектов культурного наследия и город, хранящий в своем облике многие исторические события, а также как культурно значимый город для России.

Страницы кинолент хранят память об известных личностях, связанных с Великим Новгородом: Александр Невский, Феофан Грек, Садко, Иван Грозный, Сергей Рахманинов. Среди значимых событий, которые запечатлены кинолентой, чаще всего представлены Невская битва, история Новгородской республики, легенда о голубе на кресте Софийского собора, былина о гусяре Садко (См. Приложение 5, Рис. 1) и пр. Во всех кинофильмах присутствуют фрагменты новгородских пейзажей, содержащих архитектурные памятники города: Кремль, Софийский собор, памятник Тысячелетия Росси, Ярославово дворище, Юрьев монастырь. Особенность данных практик городской коммеморации заключается в трансляции устойчивых образов, которые прочно укореняются в городской культуре (образы горожан, сражений, подвигов, ремесел, легенд, традиций и т.д.).

Между тем, современным способом эмоционального восприятия образов городского прошлого являются уличные театральные постановки, которые становятся популярным видом массового театрального действия с эффектами воспроизведения атмосферы древних российских городов. Так, уличный театр «Садко» в Великом Новгороде (См. приложение 5, Рис. 2,3) в 2021 г. и 2022 г. был признан лучшим театрализованным представлением по версии Национальной премии «Russian Event Awards». Уличный театр реализует свои постановки на специально возведенной недалеко от Новгородского Кремля сцене в виде старинной деревянной крепости в средневековом стиле, а также декорациями, которые изображают новгородский порт. В постановках режиссеров уличного театра (фолк-опера «Садко» об известном новгородском купце и детский спектакль «Приключения Онфима в стране сказок») артисты выступают в аутентичных костюмах, а сами действия

сопровожаются средневековой музыкой, огненными шоу, спецэффектами, акробатикой и соответствующей хореографией. Театральные представления оживляют не только образы Садко, но и актуализируют средневековый слой культурной памяти Великого Новгорода.

Когнитивные же практики коммеморации предполагают осознанный тип актуализации культурных смыслов. В качестве примеров в данном случае выступают форумы, конференции, чтения, открытые лекции, уроки и пр. Их задача состоит в поддержании городской памяти через понимание важности этого процесса и осознанное включение в процесс памятования определенных социальных групп (школьники, туристы, творческие люди, ученые). Нередко в данном случае происходит актуализация забытых эпизодов городского прошлого, рефлексия и пересмотр значимости фрагментов памяти, интерпретация смыслов и о видение событий, которые накладывают отпечаток на характер коллективного воспоминания (например, сепаратизм города может по-разному оцениваться современниками).

Так, в Великом Новгороде проходят всероссийские научные конференции, которые актуализируют образы древнего городского прошлого, хранящие уникальный для археологов и историков культурный слой. В частности, Великий Новгород уже традиционно стал местом проведения научных конференций археологов и историков, где итогами археологического сезона делятся известные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Старой Руссы. Так в 2023 году прошли сразу три подобные конференции: а) 37-я конференция «Новгород и Новгородская земля. История и археология», где, в том числе, были представлены открытия археологов по результатам раскопок на Троицком раскопе в Великом Новгороде, на Пятницком раскопе в Старой Руссе, б) 3-я научная конференция «Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность», организаторами которой выступили СПб институт РАН, Новгородский музей-заповедник, Институт славяноведения РАН, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, где были представлены доклады российских

ученых по археологическим материалам, относящихся к письменной культуре Великого Новгорода с XI по XVIII вв., в) научная конференция «Архитектурная археология: материальный мир древних памятников», которую провели Институт археологии РАН и Новгородский музей-заповедник совместно с Владимиро-Суздальским музеем-заповедником, где были представлены доклады ученых из разных стран по результатам исследований в рамках архитектурной археологии. Несмотря на профессиональные научные темы, которые обсуждаются на подобных конференциях, все же эти события оказывают влияние и на представления некоторых горожан о значимых эпизодах культурной памяти города, что в целом подтверждается результатами эмпирического исследования, о котором речь шла выше. Такого рода мероприятия формируют, в том числе, ценность средневекового прошлого Великого Новгорода, актуализируют восприятие города как центра книжности и письменности, что выражается, например, в отношении новгородцев к объекту «археологический раскоп» как к месту памяти города.

Среди современных форм репрезентации фрагментов коллективного прошлого следует отметить перформативные практики коммеморации или, говоря иначе, коммеморацию действием [Архипова, 2017, с. 76], представляющую собой один из активных способов формирования культурной памяти города. Перформативные практики коммеморации получили свою популярность в наши дни, однако, появились они в период зарождения мемориальной культуры поминания ушедших из жизни предков и связаны с ритуальной стороной осмысления реальности.

Ключевой признак перформативных практик в целом состоит, как показал Ж. Деррида [Деррида, 2012], в возможности воспроизводства или повторяемости определенного действия. Действительно, перформативные практики предполагают наличие сценария и возможности бесконечного воспроизводства определенного действия, в нашем случае – действия, связанного с памятным событием. Важной частью перформативных практик

городской коммеморации является наличие двух составляющих данного процесса: а) тех, кто реализует действие, и б) тех, кто представляет аудиторию, постигающую создаваемые в действии смыслы. В коммеморации реализуется ключевая задача перформативности – влияние через действие на реальность. Примерами таких действий могут быть массовые акции и шествия или городские фестивали.

В Великом Новгороде образы Великой Отечественной войны поддерживаются в рамках самых разных событий и практик. Сюда относится не только всероссийский проект «Бессмертный полк», но и городские марафоны и фестивали (например, поэтический марафон «Две строчки...», хранящий и воспроизводящий память о победе России во второй мировой войне). Тогда как образы средневекового Великого Новгорода поддерживаются тематическими фестивалями, связанными с памятью о культурных традициях, торговом и военном прошлом города. Например, ежегодно с 2017 года на территории Великого Новгорода проводится Международный фестиваль музыкальных древностей «Словиша» (Приложение 5, Илл. № 4,5) в честь памяти основателя Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина (в 2023 году на XII Международной премии этот фестиваль стал лауреатом в области событийного туризма «Russian Event Awards», заняв 2 место в номинации «Лучшее этнокультурное событие»). В 1975 году на Троицком археологическом раскопе в культурном слое XI века были найдены пятиструнные лирообразные гусли с надписью «словиша», которые стали символом создаваемого новгородцами фестиваля. В программе фестиваля не только насыщенная музыкальная программа с более чем 30 коллективами со всей страны, но и научная конференция, выставка народных инструментов, мастер-классы по игре на народных инструментах и многое другое. Великий Новгород является и местом проведения фестиваля «Русская музыка», фестиваля народного искусства и ремесел «Садко» и других фестивалей.

В этой связи следует отметить, что музыка и музыкальные инструменты являются важнейшими носителями культурной памяти города. Как отмечают исследователи, музыка есть особый язык воспоминаний, «музыкальная память» хранит и передает фрагменты прошлого, в ней «сохраняется закодированная тем или иным образом культурная информация», а музыкальная традиция выступает частью культурной памяти коллектива, где в качестве «музыкальных кодов, символов и знаков могут рассматриваться характерные для определенных музыкальных жанров мотивы и ритмоформулы, лейттемы и лейттемы ... и собственно музыкальная интонация – зерно, из которого произрастает содержание музыкальной композиции» [Алпатова, 2012, с. 90], тогда как музыкальные фестивали рассматриваются как современная форма сохранения культурной памяти [Верхоланцева, 2016; Федотова, Музыкальный фестиваль..., 2021].

Проведение фестиваля влияет не только на сознание тех, кто непосредственно включен в процесс действия, но и косвенно – на сознание представителей внешней среды, которая может получать сведения о мероприятиях посредством медиа. Тогда как направленность фестиваля (музыкальный, военный, кинематографический и пр.) способствует и соответствующему позиционированию города во внешней среде, формирует идентификационные связи с между городом и горожанином.

Одним из направлений перформативных практик коммеморации можно рассматривать игру, поскольку она, как отмечает Т.Л. Каминская, «может служить сохранению культурной памяти» [Каминская, Современные коммуникативные практики..., 2019, с. 285], а сам процесс применения игры в качестве коммеморативных практик она называет геймификацией, отмечая, что Великий Новгород «располагает примерами успешной геймификации культурной памяти в экскурсионных и презентационных практиках» [Каминская, Современные коммуникативные практики..., 2019, с. 285]. Так, в летнее время на Ярославовом Дворище при участии Новгородского областного Дома народного творчества реализуется межрегиональный

фестиваль народной игровой культуры «Игры и люди», который проводится в городе начиная с 2018 года. Целью данного фестиваля является приобщение к традиционной игровой культуре и воспитание у молодого поколения бережного отношения к культурному наследию.

К перформативным практикам коммеморации относятся и исторические реконструкции, которые получили популярность в последние десятилетия, в том числе, в рамках проекта «живая история» как практики репрезентации «повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период, обычно в форме организации «музея живой истории» и/или проведения «фестиваля живой истории», а также уроков «живой истории» в школах» [Драчева, 2014, с. 57]. Кроме сражений, турниров и военных боев, которые могут быть постановочными или состязательными, такие исторические клубы воспроизводят также обычную жизнь воинов и особенности военной подготовки.

Образы средневекового Новгорода воспроизводятся в таких исторических реконструкциях, как «Княжья братчина», которая прошла в 2023 году на территории города (Софийская набережная и Рюриково городище) уже в десятый раз при участии реконструкторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова. Событие воссоздает атмосферу быта и военных действий дружин древних российских городов: кольчуги, мечи, щиты, ратники, еда на костре, средневековые игры, танцы и мастерство сражения – от одиночных боев до массовых (См. приложение 5, Рис. 6.). В 2023 году Великий Новгород принял участие в знаковой для города исторической реконструкции похода конницей дружины Александра Невского, где дружинники преодолели расстояние более 2000 км от берега Чудского озера до места Ледового побоища – Феодоровского монастыря в Нижегородской области через 8 регионов, связанных с именем Александра Невского (заметим, что личность Александра Невского является ключевым персонифицированным образом средневекового прошлого Великого Новгорода).

Отдельно следует раскрыть институциональные практики городской коммеморации, которые выполняют важную роль, обеспечивая сам процесс хранения и трансляции культурных смыслов города, поддержания их в актуальном состоянии. Институциональные структуры позволяют не обрывать индивидуальные воспоминания о городском прошлом и переводить их в формат коллективных. Институциональные практики городской коммеморации сосредоточены, прежде всего, в деятельности таких учреждений и организаций, как музеи, архивы, галереи, выставочные залы, вузы, школы, научные организации, где фиксируются, актуализируются и транслируются образы городского прошлого. В этом случае подобную роль играют и институты формирования городской идентичности, о которых речь шла в предыдущих главах – бизнес, структуры власти, общественные организации и так далее.

Так, функцию трансляции культурной памяти города выполняют институты сферы образования (например, школьные учебники истории содержат определенную информацию о городском прошлом), которая также нуждается в управлении. Определенную роль в городской коммеморации могут играть бизнес-структуры, которые заинтересованы в поддержании уникального образа города и его продвижении для создания привлекательной инвестиционной среды, условий для развития туризма и т.д. Так, на территории Великого Новгорода названия ряда точек питания, как и ассортимента их блюд, нередко связаны со средневековым прошлым Великого Новгорода: «Юрьевское Подворье», «Сударушка», «Сытый гусь», «Русская изба», «Ганзейский двор». Кроме того, политические институты определяют векторы и содержание культурной памяти, отвечая на вопрос «что помнить» и «зачем помнить». Со стороны городских властей коммеморативные практики являются частью культурной политики или политики памяти, а также стратегий развития города, городской культуры, которые нередко зафиксированы в нормативных документах. Специалисты, работающие в области культурной политики города подчеркивают, что в

Великий Новгород – один из центров славянской истории, культуры и письменности, это место где сформировалась культура книжности, где появился «один из древнейших центров книгописания на Руси, где накапливалось и сохранялось уникальное книгохранилище летописей, сочинений церковного и светского характера, юридических и государственных документов» [Бежовец, 2015, с. 44], и в сохранении этого наследия особое значение принадлежит библиотекам, театрам, музеям, СМИ.

Важность формирования инструментов и стратегий сохранения культурной памяти города обозначается и на уровне Правительства Новгородской области. В 2022 году была разработана Концепция развития культуры Новгородской области до 2026 года [Распоряжение Губернатора Новгородской области 05.07.2022 № 202-рг Великий Новгород «*Об утверждении Концепции развития культуры Новгородской области до 2026 года*», <https://www.novreg.ru/upload/iblock/8d9/48453136.pdf>], где подчеркивается, что город имеет 37 памятников и ансамблей, входящих в Список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, а миссия культурной политики региона заключается в том, чтобы сфера культуры стала стратегическим ресурсом и играла существенную роль в процессе преобразования Новгородской области в регион устойчивого социально-экономического развития. Стратегия культурной политики, а также ключевые принципы сохранения памяти города изложены в программе «Развитие сферы культуры и молодежной политики Великого Новгорода на 2021-2025 годы» [Постановление Администрации РФ 08.12.2020 № 4740 Великий Новгород «*Об утверждении муниципальной программы Великого Новгорода «Развитие сферы культуры и молодежной политики Великого Новгорода» на 2021 - 2025 годы*, https://velikij-novgorod-r49.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/4740.pdf], где также подчеркивается, что город является одним из российских центров возникновения древнерусской культуры, городом книжности, летописания, образования и распространения грамотности, местом рождения

древнерусской живописи, древнерусских книг («Новгородская Псалтырь» и «Остромирово Евангелие»), местом находок и хранения берестяных грамот. Городское прошлое рассматривается в Программе как символический ресурс, поскольку город планирует использовать его как основу для формирования туристической привлекательности Великого Новгорода, для создания позитивного образа города, а также как фактор развития сферы культуры.

О реализации стратегических планов в отношении сохранения и актуализации эпизодов культурной памяти города могут свидетельствовать не только проведение фестивалей и реконструкций, но и создание новых музеев, а также определение памятных дат, создание мест памяти и так далее. В частности, в 2014 году был принят закон Новгородской области об установлении памятных дат [Закон Новгородской области от 02 июня 2014 года № 553-ОЗ «О памятных датах Новгородской области», принят Постановлением Новгородской областной Думы от 28.05.2014 № 1069-5 ОД, <https://docs.cntd.ru/document/412308572?ysclid=lpqvb779je901326630>], куда, в том числе, вошли такие, которые ежегодно сопровождаются городскими мероприятиями и направлены на сохранение всех трех обозначенных выше слоев культурной памяти города: а) день освобождения города Новгорода от немецко-фашистских захватчиков - 20 января; б) день нахождения первой берестяной грамоты - 26 июля; в) день памяти композитора, дирижера, пианиста Рахманинова С.В. - 28 марта; г) дни зарождения Российской государственности - 21 - 23 сентября. Установление памятных дат поддерживает указанные три слоя культурной памяти Великого Новгорода.

Что касается открытия новых памятников и музеев, то за последние 20 лет в городе были возведены, помимо Стелы «Город воинской славы» (в знак признания военного подвига города в годы войны) и «Ганзейского знака» (увековечивание «ганзейского нарратива», связанного со средневековым слоем культурной памяти города, о котором речь шла в предыдущих главах), преимущественно монументы известным личностям города, которые так или иначе связаны с культурой и историей города: композитору С.В.

Рахманинову в Кремлёвском парке, фольклорному персонажу «Садко», новгородскому литератору Д.М. Балашову – автору произведений «Господин Великий Новгород» и «Марфа Посадница», государственному деятелю Гавриилу Державину, герою и автору берестяных грамот «Мальчику Онфиму», Ярославу Мудрому у здания Новгородской технической школы НовГУ (См. Приложение 5, Рис. 7).

Что касается вновь открытых музеев, то в 2021 году в Великом Новгороде появился «Музей письменности», который закрепил ценность представлений новгородцев о своем городе как о центре славянской письменности, грамотности и книжности (в экспозициях представлены памятники письменности начиная с XI века, граффити церкви Благовещения на Городище, древние надгробные плиты и кресты, берестяные грамоты новгородцев, древнейшие рукописные книги). Также в 2021 году открылась Реставрационная мастерская Грековых в Новгородском Кремле, которая знаменовала собой институциональное закрепление уникального опыта реставраторов по восстановлению новгородских фресок, которое осуществлялось в церкви Спаса Преображения на Ковалеве (1380 год) после Великой Отечественной войны. Среди частных музеев следует отметить открытый в 2019 году Музей каменных жерновов, где авторы по своей инициативе собрали коллекцию, которая включает в себя более ста жерновов и точильных камней весом более 500 кг, тем самым сохраняя память о каменных артефактах, которые сопровождали быт древних новгородцев.

Для сравнения отметим, что в других российских городах частные музеи сохраняют иные слои памяти и, соответственно, актуализируют иные образы городского прошлого. Так, в Санкт-Петербурге стали популярными частные музеи, которые хранят персонифицированные образы городского прошлого, рассказывающие об уникальных фрагментах культурной памяти города. В одном из домов на 8-ой линии Васильевского острова функционирует музей П.П. Семенова-Тян-Шанского, направленный на сохранение памяти о

научных традициях города, в частности, Русского географического общества (РГО), через образ его вице-председателя [Семенова, 2017].

Коммеморативные практики как часть мемориальной культуры города.

Среди обозначенных нами практик городской коммеморации особую роль в процессе поддержания культурной памяти города, как мы полагаем, играют такие из них, которые непосредственно выполняют мемориальную функцию, т.е. непосредственно направлены на сохранение и актуализацию памяти. Подобные практики обладают выраженным признаком коммеморативности, поскольку они предполагают целенаправленное конструирование памяти и, тем самым, становятся частью мемориальной культуры или культуры коллективных воспоминаний. Следует согласиться с современными учеными, полагающими, что мемориальная культура включает в себя «совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах публичной и частной мемориальной деятельности» [Ярычев, Функциональный потенциал..., 2022, с. 157]. В связи с этим, в мемориальную культуру входят не только практики сохранения памяти и места памяти, но и символические аспекты актуализации памяти, которые выражаются в ценностных ориентациях современников по отношению к репертуару поддерживаемых образов прошлого, а также поведенческих и институциональных практик, связанных с коммеморацией.

Мемориальную функцию в городе, в частности, выполняют такие коммеморативные практики, как процесс создания или, напротив, сноса памятников, установление памятных дат, примеры которых мы приводили выше. Следовательно, коммеморативные практики являются результатом выбранной стратегии политики памяти города, в рамках которой определен репертуар образов городского прошлого, подлежащий памятованию. В связи с этим, проблематика мемориальной культуры (а вместе с тем и содержание

культурной памяти города) является «составной частью политической культуры демократического общества» [Ассман, Новое недовольство..., 2016, с. 7], где большое значение приобретают управляемость динамичного процесса памятования и выработка политики культурной памяти города.

При этом, как показывает мемориальная практика Германии, всесторонне раскрытая в работах А. Ассман, существенное воздействие на формирование мемориальной культуры, определяющей направление коммеморативной политики, оказывают не только структуры власти, но и общественность – деятели искусства, ученые, журналисты, представители институтов гражданского общества. Иными словами, культурная память города, если исходить из обозначенной позиции, формируется в результате определенного воздействия на то, как современникам воспринимать прошлое и что помнить. Именно поэтому П. Нора пишет о сконструированности коммеморации, поскольку коммеморативные практики воспроизводят скорее следы прошлого, предлагая тем самым и термин «ремоморация» как особую стратегию управления отношения к прошлому исходя из интересов настоящего. Он пишет, что «память – не воспоминание, но общая экономия и управление прошлым» [Нора, 1999, с. 84].

В связи с этим, мемориальная культура становится тем ценностно-политическим вектором, который задает контуры коллективных представлений о городе. Следовательно, городская коммеморация управляема и проектируема, однако важно понимать последствия ее направленности, что вызывает необходимость критической рефлексии актуализируемых культурных смыслов. Как подчеркивает А. Ассман, перед мемориалами стоит задача сохранения элементов индивидуальной памяти, но архивы с данной задачей не справятся, поэтому нужны «выставочные экспозиции, циклы публичных выступлений, общественные форумы», а также по-новому теперь рассматривается «роль СМИ, литературы и кинематографа» в этом процессе [Ассман, Новое недовольство..., 2016, с. 140]. Несмотря на то, что исследовательница относит данный тезис к

проблеме формирования культурной памяти нации, все же он не менее актуален и для культурной памяти города.

Коммуникация как условие коммеморативных практик.

Как мы отмечали ранее, динамика культурной памяти города связана с обновлением смыслов, или смыслообразованием, и лишь в коммуникативных процессах происходит трансляция смыслов и их постижение людьми, которые и являются основными носителями культурной памяти. Согласно Я. Ассману, культурная память присутствует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами», это «метоним для физического контакта между помнящим разумом и напоминающим объектом» [Assmann, *Communicative and Cultural Memory...*, 2011, с. 7]. Памятник, имя, поэма, ритуал сами по себе не станут частью коммеморативных практик, пока не будут включены в процессы взаимодействия.

Именно в коммуникации как движении смыслов во времени, пространстве (например, взаимодействие между людьми в рамках события, чтение книги, просмотр массовой аудиторией кинофильма, презентация фотовыставки) происходит генерирование и обогащение смыслов, конструируется коллективное воспоминание. Без коммуникации эпизоды прошлого забываются, культурная память обедняется, а ее наполнение подвергается деструктивному воздействию. Культурная память наполняется содержанием в результате коммуникации точно так же, как и индивидуальная память, когда человек не забывает определенные эпизоды прошлого в результате обращения к фотоальбому или беседы о событиях прежних лет. Следовательно, практики городской коммеморации есть не что иное, как коммуникативный процесс, во время которого конструируется культурная память города и происходит символическая репрезентация конкретной версии городского прошлого.

Подтверждают данные суждения работы Ш. Линд, которая подробно изучала этот процесс на основе вербальных текстов и пришла к выводу, что

память живет лишь в рамках коммуникативного процесса, когда передаются смыслы. Кроме того, для коммеморации, по ее словам, важны не только современники, но и определенное место и набор артефактов, которые требуются для публичных коммуникаций, а также определенный порядок рассказа и постоянного пересказа истории с образами прошлого из поколения в поколение [Linde, 2009, с. 47]. В этом процессе эпизоды культурной памяти становятся частью реальности, особенно при участии медиа, когда они приобретают известность, получают своеобразную оценку и интерпретацию.

В связи с этим, научный интерес к изучению возможностей медиаиндустрии, в рамках которой происходит создание и распространение смыслов, объяснимо растет. Нужно согласиться с мнением ряда европейских исследователей, которые полагают, что «репрезентация прошлого в СМИ является важным фактором, который определяет – какие эпизоды памяти будут считаться актуальными» [Zierold, 2008, с. 405]. Медиа приобрели в современном обществе гипертрофированную роль и являются важнейшими посредниками в публичном коммуникативном процессе. По мнению ученых, мы живем в мире медиа, поскольку именно они создают символическую среду нашей жизни, от них «приходит большинство символических стимулов» [Кастельс, 2000, с. 322]. Так, телевидение обладает огромной символической властью - возможностью распространять те или иные представления о самых разных явлениях, поэтому телевидение П. Бурдье называл «инструмент символического угнетения» [Бурдье, О телевидении..., 2002, с. 25], оно формирует и конституирует ценности, жизненные установки, идеалы. Образы городского прошлого формируются в массовом коммуникативном пространстве, создаваемом с помощью медиа, где к смыслам прикрепляются статусы и имена, происходит интерпретация и генерирование значений. Имея возможность влиять на представления и мнения о любых практиках, медиа конструируют культурную память города.

Известный теоретик коммуникации Н. Луман полагает, что «смысл может актуализироваться исключительно лишь событийным образом»

[Луман, 2005, с. 15], т. е. создание событий является условием конструирования смыслов. Такого рода события (совместные бытия) - фестивали, праздники, акции, конкурсы, семинары - предполагают включение горожан в процессы коммуникации, когда актуализируются смыслы, в том числе, и такие, которые хранят культурную память города. К таковым относятся как официально-мемориальные события (митинг, возложение, чтения, форумы, конференции), так и события культурно-творческой направленности, способные за счет выразительности художественно обогатить образы городского прошлого.

Таким образом, городская коммеморация – это процесс поддержания и актуализации смыслов города, сохранение образов городского прошлого в современном городском пространстве. Городская коммеморация является тем феноменом, который не дает забвению одержать верх над воспоминаниями о городе, позволяет сохранять символическую связь современным горожанам с эпизодами городского прошлого, поскольку культурная память города не возникает сама по себе, она поддерживается искусственно – фестивалями и реконструкциями, открытием музеев, топонимикой, установлением памятных мест и дат, поэтому не пропадает с исчезновением отдельных горожан или их поколений. Сущность городской коммеморации раскрывается в функционировании определенных практик, которые представляют собой конкретные способы поддержания культурной памяти города и тем самым формируют городскую идентичность. Практики городской коммеморации «оживляют» отдельные фрагменты городского прошлого, оказывая влияние на структурирование идентификационных кодов города, они способствуют превращению воспоминаний из индивидуальных в коллективные.

Коммеморативные практики города могут быть эмоциональными и когнитивными, перформативными, институциональными, отличаться в зависимости от носителей культурной памяти, транслирующих образы городского прошлого в многообразных процессах коммуникации.

Коммуникация является условием городской коммеморации, обеспечивая процессы генерирования и трансляции смыслов города.

Среди коммеморативных практик города особое значение в поддержании коллективных воспоминаний города играют такие из них, которые непосредственно выполняют мемориальную функцию как результат политики памяти города, определяющей репертуар культурных смыслов города, подлежащих памятованию. В рамках такого рода практик решаются вопросы установки памятников, памятных дат, памятных мест в городе, что открывает для городских элит возможности проектирования культурной памяти города и, соответственно, целенаправленного использования ее символического ресурса. От наполнения смыслового резервуара культурной памяти зависит то, как мы воспринимаем город сегодня, поэтому практики коммеморации способны влиять на будущее современных городов.

6.2. Культурная память Великого Новгорода в условиях цифровой культуры

Помимо обозначенных выше коммеморативных практик, которые обеспечивают поддержание в актуальном состоянии тех или иных слоев культурной памяти города, современная цифровая культура детерминирует новые тенденции в данном процессе, продуцируя цифровизацию процессов функционирования коллективной памяти. Данный аспект актуализируется в связи с тем, что сохранение культурной памяти того или иного сообщества находятся в прямой зависимости от развивающихся технологий в способах ее передачи. Сюда мы относим как средства коммуникации, которые обеспечивают репрезентацию образов городского прошлого, так и специфику акторов, функционирующих в условиях цифровой культуры. В связи с этим, в данном параграфе выявим – каким образом цифровая культура трансформировала процессы сохранения и трансляции культурной памяти города. Решение подобных исследовательских задач позволит научно

объяснять и прогнозировать развитие процессов сохранения и актуализации образов городского прошлого, учитывать тенденции в городской коммеморации, связанные, прежде всего с развитием цифровой культуры.

Следует согласиться с современными культурологами, которые полагают, что современная эпоха характеризуется функционированием цифровой культуры как определенным этапом культуры, который «соответствует цифровому обществу» [Кузнецова, 2018, с. 233]. Цифровая культура произвела мощные социокультурные изменения, которые безусловно отразились и на процессах сохранения и актуализации культурной памяти города, которые теперь происходят также в цифровых коммуникациях, опосредованных цифровыми устройствами и предполагающими наличие цифровых технологий в трансляции мультимедийного контента для массовой аудитории.

Цифровая культура существуют в условиях растущей виртуализации и визуализации реальности. Кроме того, цифровая культура предполагает бесконечную интерактивность коммуникативного пространства, а тексты цифровой культуры находятся в стадии постоянного изменения или интерпретации. Накопление социального опыта нередко осуществляется в виртуальной среде, характеризующейся оперативностью обмена информацией, а на смену традиционным артефактам, которые мы наблюдали в музеях, теперь используется виртуальный артефакт, который доступен на веб-страницах сети Интернет или в «облаке».

Цифровизация реальности существенно повлияла на все аспекты развития человечества от экономики до прорывных научных открытий. Ключевую роль в интенсивном развитии цифровых коммуникаций сыграло появление ряда электронных медиа, а также информационных и компьютеризированных технологий и программных продуктов, обеспечивающих постоянную связь, мобильность и регулярную возможность взаимодействия: электронная почта, «Messengers», «WhatsApp», чаты, вебинары, телеконференции и пр. Специфику новой информационной среды

подробно раскрывает социолог Г. Рейнгольд, когда говорит, что «электронная обработка текста и виртуальные сообщества, eBay и электронная торговля, Google и веб-логи с репутационными системами» [Рейнгольд, 2006, с. 256] появились в результате симбиоза мобильной связи, повсеместной компьютеризации информационно-коммуникативных технологий. В связи с этим, цифровизация реальности оказала влияние на многие социальные и культурные процессы, вызвав изменения в принципах и условиях передачи коллективного опыта.

Как подчеркивают исследователи, цифровые медиа в наши дни оказывают доминирующее влияние на повседневную жизнь и социальное поведение людей [Leyva, 2020], вызывая социальные и культурные риски, одними из которых являются и радикальная смена повседневной жизни молодежи, и фрагментация, индивидуализация общества [Кравченко, 2019, с. 50]. Цифровые коммуникации, которые нередко заменяют людям непосредственное общение, неизбежно влияют на определение границ идентичности, вызывая «слияние цифрового и реального «Я» в единую цифровую публичную идентичность» [Лисенкова, 2020, с. 65].

Из цифровой среды, в которую теперь нередко погружен человек, имеющий доступ к сети Интернет, приходит большинство стимулов, установок, стереотипов, которые влияют на ценности и нормы современных и, прежде всего, молодых, людей. Интернет-пространство – это не только источник поиска нужной информации, но и место реализации множества социальных коммуникаций, в том числе, познавательных и игровых. Поэтому «на смену машинному производству товаров приходит царство масс-медиа и производство зрелищ, на смену культу труда - культ потребления, на смену поддержания существования как основного мотива труда - мотив компенсации» [Дудник, 2020, с. 17]. Цифровая культура детерминирует особый тип медиапотребления у современного поколения, который непосредственно связан с процессами социализации и самоактуализации [Dunas, 2020, с. 233] в условиях виртуального пространства, которое

минимизирует сферу частного в ущерб повсеместной прозрачности [Назаров, 2018].

В связи с этим, мы полагаем, что цифровая культура маркирована появлением нового типа человека – человека цифровой культуры («digital man»), для которого характерно повседневное использование цифровых устройств для самых разных типов коммуникаций, в том числе, для взаимодействия с людьми и передачи социального опыта. Ключевые аспекты цифровой культуры - цифровые коммуникации и цифровые медиа - обусловили возможность взаимодействия большого количества людей, которое происходит опосредованно, в виртуальной среде, характеризующейся оперативностью обмена информацией и динамичным обновлением повседневных ценностей (на онлайн-форумах, в социальных сетях, через блоги, приложения, онлайн-трансляции мероприятий и событий, компьютерные игры).

Цифровизация общества отразилась и на процессах сохранения и актуализации культурной памяти города, в частности, на носителях культурной памяти, на особенностях городской коммеморации, в основе которой лежат коммуникативные процессы. Цифровая культура вызвала трансформацию процессов сохранения и передачи коллективной памяти, поскольку процесс движения смыслов во времени и пространстве осуществляется с помощью цифровых технологий, цифровых площадок, цифровых носителей.

Во-первых, артефакты, которые мы рассматриваем в качестве носителей культурной памяти города, сегодня могут быть оцифрованы, что предполагает и новые формы коммеморативных практик, использующих цифровые сервисы. Как полагают исследователи, «цифровое общество и развитие информационных технологий вносят свою лепту в сохранение культурного наследия и способствуют появлению современных форм его презентации» [Краснова, 2022, с. 139], что привело к формированию феномена так называемого «цифрового наследия» [Буркальцева, 2022;

Горлова, 2019; Петров, 2014]. Не только разрушение носителей культурной памяти или их повреждение, но и возможности цифровых технологий способствовали тому, что стало появляться все больше сервисов и программ, которые стали способствовать цифровизации культурного наследия [Царева, 2023, с. 2704].

Между тем, сам процесс оцифровки носителей культурной памяти, и особенно, редких и ценных, весьма сложен. Особенно это касается древних рукописей. Такого рода инициативу реализуют, прежде всего, те учреждения культуры, которые обладают редкими фондами и имеют возможность использовать специальное оборудование, с помощью которого происходит оцифровка письменных источников. В частности, по инициативе Российской национальной библиотеки начался процесс оцифровки коллекции средневековых рукописных книг, которые хранятся в разных городах, в том числе, и в Великом Новгороде, причем авторы этого проекта называют данный процесс как «оцифровка коллективной памяти» [Глезеров, 22 ноября 2023]. В 2022 году между РНБ и Новгородским музеем-заповедником было заключено соглашение о постепенной оцифровке средневековых новгородских рукописей и летописей. Кроме того, руководство Новгородского Музея-заповедника и Правительство Новгородского региона в партнерстве с Новгородским университетом заявили о заинтересованности в разработке масштабного цифрового портала, который бы позволил объединить усилия разных специалистов (ученые, ИТ-разработчики, реставраторы) и на основе информационных технологий и средств визуализации осуществлять доступ для широкой аудитории к цифровым аналогам письменных памятников культуры, в частности, в рамках виртуальных выставок.

Речь идет не только о древнейшей новгородской летописи «Остромирово евангелие. Апракос краткий» из собраний Софийского собора (1056–1057) гг. (См. Приложение 5, Рис. 8,9), но и о восстановлении уникальной библиотеки Феофана Прокоповича, одного из сподвижников

Петра I, архиепископа Новгородского, которая насчитывала в 1736 году более 3000 древнерусских изданий, ставших впоследствии частью фонда Новгородской духовной семинарии на территории Антониева монастыря. В 2023 году впервые за последние 100 лет эти книги вернулись в Великий Новгород на территорию Кремля в связи с открывшейся выставкой данных книг, датируемых начиная с XVI века (книги европейских авторов по астрономии, ботанике, медицине) как одним из мероприятий городской коммеморации.

Оцифровка книжных памятников направлена не только на сохранение уникальных носителей культурной памяти Великого Новгорода, которые подвержены воздействию окружающей среды, но и с формированием нового витка культурной памяти города, поскольку ранее часть этих знаковых носителей памяти не была доступна для горожан (письменные источники, хранившиеся ранее Софийском соборе, постепенно были перевезены в Санкт-Петербург и в Москву, в том числе, и во время Великой отечественной войны).

Для восстановления утраченных фрагментов книжных памятников современные специалисты используют искусственный интеллект. В частности, Новгородский музей-заповедник в рамках партнерства с проектом «Яндекс. Архив» приступил к восстановлению утраченных фрагментов на цифровых аналогах древних рукописей с применением нейросети, которая имеет способность расшифровки утраченных частей надписей на основе оптического распознавания текста в древних рукописях, а также переводить сложные для восприятия надписи в простой печатный текст. Цифровые технологии с программным обеспечением на основе искусственного интеллекта позволяет оперативно читать на современном русском языке древние новгородские тексты, а, значит, транслировать и закреплять в коллективной памяти новые фрагменты прошлого, делать их доступными для самых разных аудиторий.

Технологии оцифровки используют и современные библиотеки, которые

применяют специальные сканеры для оцифровки библиотечных и музейных фондов на основе бесконтактной работы с экспонатом.

Появление цифровых аналогов, копий носителей культурной памяти привело к необходимости правового регулирования хранения и обработки цифрового документа, имеющего определенную ценность. Поэтому сегодня все чаще обсуждаются вопросы регламентации процессов деятельности библиотек, архивов, музеев и сохранения «созданных в цифровом формате документов и оцифрованных копий физических и аналоговых объектов» [Сохранение цифрового наследия..., 2021, с. 294].

Во-вторых, развитие цифровых технологий привело к повышению значимости мягких носителей культурной памяти города, поскольку стал более удобным и доступным процесс представления фрагментов памяти в цифровых форматах, прежде всего, в сети Интернет – как визуальных носителей (фотографий, кинолент), так и вербальных (письменных памятников, в том числе, на порталах музеев и библиотек). Также произошли изменения и в процессах передачи культурной памяти города через жесткие носители, поскольку архитектурные композиции или монументы, хранящие видимые образы городского прошлого, теперь могут быть размещены на веб-порталах или стать частью визуальных сообщений города в цифровых коммуникациях. Поэтому сегодня все чаще на интернет-порталах осуществляется виртуальная репрезентация образов городского прошлого – в виртуальных музеях, посредством виртуальных экскурсии, что меняет принципы сохранения культурной памяти города. Она стала возможной с развитием информационных технологий и цифровых устройств, позволяющих человеку посредством видео и фото текстов, инфографики, комментариев виртуально посетить места культурной памяти города (например, архитектурные памятники) и даже стать виртуальным участником (например, наблюдателем) исторической реконструкции в прямом эфире.

Среди виртуальных репрезентаций образов городского прошлого популярен формат виртуальных экскурсий [Чугуевская, 2018], который

внедряется в разных городах России. Он стал востребованным, поскольку заменяет для человека эффект присутствия на мероприятии. Журнал «RUSSPASS» (<https://mag.russpass.ru/rubric/instrukcii/15-luchshih-virtualnyh-turov-po-muzeyam-rossii>) на своем портале опубликовал в июне 2023 года 15 лучших виртуальных туров по музеям России с подробным описанием и характеристикой, а также ссылками на виртуальные туры в Москве, Туле, Санкт-Петербурге, Суздале и в других городах.

В Великом Новгороде виртуальные экскурсии существуют уже не первый год в новгородских музеях, что делает знакомство с культурными артефактами, хранящими образы городского прошлого, более доступным для многих аудиторий. С помощью виртуальной экскурсии любой желающий может не только увидеть фрески Феофана Грека, но и совершить виртуальный тур по новгородским местам памяти, которые расположены в регионе, в частности, посетить Дом–музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе или Иверский монастырь в городе Валдай. Над разработкой новгородских виртуальных экскурсий, «составлением каталога, созданием виртуального пространства и оцифровкой вместе с сотрудниками музея работали эксперты Минкульта РФ» с использованием новейших технологий, результатом чего стали «панорамные интерьеры залов и памятников», которые также можно увидеть и на портале «Культура.РФ» [Жукова, 2019, с. 363]. Согласимся, что «просмотр виртуальных туров влияет на когнитивное воображение места показа, оказывает наиболее сильное эмоциональное воздействие на потребителя по сравнению с привычными инструментами продвижения» [Стрельникова, Технологии виртуальной реальности..., 2021, с. 7].

К виртуальным способам трансляции эпизодов культурной памяти города может отнести и виртуальные панорамные туры по городу, которые создаются на многочисленных сайтах с целью представить город для разных аудиторий с помощью видео-обзоров или фотопанорам, предоставляющих возможность приближать или поворачивать тот или иной объект городской

среды. Так, Великий Новгород виртуально представлен на самых разных интернет-ресурсах: от специально разработанных порталов (например, портал «Весь Великий Новгород» - <http://map.ves-novgorod.ru/>), который посвящен панорамам и картам Великого Новгорода и Новгородской области до предложений совершить специально разработанную виртуальную прогулку (например, на портале «Губкин.сити» - <https://gubkin.city>) или познакомиться с историей и культурой древнего города («Господин и государь Великий Новгород. Цикл виртуальных экскурсий» - <http://www.k2000.ru/nve/>).

В-третьих, поскольку для цифровой культуры характерна визуализация контента, то на интернет-ресурсах, в которых происходит репрезентация образов городского прошлого, используется преимущественно визуальные тексты, как правило, изображения или видеоролики, которые нередко сопровождаются комментариями. Причем такого рода тексты являются, по нашему мнению, цифровыми носителями культурной памяти города, которые размещаются на веб-страницах сети Интернет.

В частности, цифровое моделирование архитектурных памятников является одним из современных способов визуализации объектов культурного наследия. Так, в Новгородском университете с 2022 года в рамках Стратегического проекта «Университет как генератор культурной идентичности» реализуется проект «Технологии информационного моделирования как инструмент генерации культурной идентичности» с целью создания так называемых «цифровых двойников» новгородских архитектурных памятников на основе лазерного сканирования и фотограмметрии. Ученые к 2023 году оцифровали 6 объектов: церковь Петра и Павла в Кожевниках XV в., церковь Спаса на Ковалёве XIV в., церковь Андрея Стратилата XVII в., здание Митрополичьих покоев Новгородского Кремля XVII в., Покровский собор Зверина Монастыря XIX в., Георгиевский собор Юрьева монастыря XII в. Цифровые модели создаются на основе «облака точек», что позволяет получить сверхточные цифровые копии

архитектурных объектов. В 2023 году авторы проекта приступили к новой задаче – воссоздание объектов архитектуры, которые имеют серьезные разрушения. В частности, в 2024 планируется получить три цифровые модели церкви Благовещения на Рюриковом городище (XII век, XIV век и настоящее время), что позволит ученым и широкой аудитории увидеть новгородский памятник в трех временных плоскостях. В будущем будет возможно и создание цифровой модели древнего Новгорода с улицами, домами и в целом визуальным аутентичным обликом городской среды, что станет новым этапом в цифровизации коммеморативных практик.

Виртуальные образы объектов городской среды, являются источником смыслов, закрепляющих в коллективной памяти характер, стиль, формы города, причем с конкретных ракурсов и в определенном свете. При этом пользователь цифровых ресурсов становится одновременно зрителем и участником, включенным в процесс создания и трансляции образов городского прошлого, когда, например, делает «репост» опубликованных в сети Интернет текстов.

В связи с этим, важно отметить, что визуальный контент цифровых коммуникаций, в которых осуществляется трансляция эпизодов городского прошлого, находятся в стадии постоянного изменения, поскольку акторы коммеморации их могут интерпретировать, комментировать, менять содержание контента, добавлять новые фотографии и сюжеты. Кроме того, для цифровой культуры характерно наличие простых мультимедийных текстов, которые несут редуцированную информацию о городе. В частности, такого рода цифровой контент о Великом Новгороде представлен на следующих интернет-ресурсах в зависимости от назначения контента:

- официальные интернет-сайты («Новгород.ру», официальные сайты администрации города и области, портал «Весь Новгород»);
- туристические интернет-сайты («Новгородика», «Офис Туризма Великого Новгорода», «Красная изба», «VISITNOVGOROD»);

- историко-культурные порталы («Древний город», «Новгородские страницы», «Культура.натм», «Новгородика для детей» и пр.);
- медийные интернет-ресурсы («53 новости», «Вести-Великий Новгород», «Новгород.ру», интернет-газета «Соседи» и пр.);
- интернет-форумы («Форум умных людей», форум «Новгород.ру», форум портала «Весь Великий Новгород» и пр.).

Так, контент веб-страницы портала «Весь Великий Новгород» (<http://ves-novgorod.ru/>) содержит на главной странице изображения, которые воспроизводят визуальные образы ключевых мест памяти как для новгородцев, так и для гостей города – Софийский собор и Памятник тысячелетия России, что является одним из проявлений коммеморативных практик в эпоху цифровой культуры. В рамках этого процесса визуальные тексты, размещенные на цифровых платформах, становятся инструментом поддержания культурной памяти Великого Новгорода в коллективных представлениях горожан, туристов и прочих социальных групп.

Поскольку культурная память города структурируется через визуализацию смыслов, передающихся пользователю цифрового устройства, который также может участвовать в процессе актуализации определенных слоев памяти, то феномен коммеморации может быть переосмыслен на основании повышения значимости цифрового коммуникативного пространства, связывающего большое количество людей в сети Интернет.

В связи с этим мы полагаем, что культурная память города в наши дни формируется под воздействием акторов коммемораций в цифровой среде. Акторы коммеморации, интерпретирующие в цифровом коммуникативном пространстве городское прошлое и формирующие ценностное отношение к образам прошлого за счет доверия, авторитета, власти, способствуя превращению воспоминаний из индивидуальных в коллективные. По мнению исследователей, «способы представления и передачи в пространстве устной, письменной и электронной среде культуры изменили форму и контекст» [Çetinkaya, 2020, с. 139]. В частности, исследования особенностей

структурирования памяти города с помощью блоггеров, на примере турецких «Travel Blogs», которые стали «новым пространством культурной памяти» [Çetinkaya, 2020, с. 139], показали, что виртуальные путешественники существенно влияют на репрезентацию городского образа.

Актеры коммеморации, влияющие на содержание и отбор тех образов городского прошлого, которые остаются объектами коллективного воспоминания, заметно изменились в последние десятилетия, что является следствием роста значимости цифровых коммуникаций в процессах передачи социального опыта и коллективной памяти. В цифровую эпоху к таким относятся все те, кто производит контент в интернет-ресурсах и в цифровых приложениях, сервисах, программных продуктах, влияя тем самым на актуализацию культурной памяти города. В частности, сюда относятся:

а) цифровые медиа, как современный тип медиаиндустрии, осуществляющий массовую коммуникацию в виртуальном пространстве, и транслирующие образы городского прошлого;

б) официальные веб-порталы, сайты городов и городских организаций, в которых сконцентрирована информация о городе, подлежащая сохранению с позиции администрации города;

в) производители информации научного и образовательного характера, сообщества и общественность, которые представляют разные версии прошлого, в том числе, и альтернативные, размещая их на цифровых платформах.

г) индивидуальные актеры коммемораций – активные создатели и пользователи интернет-пространства, которые создают и распространяют характерные для цифровой эпохи форматы с индивидуальными отзывами и рассказами о городах и их культурном наследии, включая блоггеров и «тиктокеров»;

д) виртуальные игры и сервисы, которые созданы на основе современных цифровых технологий, позволяющие воспринимать и осмысливать образы города с помощью дополнительных аспектов реальности.

Актеры коммеморации цифровой эпохи, трактующие коллективное прошлое и представляющие собственную картину прошедших в городе событий, могут осуществлять свою деятельность, в частности, в рамках проектов «альтернативная история» (Альтернативная История - полный каталог статей: <https://dzen.ru/a/YTDhvlfh-A-Nxlpn>; Форумы Альтернативной истории: <https://fai.org.ru/forum/Кузнецова>, 2018, с. 233) или «неизвестная история». Авторы цифровых площадок публикуют тексты, ссылая часто на научные источники, в которых содержатся определенные образы городского прошлого, которые иногда противоречат официальным версиям. Так, в Великом Новгороде в сообществе «Альтернативное краеведение Новгородской области» (<https://vk.com/club9048264?ysclid=lr7f3pj6h332023693>) в социальной сети «ВКонтакте» публикуются тексты о значимых событиях истории и культуры города, которые могут претендовать на альтернативный взгляд. Кроме того, на российском интернет-портале, посвященном альтернативной истории опубликована статья «Альтернативная история России: столицей стал Великий Новгород» (<https://bravedefender.ru/alternativnaya-istoriya-rossii-stolitsej-stal-velikij-novgorod/?ysclid=lr7gaem3qy812563943>), позволяющая воспроизвести прошлое города в иной версии.

Однако существуют и иные способы интерпретации городского прошлого, связанного с Великим Новгородом. Так, на одном из каналов «Дзен» существуют публикации («Загадки Великого Новгорода. Версия Новой Хронологии»: https://dzen.ru/a/YOxmODB_qDrW0qcp), где авторы, в частности, подвергают сомнению правильную датировку постройки Софийского собора, полагая что храм был построен не ранее XVII века, а также и статус Великого Новгорода как одного из «ганзейских городов», поскольку, якобы, путь «из варяг в греки» не мог проходить через данный город, поскольку главный российский торг был скорее в Ярославле.

Цифровые медиа приобрели особую популярность в последние десятилетия, например, социальные сети («ВКонтакте») или сервисы по

обмену видеороликами («RUTUBE»), в которых передаются небольшие по объему и, как правило, визуальные тексты для самых разных целевых аудиторий – туристы и путешественники, студенты и так далее. Цифровые медиа имеют особенности, которые существенно меняют весь процесс сохранения и передачи культурной памяти города. Следует отметить не только динамичность и постоянное обновление медиаконтента, но и интерактивность цифровых коммуникаций, а также мультимедийность текстов. Постоянная динамика цифровой реальности и информационный шум требуют поддержки культурной памяти, непрерывного процесса «припоминания» аутентичности городского опыта.

Исследования репрезентации города в социальных сетях позволяют сделать вывод о том, что такого рода коммуникативные площадки формируют своеобразный симбиоз значений, который закрепляется за этим местом и, тем самым, участвует в генерировании новых оттенков данного смысла. Как отмечают исследователи, «освоение обывателем городского пространства, зафиксированное как визуальные факты в социальной сети, формирует социальный конструкт общественного места, который посредством сетевых медиа становится унифицированным образом: образом «возвышенного» места памяти» [Басина, 2019, с. 200].

Образы прошлого Великого Новгорода хранят и передают различные страницы веб-сайтов, а его визуальный образ многогранно представлен на многих цифровых платформах видеохостинга. Так, в социальной сети «ВКонтакте» функционируют сообщества, посвященные Великому Новгороду («Типичный Великий Новгород», «Великий Новгород сейчас», «Господин Великий Новгород»). Следует заметить, что на титульной странице сообщества «Великий Новгород сейчас» (<https://vk.com/vnnow?ysclid=lr7h48kl6x236534241>) социальной сети «ВКонтакте» изображены ключевые для новгородцев места памяти – Софийский собор и Памятник тысячелетия России. Тогда как контент сообщества «Господин Великий Новгород» (<https://vk.com/gospodinvn>)

социальной сети «ВКонтакте» формирует значимость определенных слоев культурной памяти города и конкретных образов городского прошлого в представлениях новгородцев, которые посещают данный интернет-ресурс, насчитывающий к концу 2023 года более 27 тысяч подписчиков. Так, в новостной ленте сообщества от 1 сентября 2023 года представлена новость о том, что на стене одного из домов города на улице Павла Левитта появился новый мурал по мотивам рисунков мальчика Онфима (См. Приложение 5, Рис. 10). Ранее мы отмечали, что данный новгородский персонаж из найденных в результате археологических раскопок берестяных грамот является одним из персонифицированных образов культурной памяти Великого Новгорода. Помимо памятника, который установлен в Великом Новгороде, образы мальчика Онфима, берестяных грамот и рисунков средневекового новгородца сохраняется в культурной памяти города посредством изображений на улицах города в виде мурала, а также и с помощью размещения данной информации на интернет-ресурсах, несущих соответствующие образы в цифровой среде. 26 августа 2023 года на данном интернет-ресурсе вышел также пост о находках археологов, которые обнаружили рунические надписи на предметах из дерева и кости, предположительно относящиеся к XII веку на раскопе в том месте, где находился так называемый «Немецкий двор» - некий «филиал» Ганзейского союза, который предназначался для ганзейских купцов, осуществляющих торговлю в Великом Новгороде. Такого рода сообщения закрепляют образы ганзейского нарратива в культурной памяти Великого Новгорода.

Следует отметить, что цифровые медиа действуют в иной логике подачи массовой информации и ее отбора. Контент традиционных медиа создавался людьми, обладающими профессиональными компетенциями (журналисты, писатели), что гарантировало определенный уровень текстов. Цифровые медиа предполагают возможность активного пользователя, который не только самостоятельно может создавать контент для миллионной аудитории, но и распространять его с помощью специальных программ, сервисов, а

также интерпретировать тексты других пользователей. Следствием этого стало появление новой коммуникативной роли в производстве цифрового контента, которая совмещает в себе отправителя и получателя информации.

Как мы отметили ранее, культурная память города может формироваться в цифровых коммуникациях, в том числе, посредством участия индивидуальных акторов коммеморации, в частности, блогеров, которые нередко являются любителями и часто передают свой субъективный опыт в познании и передаче образов городского прошлого. Блогеры пишут не только о своих городах, в которых они проживают, но и о тех, в которых они бывают, причем чем больше у блогера подписчиков, тем более влиятельным будет их мнение, которое может оказывать влияние на городскую коммеморацию.

Так, в 2023 году в рамках проекта «Места» (<https://vk.com/vkmesta?ysclid=lr7l7x07p9115720920>) блогеры Влад Левский, Хасл и Никита Златоуст участвовали в создании киноэссе о Великом Новгороде, чтобы поделиться своими впечатлениями о нем с миллионами подписчиков (См. Приложение 5, Рис. 11). Авторы будущего ролика, в частности, заметили, что древний город хранит уникальную культуру, а их погружение в средневековые традиции было осуществлено посредством знакомства с древними гуслиями (в Центре музыкальных древностей хранятся образцы средневековых пятиструнных новгородских гуслей), с боевым ходом Кремля и через участие в обрядах и народных играх в стенах Музея деревянного зодчества «Витославицы». Тогда как российский блогер Илья Варламов, побывавший в Великом Новгороде, указывает, напротив, что от бывшего величия города и его яркой истории не осталось и следа, а сам город небольшой и провинциальный, что демонстрирует недостаточную убедительность коммеморативных практик, которые бы сохраняли и осуществляли репрезентацию в городской среде эпизодов культурной памяти города. Наконец, в Дневнике путешественника (<https://rutube.ru/video/26d76930ee30aa241961f40d67ebb8c5/?ysclid=lr7q009zox>

724886125) в 2021 году блогеры фиксируют, что дух города передают кремлевские стены и Софийская набережная, а обилие храмов снижает значимость их идентификации, тогда как наиболее уникальным фактом познания Великого Новгорода стало Рюриково городище и частично сохранившаяся церковь Благовещения, куда призвали править первого русского князя (на месте его резиденции в результате археологических раскопок были найдены находки скандинавского происхождения).

В традиционном обществе сохранение и передача коллективной памяти осуществлялась путем долговременного создания специальных объектов (арки, храмы, тексты), которые становились искусственными носителями культурных смыслов, несущих память коллектива – объективированными следами культуры. Веками накопленный культурный опыт коллектива в виде героев, мифов, орнаментов, музыки, поэзии, покроя одежды, кулинарных традиций, по сути, представлял собой живую ткань культурной памяти, которая присутствовала в повседневной жизни людей. В цифровую эпоху эти культурные смыслы размещаются на цифровых площадках и становятся контентом для сервисов (приложений, веб-сайтов), а их репертуар и ценность нередко зависимы от предпочтений и трендов акторов цифровых коммуникаций.

Соответственно, появились новые форматы носителей культурной памяти города, которые мы предлагаем называть цифровыми. К цифровым носителям культурной памяти города мы можем отнести не только цифровые медиа, о которых речь шла выше, но и самые разнообразные цифровые площадки и виртуальные пространства, которые участвуют в репрезентации фрагментов городского прошлого. В частности, к цифровым носителям культурной памяти города относятся социальные сети, интернет-порталы, веб-ресурсы, официальные сайты, виртуальные игры, базы данных. Если мы хотим узнать информацию об истории города, его известных личностях, традициях или праздниках, то вся эта информация есть в цифровом формате, а нам достаточно открыть цифровое устройство и задать соответствующий

запрос в поисковой системе.

К особенностям цифровых носителей культурной памяти города следует отнести не только те, что касаются цифровых медиа (краткость, оперативность обменом информацией, мультимедийность), но и доминирование визуального кода в представлении памятной информации и ее распространении, что мы также ранее отмечали. Цифровая культура в целом характеризуется ростом визуальных сообщений, а цифровые устройства специально предназначены для передачи на экран лаконичной визуальной информации, сопровождающейся краткими сообщениями.

Не менее важной особенностью цифровых носителей является тот факт, что в цифровом формате преобладает редуцированная информация о городе, которая за счет коротких текстов с визуальным оформлением на экране, доступно воздействует на образное мышление и, тем самым, влияет на передачу культурных смыслов. Безусловно, это не исключает наличие традиционных средств передачи памятной информации (литература, кинематограф, живопись), в том числе, и на веб-страницах цифровых медиа, однако, популярность характерных для цифровой эпохи принципов создания и распространения иного рода сообщений растет с каждым годом.

Зарубежные исследователи, которые проанализировали два разных цифровых источника, как способы аккумуляции следов памяти об одном из бразильских городов, отметили, что именно официальный портал муниципалитета в наши дни становится ключевой синтезирующей площадкой, связывающей «память, информацию и культурное наследие» [Damin, 2018, с. 388]. Контент цифровых носителей передает живые и запоминающиеся образы, которые эмоционально закрепляются в памяти коллектива. Экранное представление города, сформированное в цифровых коммуникациях, всегда отмечено определенным стилем – ракурсом улиц, красками зданий, образами людей. Просматривая видеоролик о культурном наследии города на интернет-портале, люди неосознанно запоминают город именно таким, каким он представлен на данном ресурсе, а благодаря

массовости цифровых носителей, эти образы приобретают коллективный характер.

В частности, компьютерные игры – это «неотъемлемая часть современной культуры» [Каминская, Геймификация культурной памяти..., Кузнецова, 2018], а если игра посвящена истории и культуре конкретного города, то она в этом случае будет частью городской коммеморации, поскольку через сюжеты и визуальные образы у играющих формируются соответствующие представления о прошлом, тогда как создатели игры будут влиять на репертуар воображаемых образов городского прошлого. Компьютерные игры могут быть разными по уровню и качеству, включая точность исторических фактов и возможность реального воссоздания визуальных образов городского прошлого.

Так, в Новгородском университете в 2023 году в рамках поддержки молодежных междисциплинарных проектов, интегрирующих исследования проблем сохранения культурной памяти и новгородской идентичности с технологическими решениями, студенческой командой был разработан прототип компьютерной игры для детей и молодежи о древнем Новгороде, где авторы приступили к разработке сценария на основе реальных фактов об истории, культуре, героях средневекового города.

Таким образом, в условиях цифровой культуры кардинально трансформировались все сферы деятельности людей, что не могло не отразиться и на функционировании культурной памяти города, поскольку образы городского прошлого теперь становятся частью контента цифровых коммуникаций, опосредованных цифровыми устройствами и цифровыми технологиями, повышающих виртуализацию и визуализацию передаваемого посредством сети Интернет, контента. Кроме визуализации, цифровая культура предполагает интерактивность коммуникативного пространства, а тексты цифровой культуры находятся в стадии постоянного изменения или интерпретации. Цифровизация общества отразилась и на процессах сохранения и актуализации фрагментов культурной памяти города, на

особенностях городской коммеморации. Эпоха цифровой культуры вызывает трансформацию всей культуры памятования, поскольку процесс движения смыслов во времени и пространстве осуществляется с помощью цифровых технологий, цифровых площадок, цифровых носителей. Культурная память города в эпоху цифровой культуры структурируется через репрезентацию образов города, которые считываются пользователями при помощи цифровых устройств, нередко участвующими в процессе актуализации определенных слоев памяти. Доминирующим способом представления визуального контента в сети Интернет является фото и видео формат, который позволяет осуществлять репрезентацию любой образной информации о городе за счет появления доступных технологий создания текстов, синтезирующих звук, картинку, движение кадра. Акторы коммеморации цифровой эпохи производят медиаконтент, влияющий на актуализацию культурной памяти города: цифровые медиа, официальные веб-порталы, авторы научно-образовательного контента, активные создатели и пользователи интернет-пространства, виртуальные игры и сервисы, сайты городов и городских организаций, в которых сохраняются и передаются образы городского прошлого. Акторы цифровых коммемораций создают короткие тексты для цифровых устройств, предоставляющих возможности визуализации текстов и их аудио сопровождение, они нередко персонифицированы под запросы пользователя. Цифровые медиа предполагают возможность активного пользователя, самостоятельно создающего контент о городском прошлом для миллионной аудитории, распространяющего его с помощью специальных программ, сервисов, а также интерпретирующего тексты других пользователей. В эпоху цифровой культуры образы городского прошлого становятся контентом для сервисов (приложений, веб-сайтов), а их репертуар и ценность зависимы от ценностей акторов городской коммеморации, которые осуществляют трансформацию из личной информации в коллективную благодаря цифровым носителям культурной памяти города.

6.3. Цифровизация коммеморативных практик

Как мы отметили ранее, цифровая эпоха детерминировала кардинальные сдвиги в целом всей культуры коллективного памятования, что не могло не отразиться на процессах сохранения и трансляции культурной памяти города. Современные исследователи, в частности, отмечают «медиатизацию и виртуализацию культуры, меняющих эпистемологический статус прошлого и памяти за счет обеспечения равного доступа к информации различных познающих субъектов» [Ярычев, Актуальные мемориальные исследования..., 2021, с. 24], и такого рода обстоятельства влияют на стратегии исследований коллективных форм памяти. Особенности цифровой репрезентации города важно учитывать в процессах стратегического развития современного города, включая и процессы символической политики, управления культурной памятью города, накопления символического капитала города.

Отечественные исследователи подчеркивают, что в настоящее время происходит медиатизация коллективной памяти. Так, Г.М. Агеева отмечает, что в наши дни произошли существенные изменения в «репрезентации образов памяти в медиасреде, виртуализации социального механизма запоминания / забвения» [Агеева, 2012, с. 69], которые влияют на формы аккумуляции и трансляции прошлого в цифровой среде. В.Н. Мерзлякова фиксирует, что медиатизация коллективной памяти делает репрезентацию прошлого все более глобальной, где могут быть услышаны и приняты «голоса отдельных представителей и сообществ» [Мерзлякова, 2019, с. 290]. Тогда как Д.С. Артамонов вводит понятие «медиапамять» [Артамонов, 2022]. Он отмечает, что «процессы медиатизации коллективной памяти в цифровой среде приводят к возникновению медиапамяти как особого виртуального механизма конструирования представлений о прошлом» в цифровую культуру, где «изменение средств коммуникации привело к трансформации содержания воспоминаний и способов их воспроизводства» [Артамонов, 2022, с. 67].

Используя выявленные нами ранее выше тенденции влияния цифровой культуры на функционирование культурной памяти города, рассмотрим особенности городской коммеморации в цифровой среде.

Во-первых, культурная память города, передаваемая ранее из поколения в поколение посредством мест памяти, системы образования, просвещения, теперь параллельно генерируется и транслируется в цифровом пространстве, причем нередко обычными пользователями и активными участниками цифровых коммуникаций. Институты города, в которых сконцентрирована деятельность по хранению и трансляции культурной памяти выполняют свои функции по аккумулярованию опыта городского прошлого, однако, и в их деятельности происходят изменения, вызванные цифровизацией реальности, поэтому часть своей деятельности они переносят в виртуальный формат.

Как мы отметили ранее на примере Великого Новгорода, учреждения культуры и образования активно включены в процессы коммеморации, наблюдается не только масштабная деятельность по «оцифровке» артефактов, но по созданию цифровых моделей объектов культурного наследия. Сама деятельность учреждений нередко приобретает цифровой характер во многом благодаря внедрению цифровых сервисов и технологий: от создания виртуальных событий в сети Интернет на различных цифровых площадках (например, создание виртуальных экскурсий), до разработок цифровых онлайн-сервисов, цифровых продуктов, в которых сохраняются образы городского, а также происходит их репрезентация.

В частности, одним из знаковых в этой области событий стал проект Новгородского университета «Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических раскопок», в результате реализации которого археологические памятники Новгородского региона были оцифрованы и помещены в единый информационный портал на интерне-сайте университета. Коллекция средневековых памятников археологии Новгородской земли содержит не только цифровые копии находок, но и подробную информацию о каждом из них, что позволяет и исследователям, и

всем желающим удаленно знакомиться и изучить те артефакты, которые были найдены археологами Центра археологических исследований НовГУ.

Во-вторых, как мы отметили ранее, участниками коммеморативных практик города являются производители и потребители сообщений, которые циркулируют в сети Интернет, влияя на сохранение и актуализацию тех или иных образов городского прошлого, в том числе, наиболее значимых с их точки зрения - блогеры, авторы интернет-порталов, онлайн-туристы. Они создают тексты, которые затем могут многократно тиражироваться, умножаться и влиять на репрезентацию города в цифровых каналах коммуникации. Важно, что структуры коллективной памяти теперь могут меняться в зависимости от того, насколько эффектно и красочно представлен город в цифре (в социальной сети или в виртуальной игре) или насколько популярны у цифровых лидеров коммемораций те или иные уникальные эпизоды городского прошлого (образы города войны, города средневековья, советского города).

Данная ситуация трансформирует сам процесс коммеморации в целом и города в частности, что тесно связано с социокультурными последствиями цифровой эпохи, о которых говорилось выше. Коммеморативные практики теперь смещаются на цифровые носители (социальные сети, виртуальные игры), а содержание культурной памяти теперь определяет «реклама исторических фильмов и книг, публицистические статьи и критические отзывы, фильмы и ролики обзоров на «RUTUBE» каналах, комментарии в социальных сетях, интернет-мемы, отражающие повестку дня, компьютерные игры, посвященные исторической и художественной тематике» [Артамонов, 2022, с. 79].

В-третьих, если рассматривать городское прошлое сквозь призму кодификации реальности, которая раскрыта в постмодернистском научном преломлении (например, теория «симулякра» Ж.Бодрийера), то цифровая репрезентация города непосредственно связана с искусственным созданием представлений об образах городского прошлого, вызывающих иллюзорность

и размытость культурной памяти. Цифровые технологии, устройства и сервисы позволяют создавать и распространять фрагменты культурной памяти города, как правило, исходя из наиболее выгодных позиций, подчеркивающих уникальность и эстетику транслируемых образов, например, город в лучах солнца или с высоты птичьего полета. Цифровая репрезентация города позволяет создавать улучшенную, дополненную реальность, а, значит, оставлять в памяти цифровые следы, которые порой бывают совершенно противоположны друг другу.

Поэтому актуальным следует назвать утверждение Дж. Олика о том, что функции носителей памяти не ограничиваются только передачей информации, поскольку «медиумы памяти не второстепенны, они определяют сообщение» [Олик, Фигурации памяти, 2012, с. 53] как средства коммуникации. Цифровые носители коллективной памяти обладают своеобразным кодом, который способен придавать транслируемым смыслам новые свойства через своеобразие цифровой репрезентации города, а значит символически влиять на процесс того, какие фрагменты памяти города будут культивироваться, запоминаться в современном обществе.

Культурная память города в цифровых носителях непрерывно создается, тиражируется, комментируется, редактируется. В частности, в социальные сети «контент может передаваться между пользователями без существенной фильтрации третьей стороны, проверки фактов и редакторской оценки» [Allcott, 2017, p. 213]. Он, как правило, создается обывателем и не проверяется на достоверность. В результате «беспорядочный поток видео- и аудиоинформации подменяет труднодоступные и требующие осознанных усилий систематизированные знания» [Андреев, 2015, с. 91]. Тогда как бесконечный процесс циркуляции, обновления, редакции цифрового контента, в котором том числе используются фрагменты городского прошлого, нередко становится самоцелью, не зависимо от наполнения, достоверности или убеждений людей.

Сообщения в социальных сетях или в блогах, которые транслируют

образы городского прошлого, характеризуются не только общедоступностью, обывательским уровнем, динамичным появлением контента, но и отсутствием официальной цензуры и проверки передаваемых массовой аудитории текстов на достоверность. В связи с этим, ученые все чаще фиксируют необходимость изучения вопросов культурной и информационной безопасности, которая становится важнейшим предметом для исследования последствий наступления цифровой эпохи [Astakhova, 2020]. В этой связи для сохранения памяти особый вес имеет проблема распространения недостоверной информации, подкрепленной устойчивыми образами прошлого как альтернативной точки зрения в «электронных, цифровых коммуникациях, «которая оказывает влияние на общественное сознание и во многом формируют мнение граждан [Шушпанова, 2022, с. 67]. Создатели цифрового контента, руководствуясь целью повышения внимания к своей персоне, часто используют синтез реальных фактов с вымышленными, что негативно отражается на процессах сохранения коллективной памяти.

Поэтому важно акцентировать внимание исследователей на том, что цифровая среда вызывает «размывание» фрагментов коллективной памяти, т.е. появляются разные версии одного и того же эпизода прошлого, который не подвергается специальной проверке. Подобная ситуация может вызвать деформацию культурных смыслов и переход актуальных эпизодов культурной памяти на латентный уровень. Осознавая важность данной проблемы, ученые фиксируют, что в социальных сетях «выступления должны регулироваться, иначе киберпространство может быть использовано против ... сохранения национальной безопасности» [Watney, 2018, с. 345], подрывать устойчивые знания о коллективах, ценностях, обществе, городах.

Цифровые коммуникации позволяют создавать новые форматы коммеморативных практик, обусловленные тем, что в процесс коммеморации включены не только те, кто производит или интерпретирует контент, но и цифровые площадки, технологии, а также глобальная аудитория,

потребляющая и интерпретирующая этот контент. Следствием такой ситуации, как отмечают исследователи, является тот факт, что теперь не требуется специализированных институтов, поскольку доцифровые нарративы памяти редактируются «в стратегиях персональной цифровой памяти», что «обеспечивает их сопричастность друг другу, раскрывающуюся как способность мгновенно соотносится друг с другом через алгоритмы социальных сетей вне зависимости от этического, эстетического и иного статуса» [Тихонова, 2022, с. 84].

Между тем, комплексное видение процесса цифровизации городской коммеморации предполагает также акцент на способах производства и трансляции образов городского прошлого.

Цифровизации коммеморативных практик способствуют новейшие цифровые технологии, которые только начинают использоваться в процессах сохранения культурной памяти города и трансляции образов городского прошлого. Прежде всего, речь идет о таких технологиях, как виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) - цифровые технологии, позволяющие пользователю цифрового контента видеть новые аспекты реальности.

С помощью VR коммеморативные практики реализуются через создание искусственной цифровой реальности, в которой образы городского прошлого передаются посредством использования различных устройств (наушники, шлемы). В AR городская коммеморация осуществляется с помощью дополнений в процессе восприятия человеком поступающей извне информации как следствия применения новых сенсорных условий для познания реальности (звук, картинка). Наиболее яркими примерами того, как происходит актуализация культурной памяти с помощью VR и AR, являются компьютерные игры, где нередко оживают древние городские сюжеты, образы, герои, мифы.

Коммеморативные практики города, основанные на цифровых технологиях VR и AR, присутствуют в интерактивных книгах о городе, в

виртуальных экскурсиях по городским музеям, в виртуальных реконструкциях исторических событий города, о которых было указано ранее.

Исследования дополненной реальности как способа широкого применения творческой переработки литературных текстов в пределах городского пространства подтверждают гипотезу об их существенном потенциале в укреплении культурной памяти города [Moira, 2018, с. 153]. В связи с этим, ученые констатируют тот факт, что приложения «AR позволяют по-новому выразить некоторые аспекты культурной памяти» [Moira, 2018, с. 153], прежде всего, в ее пространственном выражении.

Действительно, современные цифровые технологии, позволяющие воссоздать пространства и образы городов, открывают новые способы фиксации культурной памяти города и ее трансляции, а также принципы генерирования культурных смыслов города. Так, коммеморативные практики города с эффектами VR и AR углубляют его «вообразимость», укрепляют идентификационные связи между городом и горожанином, что напрямую связано и с устойчивостью процессов передачи культурной памяти города в отношении современного поколения. Такие технологии приобретают все большую популярность в обществе и предоставляющие, в том числе, возможность взглянуть на город в контексте его исторического прошлого, что оказывает безусловное влияние на структурирование культурной памяти города. Они бывают интерактивны, действуют в режиме реального времени и синтезируют реальные и виртуальные элементы городской среды, генерируя с новые «оттенки» городского воображаемого.

Так, в современном музее, который является ключевым коммеморативным актором, в специальных очках сегодня можно увидеть любой город мира или прогуляться по древнему российскому городу, и что наиболее важно - музеи предоставляют возможность увидеть утраченные образы древнего города. А наведя камеру смартфона на QR-код или экспонат музея, посетитель сможет на экране увидеть несуществующие предметы в их

3D-реализации.

Например, в Казани в результате виртуальной экскурсии «Переход» можно увидеть город 1910-20 гг., который воссоздан благодаря реализации проекта разными специалистами (историки, реставраторы, специалисты по VR-программированию) на основе архивных данных о городе и сканирования городских пространств. Другая возможность - совершить автобусную экскурсию в VR-очках «Москва. Путешествие во времени», где при помощи компьютерной графики реалистично изображена столица в том виде, в каком она могла бы быть, если бы сегодня присутствовали все утраченные здания и сооружения (например, белокаменные стены кремля или Сухарева башня).

В Великом Новгороде VR и AR технологии также начинают активно внедряться. В частности, в 2023 году город обозначил старт проекта «Виртуальная история», где на основе дополненной реальности (AR) горожане и туристы смогут с помощью цифрового устройства увидеть образы средневекового города, в том числе, осмотреть и места памяти в том виде, в котором они были представлены в предыдущие эпохи, в том числе, утраченные или восстановленные. Данный проект будет реализован во многом благодаря сохранившимся архивным данным и фотографиям, которые позволят воссоздать облик Великого Новгорода столетней давности: наведя смартфон на историческое здание, пользователь сможет увидеть панораму города начала XX века. Ранее, в 2019 году новгородские ученые представили виртуальную платформу, которая позволяет увидеть в пространственном измерении один из памятников Старой Руссы Новгородской области – водонапорную башню, а также иные архитектурные памятники с помощью VR технологий и специального шлема. В 2022 году в рамках проекта создания виртуальной экскурсии по Новгородскому Кремлю разработчики представили трехмерную модель данной локации, где посредством приложения для VR шлема «Oculus Rift VR» любой желающий, имеющий доступ в сеть Интернет может виртуально посетить Кремль, а

рядом с восстановленной трехмерной моделью исторических зданий посетитель может ознакомиться с информацией о нем на специальных стендах, на которых размещены сведения о данных местах памяти. Виртуальное путешествие сопровождается фоновой музыкой, а также итоговым тестом на знание просмотренных локаций.

Такого рода технологии порождают невидимое ранее, воображаемое прошлое города через новые ракурсы и презентации образов, что позволяет говорить об определенных тенденциях в цифровизации коммеморативных практик города.

Цифровые технологии, которые позволяют синтезировать реальность с дополненными и виртуальными мирами, применяются также в рамках ситуационного менеджмента, где набирают популярность концепты «умный город» (использование цифровых технологий для управления городом) и «цифровой город» (использование цифровых технологий для взаимодействия горожан и структур города). Так, в 2018 году в Саратове стартовал проект «Цифровой город» с целью создания приложения для пользователей в виде «информационно-управляющей системы, которая позволит повысить обеспеченность жизненного цикла жителей/гостей Саратова» [Муравлева, 2018, с. 11]. В этом случае цифровой город становится отражением реального, в который встраиваются «виртуальные окна», решающие задачи навигации по зданиям и транспорту города, записи к специалистам.

Цифровые технологии открыли и новые визуальные эффекты репрезентации городских пространств, позволили воспринимать сам город и образы его прошлого в трехмерном пространстве. Например, одним из самых распространенных видов DigitalArt сегодня является архитектурная видеопроекция, поскольку «популярность 3D проекций (видеомэппинг) растет в геометрической прогрессии» [Анфимова, 2021, с. 119]. Медиахудожники с помощью специальных цифровых программ создают воображаемые проекции на поверхностях городских зданий, оживляют улицы посредством визуальных инноваций, применяют новые способы

взаимодействия человека с объектом, которые позволяют воспринимать городское пространство как многовариантную, живую среду.

Кроме того, к цифровым технологиям сохранения и репрезентации культурной памяти города можно отнести в целом искусственный интеллект, большие данные, а также 3D-моделирование, позволяющее воспринимать и осмыслять визуальные образы города через цифровой сигнал.

В 2021 году на одном из видеохостингов был опубликован видеоролик с результатами 3D-реконструкции исторического здания, который воссоздает в трехмерном пространстве новгородскую усадьбу XIV века (по материалам раскопа Дубошин-II), выполненный по результатам исследований Петрова М.И., Тарабардиной О.А., Саломатина Д.А., Сапожникова П.А., Фараджевой Н.Н. (<https://www.youtube.com/watch?v=hsbUVwMA5T0&t=1s>). Посмотреть в каких домах жили древние новгородцы (способы укладки бревен, окна, двери, лестницы, пространственная организация построек) может каждый желающий в сети Интернет.

Кроме того, с 2020 года любой желающий может увидеть и Памятник тысячелетия России в 3D формате на интернет-сайте «Gigarama.ru» (<https://gigarama.ru/russianpanteon/ru/>), причем пользователю открывается возможность подробно рассмотреть все детали памятника, познакомиться с его героями и с особенностями возведения данного памятника. Разработка такого проекта стала возможной в результате применения трехмерного моделирования, съемок с помощью беспилотников, а также фото-сканирования деталей памятника (<https://novvedomosti.ru/news/culture/63334/?ysclid=lr7son7nsd154986887>).

Важно отметить, что цифровые технологии становятся определяющим фактором, влияющим на производство коллективных представлений, порождая новые грани самой культуры памятования и способов сохранения коллективной памяти как результата восприятия города через мультимедийное изображение, которое нередко выполнено путем смешения реального и виртуального.

Технологии цифровизации культурной памяти города, которые мы указали, нередко актуализируют виртуальные способы репрезентации образов городского прошлого, что раскрывает свернутые ранее городские пространства, способы и точки коммуникации, оживляют городское искусство и архитектуру, меняют принципы виртуального участия в решении вопросов города, расширяя границы реального города.

Одним из новых способов передачи образов городского прошлого становится QR-код как проводник между виртуальным и реальным миром города. С помощью QR-кода любой желающий, который имеет специальное цифровое приложение, сможет увидеть дополнительно те или иные аспекты городского объекта. В связи с этим, важно отметить, что в 2023 году вышел Указ Президента РФ В.В. Путина о том, что все памятники и мемориалы, которые посвящены Великой отечественной войне, должны будут иметь QR-коды, которые бы открывали информацию о событиях и героях, которым они посвящены. Подобная коммеморативная практика направлена не просто на сохранение культурной памяти страны, но и на формирование цифровых способов ее репрезентации в молодежной среде.

Таким образом, цифровая эпоха детерминировала изменения во всей культуре коллективного памятования, что важно учитывать в тенденциях стратегического развития современного города. Цифровые способы производства коллективных представлений порождают новые грани самого процесса сохранения и передачи коллективной памяти как результата восприятия города через мультимедийное изображение, которое нередко выполнено путем смешения реального и виртуального. Тенденции цифровизации общества увеличивают спектр инструментов и средств для репрезентации культурных смыслов, конструирующих культурную память города. В качестве технологий, которые оказывают влияние на цифровизацию культурной памяти можно назвать все те программы, сервисы, которые обеспечивают цифровую репрезентацию города: искусственный интеллект, большие данные, 3D-моделирование, виртуальные

игры, технологии виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR), позволяющие воспринимать и осмыслять образы города через цифровой сигнал. VR-очки и шлемы предоставляют возможность взглянуть на город в контексте его исторического прошлого, что оказывает безусловное влияние на структурирование культурной памяти города. Ключевыми направлениями цифровизации коммеморативных практик являются:

- цифровизация институтов хранения и трансляции образов городского прошлого, осуществляющих свою деятельность теперь и в виртуальном формате (внедрение цифровых сервисов и технологий, оцифровка артефактов, создание цифровых продуктов, хранящих воспоминания о городском прошлом в цифровых медиа – ролики, подкасты, посты);

- деятельность новых акторов коммеморативных практик – активных участников цифровых коммуникаций (блогеры, авторы интернет-порталов, активные пользователи социальных сетей) принципиально меняет сам процесс сохранения памяти, когда вместо тщательного отбора фрагментов памяти происходит стихийная цифровая репрезентация города путем многократного тиражирования и умножения контента в цифровых носителях, а структуры памяти во многом зависят от того насколько эффектно представлен город в «цифре» или насколько популярны у акторов коммемораций те или иные уникальные эпизоды городского прошлого (образы города войны, города средневековья, советского города);

- цифровое «размывание» и иллюзорность культурной памяти города, обусловленное цифровыми носителями памяти и вызванное многократным увеличением памятной информации с разными версиями прошлого, мгновенно распространяющейся в цифровых коммуникациях, которая оставляет в коллективной памяти города цифровые следы, порой совершенно противоположны друг другу, а также может вызывать переход ряда эпизодов культурной памяти в латентный уровень наряду с подменой новых культурных смыслов, по-иному трактующих образы городского прошлого.

Цифровые носители культурной памяти города за счет интерактивности,

визуализации, новых технологий и форматов становятся важнейшими посредниками в накоплении культурного опыта. Знание о том, каким образом происходит структурирование культурной памяти города в цифровых коммуникациях, может быть использовано в прикладных исследованиях, направленных на изучение прогнозирования и проектирования культурной памяти города, а также в исследованиях процессов восприятия города в условиях цифровой культуры, формирования городской идентичности, с узнаваемым и привлекательным образом города, с ростом его символического капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведения диссертационного исследования, на основании привлечения большого корпуса теоретических источников, анализа полученных лично автором эмпирических материалов, мы пришли к следующим выводам. Предложенная нами авторская концепция культурной памяти города, выполненная на основе экстраполяции имеющегося научного знания о культурной памяти в исследования города, открывает для культурологического знания новый ракурс изучения городских практик и городской культуры, позволяющий выявлять и анализировать особенности процесса поддержания коллективных представлений о городе. В рамках данной концепции мы полагаем, что культурная память города – это совокупность коллективных воспоминаний о городском прошлом, пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов, выраженных в различных символических средствах, с помощью которых воспоминания о городе переживаются и сохраняются горожанами за пределами поколений. Культурная память города исторична и социальна, она подвержена динамике, сохраняет и воспроизводит значимые для горожан фрагменты прошлого.

Научная проблематика нашей работы охватывает структурные, функциональные и символические аспекты концепции культурной памяти города. Для исследований специфики сохранения и актуализации культурной памяти города, в том числе, прикладных исследований, мы ввели дефиницию «носитель культурной памяти города» как знакового посредника, ключевая функция которого состоит в аккумуляции и передаче современникам культурных смыслов города, образующих символическую матрицу памяти, а также теоретически обосновали понятие «городская коммеморация». С целью преодоления теоретической неустойчивости ряда терминов в memory studies и, соответственно, создания единых концептуальных рамок для

проведения научного анализа мемориальной культуры в каждом конкретном городе, мы ввели авторскую интерпретацию понятия «места памяти города» как локализованного в материальной форме фрагмента городского пространства, хранящего и транслирующего образы прошлого для настоящего, манифестирующего собой ценность тех или иных смыслов.

Символический аспект концепции культурной памяти города позволил сфокусировать культурологическую позицию на практиках символической репрезентации культурной памяти города, обеспечивающих преемственность поколений горожан, связывая прошлое и настоящее города через трансляцию культурного опыта. Важно подчеркнуть, что осуществленная в нашей работе актуализация символического ресурса культурной памяти города, позволила раскрыть специфику ее воздействия на развитие территории, а более конкретно – воздействие на социальные и культурные процессы города. Культурная память города способна объединять городское сообщество в единое целое, укреплять символические связи между городом и горожанином через формирование городской идентичности и ценностей локального патриотизма. Культурная память города задает культурные параметры отличий и уникальности территории за счет общего прошлого, формирует определенное отношение к фактам и процессам городского настоящего, влияя на воображение, «переживание», восприятие города. Данный процесс, как мы показали в диссертационном исследовании, происходит посредством символизации образов городского прошлого, что позволяет рассматривать культурную память города сквозь призму постоянного процесса кодирования реальности.

Опираясь на теоретические выводы исследования и основываясь на эмпирическом материале, полученном автором, прежде всего, в Великом Новгороде, мы выявили, что образы городского прошлого (символический уровень) лежат в основе производства аутентичных смыслов территории, с которыми горожане ассоциируют город (уровень идентификации), нередко присутствующих в местах памяти города и в городской культуре, которые, в

свою очередь, регулируются политическими действиями городских властей или акторами в различных сферах деятельности (институциональный уровень).

На основе обозначенных концептуальных позиций нами также установлено, что культурная память является символическим ресурсом для создания уникального и позитивного образа города, роста символического капитала города, который может приносить символическую «прибыль» в виде доверия к городу, повышать его узнаваемость, известность, престиж. Использование концепта «символический капитал города» открывает возможность менять парадигму мышления городских элит сквозь призму символического обмена территории, влиять на развитие городов, актуализируя категорию ценности мест, особенно тех, которые держатся на образах городского прошлого. В городском бренде как символическом капитале конструируется репрезентативный потенциал культурной памяти города, поэтому бренд является проводником культурных смыслов, которые объясняют прошлое и напрямую детерминируют осмысление современного города. Мы показали в исследовании, что символическим капиталом города можно рассматривать и феномен «гений места», который за счет актуализации связанных с ним слоев культурной памяти города, способен притягивать людей и ресурсы на данную территорию через повышение значимости символической связи между местом и известной личностью.

Акцентирование в диссертационном исследовании внимания на символических аспектах функционирования культурной памяти города позволило раскрыть корреляцию данного феномена с городским воображаемым. В связи с этим, мы определили, что культурная память города является важнейшей частью символических практик городского воображаемого, объединяющего в себе процессы восприятия и осмысления города. Культурная память города выполняет роль механизма, который формирует репертуар воображаемых смыслов города, а городское воображаемое как совокупность реальных и виртуальных коллективных

представлений о городе, представляет собой проекцию комплексного восприятия актуальных следов памяти той или иной территории, подчеркивающих отличие одного города от других городов.

Отдельного осмысления на основе привлечения эмпирического материала в Великом Новгороде потребовала проблема выявления и анализа коммеморативных практик в разрезе городской среды, решение которой позволила раскрыть механизмы сохранения культурной памяти города. Обращаясь к прикладному уровню научного анализа культурной памяти города, мы пришли к выводам о том, что городская коммеморация – это процесс поддержания и актуализации смыслов города, сохранение образов городского прошлого в современном городском пространстве, поскольку культурная память города не возникает сама по себе, она поддерживается искусственно и не пропадает с исчезновением отдельных поколений. В ходе исследования мы показали, что практики городской коммеморации «оживляют» эпизоды городского прошлого, оказывая влияние на структурирование идентификационных кодов города, они способствуют превращению воспоминаний из индивидуальных в коллективные. Фрагменты городского прошлого становятся значимыми для горожан в результате действий акторов коммеморации (личности, институты, сообщества), интерпретирующих и актуализирующих прошлое и, тем самым, выстраивающих актуальную картину памяти города.

Сместив исследовательский фокус на проблематику современных тенденций функционирования культурной памяти города мы выявили, что эпоха цифровой культуры вызывает трансформацию всей культуры сохранения и передачи коллективной памяти. Существенную роль в этом процессе играет проявление цифровых носителей культурной памяти города, цифровизация институтов хранения и трансляции образов прошлого, осуществляющих свою деятельность теперь и в виртуальном формате, а также появление акторов коммеморации в цифровых коммуникациях (цифровые медиа, официальные веб-порталы и сайты, виртуальные игры,

цифровые сервисы), в частности, блогеров, авторов интернет-порталов, популярных пользователей социальных сетей. Такая ситуация в корне меняет принципы сохранения и трансляции образов городского прошлого, когда стихийная цифровая репрезентация города путем многократного тиражирования и умножения контента в цифровых носителях вызывает «размывание» культурной памяти города за счет многократного увеличения информации с разными версиями прошлого, мгновенно распространяющейся в цифровых коммуникациях. Знание о том, каким образом происходит структурирование культурной памяти города в цифровых коммуникациях, может быть использовано в исследованиях процессов восприятия города в условиях цифровой культуры.

Соответственно, полученные нами научные выводы о культурной памяти города как символическом ресурсе развития территории обладает не только теоретической новизной, но и могут быть использованы учеными и практиками в прикладных исследованиях современного города, в том числе, позволяющих прогнозировать развитие города и проектировать стратегии развития территории. Данная научная проблема требует дополнительных исследований, в том числе, на эмпирическом материале других городов, что позволит сформировать комплексное видение процессов структурирования культурной памяти города и возможностей использования ее символического ресурса в развитии городов.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило подтвердить заявленную научную гипотезу о том, что объектом культурной памяти может рассматриваться город как единый феномен, обладающей собственной культурой и прошлым, представленный в настоящем в виде совокупности коллективных воспоминаний. Диссертационное исследование открывает новую страницу научных изысканий феномена культурной памяти, раскрывающую городской ракурс познания структурных особенностей, процессов функционирования, символических «эффектов» сохранения культурной памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев, В. В. Городское пространство как аккумулятор коллективной памяти / В. В. Абашев. – Текст: электронный // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 136–148. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21604283&ysclid=lscuj1av1q788563359> (дата обращения 21.02.2017).
2. Абашев, В. В. Страсти по башне: городские медиа как генератор и архив локальных нарративов / В.В. Абашев. – Текст: электронный // Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 2018. – С. 30–44. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=yxpvzz&ysclid=lscuw77lkr721462685> (дата обращения: 05.12.2020).
3. Аванесов, С. С. Город: в поисках идентичности / С. С. Аванесов, Н.Г. Федотова – СПб: Алетейя, 2022. – 450 с. – ISBN: 978-5-00-165580-0. – Текст: непосредственный.
4. Аванесова, Г. А. Коды культуры: сущность и назначение / Г. А. Аванесова, И. А. Купцова. – Текст: электронный // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 30–43. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15194776_50761697.pdf (дата обращения 10. 12. 2021).
5. Агеева, Г. М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях / Г. М. Агеева. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 363. – С. 68–74. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18046919_14870736.pdf (дата обращения 06.07. 2021).
6. Акентьева, Ю. С. Национально-культурная идентичность в проектировании бренда города (на примере Новосибирска) / Ю. С. Акентьева, В. А. Ворожейкина. – Текст: электронный // Ноэма

(Архитектура. Урбанистика. Искусство). – 2019. – № 2(2). – С.152–157. – URL: https://noema.nsuada.ru/archive/02_2019_02/16 (дата обращения 20.09.2022).

7. Актуальность идей Чикагской школы в фокусе процессов урбанизации и рурализации / Дмитриева, О. И., Савченко И. А., Устинкин С. В. [и др.] – Текст: электронный // Власть. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 190–195. – https://elibrary.ru/download/elibrary_44951349_11791818.pdf (дата обращения 26. 05. 2022).

8. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология / Дж. Александер; пер. с англ. Г. К. Ольховикова / под ред. Д. Ю. Куракина. – М.: Изд-во и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с. – ISBN 978-5-901574-96-6. – Текст: непосредственный.

9. Алексеева, Е. В. Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти / Е. В. Алексеева. – Текст: электронный // Журнал Фронтирных Исследований. – 2020. – Т. 5, № 2 (18). – С. 93–121. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42899897_74027993.pdf (дата обращения 18.01. 2023).

10. Алексеевский, М. Д. Исследования города / М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, М. Л. Лурье. – Текст: электронный // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 16–25. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum/2010_12/12_forum_1.pdf (дата обращения 15.08.2015).

11. Алпатова, А. С. Музыка как память культуры: подход современного композитора / А. С. Алпатова. – Текст: электронный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 4 (32). – С. 90–96. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18320211_13814675.pdf (дата обращения 14.04.2021).

12. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об историках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.

Николаева. – М.: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с. – ISBN 5-93354-017-3. – Текст: непосредственный.

13. Андреев, И. Л. Сознание человека в электронном лабиринте его бытия / И. Л. Андреев, Л. Н. Назарова. – Текст: электронный // Вопросы Философии. – 2015. – № 12. – С. 88–100. – С. 91. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25593870_91788766.pdf (дата обращения 23.10.2019).

14. Анисимова, А. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? / А. Анисимова, О. Ечевская. – Текст: электронный // Laboratorium. – 2012. – № 3. – С.11–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibiryak-obschnost-natsionalnost-ili-sostoyanie-dushi> (дата обращения 10.06.2019).

15. Анфимова, Е. Б. Возможности цифровых технологий архитектуры и дизайна в процессе преобразования городской среды / Е. Б. Анфимова, Я. В. Новикова. – Текст: электронный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 7 (109). – С. 118–123. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46353682_32543618.pdf (дата обращения 08.08.2022).

16. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ленинград: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 151 с. – Текст: непосредственный.

17. Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель; пер. с греч. С. И. Радцига. – М.: Мысль, 1997. – 458 с. – ISBN 5-244-00852-8. – Текст: непосредственный.

18. Арнаутова, Ю. А. Культура воспоминания и история памяти / Ю. А. Арнаутова. – Текст: непосредственный // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Л. П. Репина, Ю. А. Арнаутова [и др.] / под ред. Л. П. Репиной, М. С. Петровой. – М.: Кругъ, 2006. – 768 с. – С. 47–55. – ISBN 5–7396–0099–5.

19. Артамонов, Д. С. Медиапамять: теоретический аспект / Д. С. Артамонов. – Текст: электронный // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – № 2. – С. 65–83. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48732240_36670358.pdf (дата обращения 07.09.2023).

20. Артюшкина, В. В. Праздничная культура как способ репрезентации культурной памяти / В. В. Артюшкина. – Текст: электронный // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. – 2017. – № 5 (79). – С. 138–145. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32499525_12427651.pdf (дата обращения 10.10.2020).

21. Архипова, А. Э. Маркеры территориальной идентичности как символическая основа брендинга места / А. Э. Архипова, Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. – 2016. – № 2 (6). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26510660_10286691.pdf (дата обращения 10.10.2019).

22. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с. – ISBN 978-5-4448-0146-8. – Текст: непосредственный.

23. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – ISBN 978-5-4448-0516-9. – Текст: непосредственный.

24. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – ISBN 5-94457-176-4. – Текст: непосредственный.

25. Астафьева, О. Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности / О. Н. Астафьева.

– Текст: непосредственный // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография / О. Н. Астафьева, А. Г. Васильев, Т. Н. Золотова [и др.]. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с. – ISBN 978-5-903060-82-5.

26. Афанасьева, Д. О. Патриотические установки региональной молодёжи / Д. О. Афанасьева. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №4. – С. 127–139. – С. 137. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18782499_71789529.pdf (дата обращения 10.10.2020).

27. Афинская, З. Н. Городская топонимика как семиотическая проблема / З. Н. Афинская, Л. Н. Кулаженкова. – Текст: электронный // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – №11 (20). – С. 6–9. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25445688_41529061.pdf (дата обращения 11.12.2021).

28. Базилян, С. А. Экологическая проблематика в новгородском медийном дискурсе / С. А. Базилян. – Текст: электронный // Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 73(1). – С. 10–13. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20925952_80481088.pdf (дата обращения 11.12.2021).

29. Балла, О. А. Пермский край: места памяти (заметки почти случайного туриста) / О. А. Балла. – Текст: электронный // Знание – сила. – 2015. – № 11. – С. 160–164. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36738476_75257089.pdf (дата обращения 20.12.2016).

30. Бараш, Д. Э. Что такое коллективная память? К вопросу об интерпретации памяти Полем Рикёром / Д. Э. Бараш. – Текст: электронный // Философские науки. – 2012. – № 10. – С. 32–43. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18258752_82027413.pdf (дата обращения 12.12.2019).

31. Басина, П. А. Семантизация локальных пространств Томска: Взгляд через Instagram / П. А. Басина, А. А. Маляр. – Текст: электронный // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 2 (20). – С.193–201. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38486948_37686593.pdf (дата обращения 20.03.2020).

32. Бегунова, Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике / Е. А. Бегунова. – Текст: электронный // ВЕСТНИК КемГУКИ. – 2019. – № 48. – С. 50–55. – С.53. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39198386_55679452.pdf (дата обращения 20.03.2020).

33. Бедаш, Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра / Ю. А. Бедаш. – Текст: электронный // Вестник ТГПУ. – 2012. – №11 (126). – С. 219–224. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18357173_16329171.pdf (дата обращения 24.05.2019).

34. Бежовец, В. Э. Факторы формирования культурной среды региона: на примере Великого Новгорода / В. Э. Бежовец. – Текст: электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – № 211. – С. 44–47. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26337640_37885720.pdf (дата обращения 24.05.2019).

35. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2. – Текст: непосредственный.

36. Беспалова, Т. В. Национальная память и русская культура / Т. В. Беспалова. – Текст: электронный // Культурное наследие России. – 2018. – №. 1. – С. 14–17. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_37286746_57396066.pdf (дата обращения 20.11.2020).

37. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с. – ISBN 5-7913-0047-6. – Текст: непосредственный.

38. Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М.: Яз. славян. культур, 2007. – 520 с. – ISBN 5-9551-0170-5. – Текст: непосредственный.

39. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре. – Текст: электронный // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42. – URL: <https://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения 20.11.2020).

40. Буганов, А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность / А. В. Буганов. – Текст: непосредственный // Историческая память и российская идентичность: сб. статей / Под. ред. В.А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с. – С. 52–70. – ISBN 978-5-907036-24-6.

41. Булыгина, Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения / Т. А. Булыгина. – Текст: электронный // Новое прошлое / The New Past. – 2017. – №3. – С. 82–95. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30503087_39749276.pdf (дата обращения 20.11.2020).

42. Бурдьё, П. О телевидении журналистике / П. Бурдьё; пер. с фр. Т. В. Анисимовой, Ю. В. Марковой / Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с. – ISBN 5-7333-0041-8. – Текст: непосредственный.

43. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и

послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. – ISBN 5-89329-351-7. – Текст: непосредственный.

44. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр. Е. Д. Вознесенская; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с. – ISBN 5-86709-005-1. – Текст: непосредственный.

45. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые; пер. с фр. М. С. Добрякова; под ред. В. В. Радаева. – Текст: электронный // Экономическая социология. Электронный журнал. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 20.11.2019).

46. Вальдес, О. М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв. / О. М. С. Вальдес. – Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – №2. – С. 319–325. – URL: https://zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/2/Valdes_Odriosola-Evolution-Sociological-Theories/35_2014_2.pdf (дата обращения 22.11.2020).

47. Вальдман, И. А. Феномен мемориального пространства города: основные подходы к изучению / И. А. Вальдман, Е. И. Красильникова. – Текст: электронный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – № 3А (10). – С. 137–146. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2021-3/d3-valdman-krasilnikova.pdf> (дата обращения 08.10.2023).

48. Вандышев, М.Н. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова. – Текст: электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. Т.16, № 3 (83). – С. 101–121. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20843526_20304849.pdf (дата обращения 07.06.2019).

49. Васильев, А. Г. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов / А. Г. Васильев. – Текст: электронный // НЛЮ. –

2012. – № 5 (117). – С. 461–480. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html> (дата обращения 09.03.2019).

50. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев. – Текст: непосредственный // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография / Отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с.

51. Васильев, А. Г. Феномен творчества в контексте memory studies / А. Г. Васильев. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. Т.1, № 1. (Гуманитарные науки). – С. 227–231. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20386683_80915048.pdf (дата обращения 10.05.2018).

52. Вахштайн, В. Воображая город: Введение в теорию концептуализации / В. Вахштайн. Изд-во: Новое литературное обозрение. – 2022. – 576 с. – ISBN 978-5-44-481761-2. – Текст: непосредственный.

53. Вахштайн, В. Пересборка города: между языком и пространством / В. Вахштайн. – Текст: электронный // Социология власти, 2014. – № 2. – С. 9–38. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21709583_27434976.pdf (дата обращения 11.05.2019).

54. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер; пер. с нем. / под ред. И. Гревса. – М.: Канон-Пресс-Ц «Кучково поле», 2001. – 576 с. – ISBN 5-93354-009-9. – Текст: непосредственный.

55. Веденин, Ю. А. Принципы и методы изучения, сохранения и развития исторического города в контексте культурно-ландшафтного подхода / Ю. А. Веденин. – Текст: электронный // Наследие и современность. – 2022. – № 1 (5). – С. 18–36. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48381990_38148019.pdf (дата обращения 10.12.2023).

56. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого / Х. Вельцер; пер. с нем. К. Левинсона. – Текст: электронный // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения 13.07.2020).

57. Вендина, О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей / О. И. Вендина. – Текст: электронный // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27–39. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18079591_80189950.pdf (дата обращения 20.09.2020).

58. Верхованцева, П. В. Музыкальный фестиваль как форма сохранения культурной памяти / П. В. Верхованцева – Текст: электронный // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). – 2016. – Екатеринбург: Изд-во: УРФУ. – С. 44–46. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/42270> (дата обращения 06.11.2019).

59. Веселкова, Н. В. Места памяти в молодых городах: монография / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 394 с. – ISBN 978-5-7996-1848-3. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/43290> (дата обращения 12.12.2019). – Текст: электронный.

60. Веселова, М. Н. Проблемы определения понятия и сущности исторического города / М. Н. Веселова. – Текст: электронный // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2, № 2. – С. 117–124. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12937199_38963754.pdf (дата обращения 12.02.2018).

61. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с. – ISBN 978-5-8130-0157-4. – Текст: непосредственный.

62. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Избранные работы по социологии. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 93–118. – ISBN 978-5-906264-58-9. – Текст: непосредственный.

63. Возрождение городов через культуру / Ч. Лэндри, Л. Грин, Ф. Матарассо, Ф. Бьянчини; пер. с англ. М. Бадхен; Ин-т "Открытое О-во" (Фонд Сороса). – СПб: Нотабене. – 2000. – 87 с. ISBN: 5-87170-069-1. – Текст: непосредственный.

64. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. Архипова, Д. Доронин, А. Кирзюк [и др.] // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–122. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/033/arkhipova_et_al.pdf (дата обращения 10.10.2020). – Текст: электронный.

65. Волкова, Н. А. Виртуальный образ города сквозь призму лексики медийного и повседневного дискурсов / Н. А. Волкова. – Текст: электронный // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 3–2(27). – С. 135–163. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-obraz-goroda-skvoz-prizmu-leksiki-mediynogo-i-povsednevnogo-diskursov> (дата обращения 29. 05. 2020).

66. Воробьева, Л. В. Лондонский код в очерках советских писателей первой половины XX века / Л. В. Воробьева. – Текст: электронный // Вестник науки Сибири. – 2015. – №1(16). – С. 152–156. – URL: <https://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/16880/1/925.pdf> (дата обращения 25.10.2018).

67. Воробьева, О. Ю. Исторический город в современной культуре: культурологический дискурс и юридический статус / О. Ю. Воробьева. – Текст: электронный // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4(27). – С. 220–227. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47918510_30483682.pdf (дата обращения 11.11.2022).

68. Всеволодова, А. Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ / А. Н. Всеволодова. – Текст: электронный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2. – С. 152–158. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20218341_22485635.pdf (дата обращения 08. 10. 2020).

69. Вьюгина, А. А. Место природной составляющей в культурном коде территории / А. А. Вьюгина, А. М. Авдоница. – Текст: электронный // Ученые записки. – 2021. – №4 (40). – С. 6–9. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47375848_52520882.pdf (дата обращения 10. 10. 2022).

70. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская. – Текст: электронный // Вестник ОГУ. – 2013. – № 11(160). – С. 91–94. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21061772_94429604.pdf (дата обращения 23. 08. 2019).

71. Галушак, О. А. Культурные коды современного города в живописи художников Мариуполя / О. А. Галушак. – Текст: электронный // Вестник Мариупольского державного университета. Сер.: Философия, культурология, социология. – 2015. – №5 (9). – С. 38–44. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38592168_78510415.pdf (дата обращения 29. 10. 2018).

72. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с. – ISBN 5-354-01093-4. – Текст: непосредственный.

73. Глазычев, В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с. – ISBN 978-5-91129-072-6. – Текст: непосредственный.

74. Глезеров, С. Оцифровать коллективную память: сотрудники РНБ называют манускрипты уникальным «окном» в прошлое / С. Глезеров. – Текст: электронный // Санкт-Петербургские ведомости. –

2023. – № 220 (7549). – URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/eto-moy-gorod-cto-zastavlyaet-polyubit-peterburg-i-stat-ego-populyarizatorom/> (дата обращения 10.01.2024).

75. Гнедовский, В. М. Капитализируя гений места и дух времени: Стратфорд-на-Эйвоне – Веймар – Ясная Поляна / В. М. Гнедовский, С. В. Аверченкова, М. Б. Гнедовский; пер. с англ. // Культурное наследие как фактор устойчивого регионального развития: сборник научных трудов. – Тула: Изд. дом «Ясная поляна», 2008. – 80 с. – Текст: непосредственный.

76. Головашина, О. В. Места памяти: между метафорой и концептом / О. В. Головашина. – Текст: электронный // Социология власти. – 2022. – Т. 34, № 1. – С. 18–38. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49520882_39169747.pdf (дата обращения 11. 01. 2024).

77. Головнева, Е. В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности / Е. В. Головнева. – Текст: электронный // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 56–64. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21709585_85214822.pdf (дата обращения 20. 01. 2024).

78. Гоноцкая, Н. В. Масс-медиа в современном социокоммуникативном пространстве / Н. В. Гоноцкая. – Текст: электронный // Философская мысль. – 2018. – № 7. – С. 42–54. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23812 (дата обращения 10. 12. 2022).

79. Гончарова, А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности / А. В. Гончарова. – Текст: электронный // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 134–141. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48335710_38380105.pdf (дата обращения 20. 12. 2023).

80. Гончарова, И. К. К определению понятия «культурная идентичность» в контексте глобализации / И. К. Гончарова, Е. Ю. Липец. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9, № 1А. – С. 13–18. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39197274_15163247.pdf (дата обращения 15. 07. 2020).

81. Горлова, И. И. Концептуализация и институализация понятия «цифровое культурное наследие» / И. И. Голова, А. Л. Зорин, А. В. Крюков. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 102–108. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41831881_42304971.pdf (дата обращения 06. 07. 2020).

82. Горнова, Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности / Г. В. Горнова. – Текст: электронный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 18–21. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29845948_58832528.pdf (дата обращения 07. 09. 2018).

83. Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. – 351 с. – ISBN 5-02-011228-3. – Текст: непосредственный.

84. Гороховская, Л. Г. «Экзотично для нашего города»: дискурсивный анализ конструирования городской достопримечательности. – Текст: электронный / Л. Г. Гороховская // Урбанистика. – 2020. – № 3. – С. 102–110. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33556 (дата обращения 03. 04. 2021).

85. Гороховская, Л. Г. Официальный дискурс Владивостока: истоки и развитие / Л. Г. Гороховская. – Текст: электронный // Достижения вузовской науки. – 2013. – № 7. – С. 47–52. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_25422842_65550668.pdf (дата обращения 09.04.2019).

86. Гужова, И. В. Визуализация культурного кода города в имиджевой коммуникации с помощью ново-медийных технологий (семиотический подход) / И. В. Гужова. – Текст: электронный // Вопросы теории и практики. Грамота, 2014. – № 2–2 (40). – С. 45–49. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21087354_79820535.pdf (дата обращения 17. 03. 2020).

87. Гун, Г. Е. Культурное наследие и культурная память: региональные срезы / Г. Е. Гун. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – 2018. – № 4А (8). – С. 81–87. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36653753_26601388.pdf (дата обращения 04. 05. 2022).

88. Дахин, А.В. Город как место памятования / А. В. Дахин. – Текст: электронный // Аналитика культурологии. – 2011. – № 1 (19). – С. 164–172. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20157150_14951760.pdf (дата обращения 23.03.2019).

89. Двуреченская, А.С. Отечественная мемуарная литература начала XX века как отражение культурной памяти эпохи / А. С. Двуреченская, Е. А. Бегунова. – Текст: электронный // Вестник КАЗГУКИ. – 2019. – №1. – С. 26–30. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41190288_17374246.pdf (дата обращения 28.04.2020).

90. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк; пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст: непосредственный.

91. Деррида, Ж. Подпись. Событие. Контекст / Ж. Деррида; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина // Поля философии. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с. – С. 349–375. – ISBN 978-5-8291-1413-8. –Текст: непосредственный.

92. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни; пер. с англ. В. Сечной / под ред. К. Динни. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с. – ISBN 978-5-91657-655-9. – Текст: непосредственный.

93. Драчева, Е. Л. Историческая реконструкция как основа формирования нового турпродукта / Е. Л. Драчева. – DOI: <https://doi.org/10.12737/6575> (дата обращения: 05.02.2024). – Текст: электронный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 4 (8). – С. 55–67. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/4083/view> (дата обращения 02.12.2021).

94. Дудник, С. И. Отчуждение в цифровом обществе / С. И. Дудник. – DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-17-20>. – Текст: электронный // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 17–20. – С. 17. – URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/3892/4102> (дата обращения 23.06.2021).

95. Дунаева, Д. О. Дискурсивные практики горожан как коммуникативный механизм формирования образа комфортного города (опыт полевого исследования) / Д. О. Дунаева. – Текст: электронный // Вестник ТГУ Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 137–150. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46157884_51327493.pdf (дата обращения 20. 04. 2022).

96. Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилева. – Текст: электронный // Брендинг малых и средних городов: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 54–59. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22420/1/geobrand-2013-12.pdf> (дата обращения 12. 10. 2019).

97. Еманова, Ю. Г. Культурный код города: архитектурный образ Казани в сувенирной продукции / Ю. Г. Еманова, В. А. Ткачук. – Текст: непосредственный // Диалоги о культуре и искусстве: материалы X

Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь: 15–17 октября 2020 года. Ч. 2. / отв. ред. Е. В. Баталина-Корнева. – Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2020. – 420 с. – С. 47–53. – ISBN 978-5-91201-362-1.

98. Ермолин, Е. А. Диалогическое самопознание культуры: внутренний ракурс / Е. А. Ермолин. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 281–284. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30798409_10823647.pdf (дата обращения 02.09.2019).

99. Ерохина, Т. И. Сакрализация культурной памяти о великой отечественной войне в современном российском кинематографе / Т. И. Ерохина. – Текст: электронный // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 4 (83). – С. 126–138. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47500808_97389047.pdf (дата обращения 01.10.2021).

100. Ерохина, Т. И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе / Т. И. Ерохина. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5 (114). – С. 269–274. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30549567_53891427.pdf (дата обращения 12. 11. 2019).

101. Ефремов, В. Театр как культурный код русского языка / В. Ефремов. – Текст: электронный // Обучение иностранным языкам. – 2019. – №4 (46). – С. 401–408. – URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=787810> (дата обращения 21. 09. 2020).

102. Жердева, Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти / Ю. А. Жердева. – Текст: электронный // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2(19). – С. 5–11. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26138683_74861581.pdf (дата обращения 23.02.2018).

103. Жукова, К. В. Виртуальные экскурсии по музеям России / К. В. Жукова, В. В. Соловьева. – Текст: электронный // Форум молодых ученых. – 2019. – № 4 (32). – С. 359–363. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39175727_45651681.pdf (дата обращения 20.12.2020).

104. Завершинский, К. Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии / К. Ф. Завершинский. – Текст, электронный // Миф в истории, политике, культуре. – 2019. – № 2. – С. 252–254. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38308637_23967416.pdf (дата обращения 15.10.2020).

105. Замятин, Д. Н. Гений и место: ускользящая совместность / Д. Н. Замятин. – Текст: электронный // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 154–165. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20365462_99358346.pdf (дата обращения 14.10.2018).

106. Замятин, Д. Н. Имиджевые ресурсы территории: стратегии анализа и концептуальное осмысление (на примере проекта по формированию брендов городов Свердловской области) / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина. – Текст: электронный // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 1. – С. 26–45. – URL: <https://journal-labirint.ru/vypuski-zhurnala/labirint-no5-dekabr-2015/> (дата обращения 09.05.2019).

107. Замятин, Д. Н. Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения / Д. Н. Замятин. – Текст: электронный // Человек: Образ и сущность. – 2020. – № 1 (41). – С. 29–52. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42856487_96390664.pdf (дата обращения 08.09.2021).

108. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н.

Замятин. – Текст: электронный // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 26–50. – URL: http://intelros.ru/pdf/socoboz/04_2010/02.pdf (дата обращения 13.01.2018).

109. Замятина, Н. Гений места и город: варианты взаимодействия / Н. Ю. Замятина, Д. Н. Замятин. – Текст: электронный // Вестник Евразии. – 2007. – № 1. – С. 62–87. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9478711_81975228.pdf (дата обращения 06.06.2019).

110. Замятина, Н. Ю. «Земля наша дала миру...»: Национальные особенности брендинга территорий / Н. Ю. Замятина // Символическая политика: сб. науч. трудов. – 2016. – Вып. 4. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2016. – С. 106–134. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/1560/2016_symbolic_politics_4.pdf (дата обращения 12.04.2018).

111. Замятина, Н. Ю. Символический капитал городов России как фактор формирования миграционных потоков (на примере молодежной миграции из Норильска) / Н. Ю. Замятина – Текст: электронный. – URL: <http://dropdoc.ru/doc/62064/%3Bdoc/> (дата обращения: 25.09.2016).

112. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель; пер. с нем. – Текст: электронный // Логос. – 2002. – № 3(34). – 112 с. С. 23–34. – URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения 14. 08. 2019).

113. Злотникова, Т. С. Культурная память нации в массовом сознании современной России / Т. С. Злотникова. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 325–328. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26944445_84048898.pdf (дата обращения 21.10.2019).

114. Злотникова, Т. С. Душа и тело города / Т. С. Злотникова. – Текст: непосредственный // Город как сцена. История. Повседневность,

будущее: в 2 томах. Т. 1. "Город как сцена" – научный альманах, посвященный междисциплинарным и трансдисциплинарным проблемам города / Ю. А. Кузенкова, Л. Г. Иливицкая, Я. А. Голубинов; под ред. Е. Я. Бурлиной. – Самара: Медиа-книга, 2015. – 388 с. – С. 251–266.

115. Злотникова, Т. С. Цивилизационный и ментальный дискурсы русского театра как кода идентичности / Т. С. Злотникова. – Текст: электронный // Обсерватория культуры. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 4–15. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37231130_18788735.pdf (дата обращения 25.09.2020).

116. Злотникова, Т. С. Человек, война, культурная память (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / Т. С. Злотникова. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 3 (114). – С. 200–208. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43142020_45205361.pdf (дата обращения 16.09.2021).

117. Злотникова, Т.С. Ментальный и художественный аспекты авторской сказки как культурного кода / Т. С. Злотникова, В. С. Жукова. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – №5. – С. 160–165. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41261318_38104073.pdf (дата обращения 27.10.2021).

118. Зубанова, Л. Б. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации / Л. Б. Зубанова, М. Л. Шуб. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 48–60. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49755796_26211373.pdf (дата обращения 30.12.2023).

119. Иванов, Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города / Вс. Вяч. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 5 томах. Т. 4. Знаковые системы

культуры, искусства и науки / Вс. Вяч. Иванов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 792 с. – С. 165–179. – ISBN 5-9551-0207-8. – Текст: непосредственный.

120. Иванова, А. П. Культурные коды в современной рекламе / А. П. Иванова, М. В. Ягодкина. – Текст: электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – №8 (33). – С. 1–4. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44363432_61476113.pdf (дата обращения 17.05.2021).

121. Игнатъева, О. В. Стилистические особенности пермской городской идентичности / О. В. Игнатъева, О. В. Лысенко. – СПб.: «Маматов», 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-91076-115-9. – Текст: непосредственный.

122. Изотова Н. Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук / Н. Н. Изотова. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – 2020. – № 3–1. Т.10. – С. 185–191. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43977796_22655923.pdf (дата обращения 10.10.2021).

123. Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков. – Текст: электронный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2(74). – С. 119–131. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37340945_95360696.pdf (дата обращения 19.03.2020).

124. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. М. Коробочкин; под ред. Ю. Кузнецова. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – ISBN 978-5-98379-144-2. – Текст: непосредственный.

125. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с. – ISBN 978-5-907036-24-6. – Текст: непосредственный.

126. Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный сборник (сборник научных трудов) / Под научной редакцией Т. С. Злотниковой, Н.А. Дидковской. – Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2010. – 173 с. – ISBN: 978-5-87555-579-4. – Текст: непосредственный.

127. Исторический город русской провинции – культурный универсум: научный сборник (сборник научных трудов. Часть 2.) / Научный редактор Т. С. Злотникова, Н.А. Дидковская. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2009. – 223 с. – ISBN: 978-5-87555-551-4. – Текст: непосредственный.

128. Йейтс, Ф.А. Искусство памяти / Ф. А. Йейтс; пер. с англ. Е. Малышкин. – СПб: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 489 с. – ISBN 5-7914-0026-8. – Текст: непосредственный.

129. Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Д. Филипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с. – ISBN 966-8324-06-4. – Текст: непосредственный.

130. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры: учебное пособие для вузов / М. С. Каган. – Москва: Издательство «Юрайт», 2018. – 515 с. – ISBN 5-93437-236-X. Текст: непосредственный.

131. Камалова, К. В. Вертикальный город. Ретроспектива и современный этап развития многоярусной структуры городского пространства / К. В. Камалова. – Текст: электронный // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – №1. – С. 102–109. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45050263_65252663.pdf (дата обращения 02.04.2022).

132. Каминская, Т. Л. Медийная интерпретация новой Ганзы: европейский контекст / Т. Л. Каминская. – Текст: электронный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2020. – №. 1 (9). – С. 161–172. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43103496_20936562.pdf (дата обращения 11.07.2021).

133. Каминская, Т. Л. Современные коммуникативные практики и процесс коммеморации / Т. Л. Каминская. – Текст: электронный // Коммуникативные исследования. – 2019. –Т. 6, № 2. – С. 280–291. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41241710_25885903.pdf (дата обращения 11.10.2021).

134. Каминская, Т. Л. Сторителлинг в медиа: региональные интернет-издания / Т. Л. Каминская, О. А. Рыжкова. – Текст: электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 6 (24). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41552667_64631936.pdf (дата обращения 04.04.2020).

135. Каминская, Т.Л. Геймификация культурной памяти: современные коммуникативны практики / Т. Л. Каминская, А. И. Чаусов. – Текст: электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2018. – № 3 (15). – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36069936_78175332.pdf (дата обращения 06.02.2019).

136. Капицын, В. М. Политика памяти и символьный дизайн в городе / В. М. Капицын. – Текст: электронный // Вестник института социологии. – 2015. – № 2 (13). – С. 3–42. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23676181_97919137.pdf (дата обращения 08.03.2019).

137. Касаткина, С. С. Город и его символы: семиотический дискурс в философском познании / С. С. Касаткина. – Текст: электронный // Вестник воронежского государственного университета. Серия:

философия. – 2017. – № 1(23). – С. 113–120. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29112129_99145486.pdf (дата обращения 09.05.2018).

138. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 томах. Т.1. Язык / Э. Кассирер; пер. с нем. С. А. Ромашко / отв. ред. Д. М. Носов. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с. – ISBN 5-94483-002-6. – Текст: непосредственный.

139. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. Б. Э. Верпаховский, А. Н. Субочев, Д. А. Тищенко. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – ISBN 5-7598-0069-8. – Текст: непосредственный.

140. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – Москва: Изд-во «Гнозис», изд-во «Логос», 2003. – 480 с. – ISBN 5-8163-0047-4. – Текст: непосредственный.

141. Когай, Е. А. Оценка имиджевого потенциала Курского края (по результатам экспертного опроса) / Е. А. Когай. – Текст: электронный // AUDITORIUM. – 2014. – № 3 (3). – С. 77–81. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22257148_87388741.pdf (дата обращения 16.12.2018).

142. Колобовский, Е. Ю. Культурный ландшафт: в разнообразии значений не утеревший смысл / Е. Ю. Колбовский. – Текст: электронный // Наследие и современность = Heritage and Modern Times. – 2018. – № 1(4). – С. 8–22. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38502015_93137338.pdf (дата обращения 06.01.2020).

143. Кондратьева, О.Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) / О. Н. Кондратьева. – Текст: электронный // Имагология и компаративистика. – 2019. – № 12. – С. 222–236. – URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41389452_24497506.pdf (дата обращения 20.11.2021).

144. Коржков, Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржков. – Текст: электронный // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 107–124. – С. 114. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Территориальные-идентичности%3А-концептуальные-в-Коржков/6355711a100f1d954a00ab7a76665a2befb019ab> (дата обращения 02.03.2017).

145. Кочеляева, Н. А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества / Н. А. Кочеляева. – Текст: непосредственный // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография / Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. –168 с. – ISBN 978-5-903060-82-5. – Текст: непосредственный.

146. Кравченко, С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде / С. А. Кравченко. – Текст: электронный // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 48–57. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41314541_32071206.pdf (дата обращения 23.02.2020).

147. Красильникова, Е. И. Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о гражданской войне в городах Сибири / Е. И. Красильникова. – Текст: электронный // ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3 (17). – С. 57–75. – С. 60. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35625029_51526620.pdf (дата обращения 24.04.2021).

148. Краснова, Е. Л. Сохранение и трансляция культурного наследия в цифровую эпоху: к построению модели / Е. Л. Краснова. – Текст:

электронный // Музей. Памятник. Наследие. – 2022. – № 1 (11). – С.134–139. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49232142_96707894.pdf (дата обращения 25.12.2023).

149. Крокинская, О. К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием / О. К. Крокинская. – Текст: электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19, № 4. – С. 142–158. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28408438_73013131.pdf (дата обращения 21.03.2019).

150. Крупкин, П.Л. К вопросу о «гражданской религии» РФ: локальные идентичности Ростова-на-Дону и Ярославля / П. Л. Крупкин. – Текст: электронный // Социология религии в обществе Позднего Модерна: Сб. статей. – Белгород, 2014. – С. 29–35. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26555766_76545236.pdf (дата обращения 29.05.2018).

151. Кузнецова, А. В. Концепт города: код культуры и нарратив / А. В. Кузнецова, И. А. Петрулевич. – Текст: электронный // «Вестник АГУ». – № 4 (229). – 2018. – С. 212–219. С. 215. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36914271_97040231.pdf (дата обращения 22.06.2019).

152. Кузнецова, А. В. Городской текст: семиозис культурного кода / А. В. Кузнецова, И. А. Петрулевич. – Текст: электронный // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №11. – С. 89–95. С.90. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41509694_31135995.pdf (дата обращения 15.09.2020).

153. Кузнецова, Т. Ф. Цифровая культура / Т. Ф. Кузнецова. – Текст: электронный. // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 233–237. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura> (дата обращения: 08.01.2023).

154. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с. – ISBN 978-5-903060-82-5. – Текст: непосредственный.

155. Лагодина, Е. В. Воображая город. Изучение восприятия городского пространства на примере Ростова-на-Дону / Е. В. Лагодина. – Текст: электронный // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 23–27. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23998948_69084145.pdf (дата обращения 06.06.2019).

156. Ланцевская, Н. Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места / Н. Ю. Ланцевская. – Текст: электронный // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4(28). – С. 101–103. – URL: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4_28/27.pdf (дата обращения 05.09.2019).

157. Ланцевская, Н. Ю. Семиотика пространства провинции как источник развития имиджа места / Н. Ю. Ланцевская. – Текст: электронный // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 423–427. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21409305_25123727.pdf (дата обращения 10. 06. 2016).

158. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. Е. В. Морозова; под ред. С. К. Цатуровой. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 2001. – 440 с. – ISBN 5-01-004673-3. – Текст: непосредственный.

159. Летина, Н. Н. Культурные коды русской провинции / Н. Н. Летина. – Текст: электронный // Человек. Культура. Образование. – 2020. – №4 (38). – С. 124–139. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44613634_64784371.pdf (дата обращения 19.08.2021).

160. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр; пер. с фр. И. К. Стафф; под ред. М. Великановой, А. Журбиной. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с. – ISBN 978-5-906264-41-1. – Текст: непосредственный.

161. Линднер, Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / Р. Линднер; пер. с нем. К. Левинсон. – Текст: непосредственный // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике: коллективная монография / Х. Беркин, М. Лёв, Ф. Бократ [и др.]. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 101–117. – ISBN 978-5-4448-0630-2.

162. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В. Л. Глазычев; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. – М.: Стойиздат, 1982. – 328 с. – Текст: непосредственный.

163. Лисенкова, А.А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху / А. А. Лисенкова. – Текст: электронный // Вопросы философии. – 2020. – Т № 3. – С. 65–74. – URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/3897/4109> (дата обращения 14.07.2021).

164. Лисина, Е. А. К вопросу об онтологии города как пространственного, архитектурного и социального явления / Е. А. Лисина. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – Т.7, № 5А. – 2017. – С. 598–603. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36655544_26539590.pdf (дата обращения 20. 05. 2019).

165. Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете / Ю. М. Лотман. – Текст: электронный // Слово.ру: балтийский акцент. – 2022. – № 2(13). – С. 10–23. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48592425_96135232.pdf (дата обращения 23.02.2023).

166. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история.: монография / Ю. М. Лотман; под ред. Т. Д.

Кузовкина. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с., – С. 384. – ISBN 5-7859-0006-8. – Текст: непосредственный.

167. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман. – Текст: непосредственный // Избранные статьи: в 3 т. Т 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн: «Александра», 1992. – С. 200–202. – 479 с.

168. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман; под ред. Н. Г. Николаюк, Т. А. Шпак. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с. – ISBN 5-210-01488-6. – ISBN 5-210-01488-6. – Текст: непосредственный.

169. Луговая, Ю. А. Образ города как результат деятельности средств массовой информации / Ю. А. Луговая, Р. Ф. Курбанова. – Текст: электронный // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: Сб. статей II Международной научной конференции. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. – С. 140–144. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=110189;viscom2016_140_144.pdf&sequence=-1&isAllowed=y (дата обращения 06.01.2019).

170. Луман, Н. Общество общества в 3-х частях. Ч. 2. Медиа коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. Глухов, О. Никифрово. – М.: Логос, 2005. – 280 с. – С. 15. – ISBN 5-8163-0061-х. – Текст: непосредственный.

171. Лыгорова, Н. М. Советский и постсоветский Есенин: трансформация образа "гения места" в локальной социальной памяти / Н. М. Лыгорова. – Текст: электронный // Культура и образование. – 2020. – № 2 (37). – С. 47–58. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43323223_50618874.pdf (дата обращения 22.04.2021).

172. Макаров, А. И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни / А. И. Макаров. – Текст: электронный // Власть. – 2008. – № 12. – С. 8–11. – URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11911152_48240334.pdf (дата обращения 12.04.2016).

173. Макарычев, А. С. Эстетика идентичности: географические образы в кинематографических нарративах / А. С. Макарычев. – Текст: электронный // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 4. – С. 164–170. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17249368_39156014.pdf (дата обращения 18.02.2017).

174. Маккуайр, С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство / С. Маккуайр; пер. с англ. М. Коробочкин. – Strelka Press, 2014. – 435 с. – ISBN 978-5-906264-29-9. – Текст: непосредственный.

175. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с. – ISBN 5-86090-102-X. – Текст: непосредственный.

176. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – № 9. – С. 285–312. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42610108_55948617.pdf (дата обращения 24.06.2020).

177. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова. – Текст: электронный // Методологические вопросы изучения политики памяти. – 2018. – С. 27–53. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42610108_35617043.pdf (дата обращения 08.11.2019).

178. Малинова, О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) / О. Ю. Малинова. – Текст: электронный // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – №1. – С. 75–91. – URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35188329_24535958.pdf (дата обращения 21.09.2019).

179. Малыгина, И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире / И. В. Малыгина. – Текст: электронный // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 13 (855). – С. 348–361. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47929412_38943154.pdf (дата обращения 20.01.2022).

180. Малыгина, И. В. Феномен «memoria» в современном дискурсе идентичности / И. В. Малыгина. – Текст: электронный // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: Сборник тезисов конференции. – М.: МГЛУ, 2020. – 503 с. – С. 442–445. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44103390_38231789.pdf (дата обращения 10.07.2021).

181. Маршак, А. Л. Культурная идентичность: поиски и пути решения проблемы / А. Л. Маршак. – Текст: электронный // Власть. – 2012. – № 9. – С.4–7. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17967146_55503671.pdf (дата обращения 24.12.2017).

182. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл; пер. с англ. М. Кукарцева, В. Катаева, В. Тимонина. – М.: «Канон+», 2009. – 480 с. – ISBN 978-5-88373-150-0. – Текст: непосредственный.

183. Мельник, Г. С. Новые технологии медиапроизводства: достижения и издержки / Г. С. Мельник. – Текст: электронный // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 4(53). – С. 48–56. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44520940_25506875.pdf (дата обращения 12.03.2021).

184. Мерзлякова, В. Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете / В. Н. Мерзлякова. – Текст: электронный // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 8. – Ч. 2. – С. 289–302. – URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42829488_60505196.pdf (дата обращения 04.05.2020).

185. Меркель, И. С. Локальный патриотизм в исследовательской деятельности школьников / И. С. Меркель. – Текст: электронный // Ratio et Natura. – 2023. – № 1 (7). – С. 190–191. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54060637_96968819.pdf (дата обращения 11.01.2024).

186. Мещеряков, Т. В. Бренд, в котором я живу... Бренд территории как символический капитал / Т. В. Мещеряков. – Текст: электронный // Креативная экономика. – 2008. – № 8 (20). – С. 61–69. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11394913_31064584.pdf (дата обращения 10.01.2015).

187. Микляева, А. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – М.: Речь, 2011. – 160 с. – ISBN 978-5-9268-1065-5. – Текст: непосредственный.

188. Миллер, А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России / А. И. Миллер. – Текст: электронный // Полития. – 2013. – № 4 (71). – С. 114–126. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22669659_18710458.pdf (дата обращения 02.09.2016).

189. Митин, И. И. Воображая город: ускользающий Касимов / И. И. Митин. – Текст: электронный // Вестник Евразии. – 2007. – № 1. – С. 5–26. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9478709_61894967.pdf (дата обращения 14.02.2017).

190. Михалева, К. А. «Исторический город» в контексте гуманитарного знания / К. А. Михалева. – Текст: электронный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (30). – Ч. 1. – С. 130–133. – URL:

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18809422_28555581.pdf (дата обращения 18.02.2018).

191. Морозова, Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е. В. Морозова, Е. В. Улько. – Текст: электронный // Политическая экспертиза. Политекс. – 2008. – № 4. – С. 139–151. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11992853_66031319.pdf (дата обращения 15.09.2016).

192. Муравлева, Т. В. Проект «цифровой город» как вектор развития цифровой экономики в регионе / Т. В. Муравлева. – Текст: электронный // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 3 (32). – С. 8–11. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36402085_95970437.pdf (дата обращения 13.06.2019).

193. Мусиездов, А. А. Территориальная идентичность в современном обществе / А. А. Мусиездов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 51–58. – URL: http://intelros.ru/pdf/Labirint/2013_05/6.pdf (дата обращения 20.12.2020).

194. Мусиездов, А. А. Город как культурная форма / А. А. Мусиездов. – Текст: электронный // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 26–50. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/12/31/1338705405/SocOboz_12_3_06_Musiyezdov.pdf (дата обращения 16.07.2016).

195. Мысливец, Н. Л. Память коллективная versus память индивидуальная: к вопросу о симфоничности / Н. Л. Мысливец. – Текст: электронный // Журнал белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – № 4. – С. 65–74. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37643339_44877145.pdf (дата обращения 08.03.2019).

196. Мясникова, К. А. «Коллективное умолчание» как ведущая стратегия западногерманской культуры памяти 1950-х годов / К. А. Мясникова. – Текст: электронный // Вестник Московского

государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 2 (106).
– С. 14–25. – URL:
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49747131_71705758.pdf (дата обращения 21.08.2023).

197. Назаренко, А. Н. Визуальный образ: между медиа и воображаемым / А. Н. Назаренко. – Текст: электронный // Общество. Среда. Развитие. – 2020. – № 1. – С. 43–46. – URL:
https://www.terrahumana.ru/arhiv/20_01/20_01_07.pdf (дата обращения 14.10.2021).

198. Назаров, М. М. Современная медиасфера: разнообразие и фрагментация / М. М. Назаров. – Текст: электронный // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 54–64. – URL:
https://www.socis.isras.ru/files/File/2018/2018_8/Nazarov-54-64.pdf (дата обращения 07.07.2019).

199. Наумов, Д. Н. Региональная идентичность как главный фактор формирования благоприятного бренда территории (на примере ХМАО — ЮГРЫ) / Д. Н. Наумов. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования (Электронный научный журнал). – 2012. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/105-7151> (дата обращения 03.03.2016).

200. Негода, Л. Л. Культура как форма социальной памяти нации / Л. Л. Негода. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – 2019. – № 2 (10). – С. 93–98. – URL:
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41518567_16705453.pdf (дата обращения 20.02.2016).

201. Неклюдов, С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов. – Текст: электронный // Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. – М.: АИРО-XXI, 2000. – С. 17–38. – URL: <https://philologos.narod.ru/myth/nekludov.htm> (дата обращения 09.04.2015).

202. Никжентайтис, А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия / А. Никжентайтис. – Текст: электронный // Слово.ру: балтийский акцент. – 2012. – № 3. – С. 17–32. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18264450_62831551.pdf (дата обращения 20.10.2016).

203. Николаенко, Г. А. Новая концепция исторической памяти: От М. Хальбвакса К А. Ассман / Г. А. Николаенко, Е. В. Евсикова. – Текст: электронный // Культурная память и культурная идентичность: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения), Екатеринбург, 25 марта 2016 года. – Екатеринбург: УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. – С.122–126. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42289/1/978-5-7996-1865-0_2016_27.pdf (дата обращения 20.08.2017).

204. Ним, Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации / Е. Ним. – Текст: электронный // Социологическое обозрение. – 2017. – № 16(3). – С.409–427. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2017/09/30/1158752516/SocOboz_16_3_409-427_Nim.pdf (дата обращения 18.04.2018).

205. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора; пер. с фр. Д. Хапаева // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж.де. Пюимеж [и др.]. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 328 с. – ISBN 5-288-02318-2 – Текст: непосредственный.

206. Оводова, С. Н. «Город» в огне: анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социолингвокогнитивной) дифференциации / С. Н. Оводова, А. Ю. Жигунов. – Текст: электронный // Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2(27). – С. 97–101. – С. 99. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43904447_57993447.pdf (дата обращения 10.10.2021).

207. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / М. Оже; пер. с фр. А. Ю. Кононова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 132 с. – ISBN 978-5-4448-0709-5. – Текст: непосредственный.

208. Оже, М. От города, воображаемого к городу-фигции / М. Оже; пер. с фр. В. Мизиано. – Текст: электронный // Художественный журнал. – 1999. – № 24. – URL: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения 25.12.2017).

209. Олизько, Н. С. Особенности репрезентации социальных проблем города в медиадискурсе / Н. С. Олизько, М. С. Журкова. – Текст: электронный // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 1(43). – С. 133–140. – С. 138. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48326159_68784768.pdf (дата обращения 19.01.2023).

210. Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Дж. К. Олик; пер. с англ. Д. Хлевнюк. – Текст: электронный // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2012/05/31/1252356367/12_1_03.pdf (дата обращения 07.08.2019).

211. Олик, Дж.К. Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс: интервью с Дж.К. Оликом. – Текст: электронный // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4 (17). – С. 11–21. – URL: https://ac1e3abf-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_30731f8e03624ffaa75bfda67db1dcfa.pdf (дата обращения 11.06.2019).

212. Паин, Э. А. Модели конструирования территориальной идентичности / Э. А. Паин, Н. Е. Абалмасова. – Текст: непосредственный // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам

развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С 439–446. – С. 442.

213. Память // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв [и др.]. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1983.– URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/340/pamyat.htm> (дата обращения 20.04.2020).

214. Панибратцев, А. В. Проблемы определения культурной идентичности в современных условиях / А. В. Панибратцев. – Текст: электронный // Регион и мир. – 2019. – № 7. – С. 109–114. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42198143_23289010.pdf (дата обращения 23.02.2021).

215. Парк, Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк; пер. с англ. В. Николаев. – Текст: электронный // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 11–18. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211453107/5_1_3.pdf (дата обращения 10.10.2016).

216. Петров, С. Т. Цифровое наследие культуры: проблемы формирования, развития и безопасности / С. Т. Петров, А. А. Тарасов. – Текст: электронный // История и архивы. – 2014. – № 11. – С. 101–117. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22268707_76394174.pdf (дата обращения 15.01.2015).

217. Политика памяти в России – региональное измерение: монография / Под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 471 с. – ISBN 978-5-248-01053-0. – Текст: непосредственный.

218. Портнягина, М. Д. Роль «мест памяти» в формировании образа города на примере Санкт-Петербурга / М. Д. Портнягина. – Текст:

непосредственный // Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга: материалы XXIX международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – СПб: Издательство СПГУТД, 2023. – 561 с. – С. 350–357.

219. Радина, Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений: монография / Н. К. Радина. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. – 344 с. – ISBN: 978-5-89533-351-8. – Текст: непосредственный.

220. Разлогов, К. Э. Память и идентичность / К. Э. Разлогов // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с. – ISBN 978-5-903060-82-5. – Текст: непосредственный.

221. Разумова А. И. Исследования города / А. И. Разумова. – Текст: электронный // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 148–156. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum/2010_12/12_forum_1.pdf (дата обращения 15.08.2016).

222. Ребрина, Л. Н. Формирование локального патриотизма прошлого: информационный баланс коммуникативно-текстовой среды / Л. Н. Ребрина. – Текст: электронный // Научный диалог. – 2019. – № 2. – С. 49–64. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36997616_73377053.pdf (дата обращения 14.03.2020).

223. Рейнгольд, Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Г. Рейнгольд; пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: Фаир-пресс, 2006. – 416 с. – ISBN 5-8183-1004-3. – Текст: непосредственный.

224. Репина, Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л. П. Репина. – Текст: электронный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3

(153). – С. 191–201. – URL:
https://elibrary.ru/download/elibrary_17088406_10202920.pdf (дата обращения 10.05.2014).

225. Решетников, Д. Е. Место медиатекстов в структуре «городского текста» / Д. Е. Решетников. – Текст: электронный // Знак: Проблемное поле медиаобразования. – 2009. – № 1(3). – С. 40–42. – С. 42. – URL:
https://mediaznak.ucoz.ru/arhiv/2009_1_3.pdf (дата обращения 14.09.2015).

226. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризян. – М.: Издательство гум. литературы, 2004. – 728 с. – ISBN 5-87121-031-7. – Текст: непосредственный.

227. Ричардсон, Т. Реплика / Т. Ричардсон; пер. с англ. А. Блюмбаум. – Текст: электронный // Антропологический форум. – 2010. – № 13. – С. 173–182. – URL:
https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_richardson.pdf (дата обращения 13.06.2014).

228. Розанова, Н. Н. Локальный патриотизм в контексте изучения репутации региональной власти (на примере Смоленской области) / Н. Н. Розанова. – Текст: электронный // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 4(21). – С. 354–357. – URL:
https://elibrary.ru/download/elibrary_32351232_94606759.pdf (дата обращения 06.06.2018).

229. Романова, Е. Н. Ландшафт в культуре памяти / Е. Н. Романова. – Текст: электронный // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 93–98. – URL:
https://elibrary.ru/download/elibrary_25484353_23191506.pdf (дата обращения 25.09.2016).

230. Романовская, Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко. – Текст: электронный // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_23930946_29687173.pdf (дата обращения 09.02.2017).

231. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти / Е. В. Романовская. – Текст: электронный // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, вып. 3. – С. 39–44. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15252438_37887093.pdf (дата обращения 21.08.2014).

232. Ростовская, О. М. Город как место памяти: методологический анализ / О. М. Ростовская. – Текст: электронный // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2013. – № 15. – С. 105–110. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22155372_43266274.pdf (дата обращения 06.01.2014).

233. Русакова, О.Ф. Город как пространство исторической памяти / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Текст: электронный // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 22–35. – С. 27. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30009017_19167764.pdf (дата обращения 24.12.2018).

234. Рущинская, И. И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX — начала XX в.: региональный масштаб / И. И. Рущинская. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура: монография / Л. Н. Антропянская [и др.]; отв. ред. Я. А. Максимов. Кн. 4. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – 202 с. – С. 16–42. – ISBN 978-5-904771-23-2

235. Рябова, Л. К. Восприятие города: Выборг как кросскультурное пространство / Л. К. Рябова, К. О. Валегина. – Текст: электронный // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2015. – № 24. – С. 142–152. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27156612_57102181.pdf (дата обращения 29.05.2016).

236. Савельева, И. Ю. Гений места как бренд малого города / И. Ю. Савельева. – Текст: электронный // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1–2 марта 2021 года / под ред. А. Д. Кривоносова. – СПб: СПбГУЭ, 2021. – С. 176–179. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44719262_32793557.pdf (дата обращения 24.04.2022).

237. Савицкий, В. М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения / В. М. Савицкий. – Текст: электронный // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2019. – №1–4. – С. 69–77. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42573808_54903542.pdf (дата обращения 15.06.2020).

238. Сапаров, Н. С. Город как пространство культурной памяти / Н. С. Сапаров. – Текст: электронный // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 3 (83). – С. 83–89. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44848696_96460702.pdf (дата обращения 12.01.2022).

239. Сафонова, Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие / Ю. А. Сафонова. – Текст: непосредственный // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с. – С. 11–26. – ISBN 978-5-4469-1459-3.

240. Семенова, В. Н. Частные инициативы по сохранению исторической и культурной памяти как маркеры петербургской идентичности: к вопросу о конструировании форм регионально-локальных общностей / В. Н. Семенова. – Текст: непосредственный // Историческая память и российская идентичность: сб. научн. тр. / Под.

ред. В.А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с. – ISBN 978-5-907036-24-6

241. Смирнов, С. А. Город и Человек: Очерки по городской антропологии / С. А. Смирнов. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 272 с. – ISBN 978-5-9710-8055-8. – Текст: непосредственный.

242. Согомонов, А. Ю. Современный город: стратегия идентичности / А. Ю. Согомонов. – Текст: электронный // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html> (дата обращения 19.01.2013).

243. Сойя, Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / Э. Сойя; пер. с англ. А. Резниченко. – Текст: электронный // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 133–150. – URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/40/09.pdf> (дата обращения 19.12.2015).

244. Соковиков, С. С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника / С. С. Соковиков. – Текст: электронный // Вестник культуры и искусств. – 2014. – №1(37). – С. 32–38. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21344973_12711923.pdf (дата обращения 03.09.2016).

245. Сорокина, Т. Е. Семиозис концептуальной оппозиции «свой — чужой» в культурном коде города / Т. Е. Сорокина, И. А. Петрулевич. – Текст: электронный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – №6 (115). – С. 27–31. – URL: <https://gsen.sfedu.ru/pdf/2020/06/006-rus.pdf> (дата обращения 04.04.2021).

246. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы: коллективная монография / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. А. Гуцалов; отв. ред. А. В. Крюков. – М.: Институт Наследия, 2021. – 384 с. – ISBN 978-5-86443-350-8. – Текст: непосредственный.

247. Социальное пространство современного города: коллективная монография / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с. – ISBN 978-5-7996-1471-3. – Текст: непосредственный.

248. Спешилова, Е. И. Urban Imaginary: образ города и медиасреда / Е. И. Спешилова. – Текст: электронный // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 35–54. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54625114_51740853.pdf (дата обращения 18.01.2024).

249. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с. – ISBN 5-8291-0388-5. – Текст: непосредственный.

250. Стрельникова, А. В. «Места памяти» в городском пространстве / А. В. Стрельникова. – Текст: электронный // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. – № 2(82). – С. 231–238. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17565196_26122109.pdf (дата обращения 01.03.2013).

251. Стрельникова, А. В. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне / А. В. Стрельникова. – Текст: электронный // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2011. – Т.5, № 6. – С. 118–125. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19074421_15164620.pdf (дата обращения 23.02.2013).

252. Стрельникова, М. А. Технологии виртуальной реальности и практика их использования в туризме / М. А. Стрельникова, Д. А. Газин. – Текст: электронный // Бизнес и дизайн ревю. – 2021. – № 4 (24). – С. 7. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47270543_98581063.pdf (дата обращения 28.03.2022).

253. Суворов, Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры / Н. Н. Суворов. – Текст: электронный // Вестник

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2(27). – С. 73–81. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26205493_66411721.pdf (дата обращения 30.03.2017).

254. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры / В. Н. Телия. – Текст: непосредственный // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Телии. – М., 1999. – 333 с. – С. 13–24. – ISBN 5-88766-061-9.

255. Тихонова, С. В. Теория документальности М. Феррариса и социальные медиа: медиахакинг как взлом культурной памяти / С. В. Тихонова/ – Текст: электронный // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 84–101. – URL: <https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/262/173> (дата обращения 10.12.2023).

256. Тишков, В. А. Междисциплинарный взгляд на историческую память / В. А. Тишков. – Текст: непосредственный // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с. – С. 5–12. – ISBN 978-5-907036-24-6.

257. Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с. – ISBN 978-5-86793-823-9. – Текст: непосредственный.

258. Тульчинский, Г. Л. Публичные пространства в обществе массового потребления: гражданский и политический потенциал / Г. Л. Тульчинский, С. Лопатина. – Текст: непосредственный1 // Топография популярной культуры: сборник статей. – М., 2015. – 543 с. – ISBN 978-5-4448-0411-7.

259. Тульчинский, Г. Л. Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы / Г. Л. Тульчинский. – Текст: электронный // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 2(20). – С. 6–26. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_27539936_69346444.pdf (дата обращения 18.02.2018).

260. Тульчинский, Г. Л. Total Branding: мифодизайн постиндустриального общества. Бренды и их роль в бизнесе и культуре. – СПб.: Филол. фак., Фак. свободных искусств и наук С.-Петербур. гос. ун-та, 2013. – 280 с. – ISBN 978-5-8465-0927-6. – Текст: непосредственный.

261. Тульчинский, Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония / Г. Л. Тульчинский. – Текст: непосредственный // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. – 371 с. – С. 65–83. – ISBN 978-5-248-00819-3.

262. Тульчинский, Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны / Г. Л. Тульчинский. – Текст: электронный // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 24–33. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24843271_27509133.pdf (дата обращения 06. 11. 2017).

263. Урванцева, Н. Г. «Места памяти» Петра I в городе Петрозаводске / Н. Г. Урванцева. – Текст: электронный // Studia Humanitatis Borealis. – 2021. – № 1. – С. 50–62. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46193849_63901345.pdf (дата обращения 18. 02. 2022).

264. Урри, Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Высш. шк. экономики, 2012. – 336 с. – ISBN 978-5-7598-0824-4. – Текст: непосредственный.

265. Федотова, Н. Г. Культурная память города: современные практики символизации прошлого / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 352–364. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46647112_73753335.pdf (дата обращения 12.09.2022).

266. Федотова, Н. Г. «Капитал» К. Маркса в контексте теории символического капитала / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Философская мысль. – 2018. – №9. – С. 38–44. – URL: https://www.e-notabene.ru/fr/article_24911.html (дата обращения 04.11.2019).

267. Федотова, Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 2 (20). – С. 42–62. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38486938_92700631.pdf (дата обращения 20.11.2020).

268. Федотова, Н. Г. Внутренний потенциал городской идентичности / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Общество. Среда. Развитие. – 2023. – № 3 (68). – С. 130–133. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54781216_78415658.pdf (дата обращения 16.01.2024).

269. Федотова, Н. Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. 2016. – № 5. – С. 372–377. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27339634_29875314.pdf (дата обращения 12.06.2017).

270. Федотова, Н. Г. Культурная память года: концептуальный анализ / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 3 (15). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36069934_88812844.pdf (дата обращения 09.03.2019).

271. Федотова, Н. Г. Культурная память города Великий Новгород / Н. Г. Федотова. Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. – 160 с. – Текст: электронный

272. Федотова, Н. Г. Культурная память города как символический ресурс территории / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 1 (19). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38574635_76097543.pdf (дата обращения 13.10.2020).

273. Федотова, Н. Г. Культурная память города: особенности репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2023. – № 5. – С.153–165. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54381699_59554879.pdf (дата обращения 12.01.2024).

274. Федотова, Н. Г. Культурный код города / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Слово.ру. Балтийский акцент. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 10–24. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49708676_41405465.pdf (дата обращения 01.09.2023).

275. Федотова, Н. Г. Медиадискурс как генератор городского воображаемого / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 4(5). – С. 350–378. – URL: <https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/404/336> (дата обращения 16.01.2024).

276. Федотова, Н. Г. Практики визуализации нарративов культурной памяти города: бренд города как миф / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2022. – № 1 (31). – С. 54–74. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48001899_23758675.pdf (дата обращения 04.12.2023).

277. Федотова, Н. Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города / Н. Г. Федотова. –

Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 39. – С. 130–143. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44014434_73537728.pdf (дата обращения 30.12.2021).

278. Федотова, Н. Г. Роль медиакоммуникаций в формировании символического капитала места / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 2 (27). – С. 65–76. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29930908_38066995.pdf (дата обращения 18.02.2018).

279. Федотова, Н. Г. Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа / Н. Г. Федотова, Н. Ю. Васильева. – Текст: электронный // Знак: Проблемное поле медиаобразования. – 2017. – №2 (24). С. 119–127. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29303260_41748788.pdf (дата обращения 01.09.2018).

280. Федотова, Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 141–155. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32697193_63331429.pdf (дата обращения 18.02.2019).

281. Федотова, Н. Г. Социокультурные факторы создания и продвижения городского бренда / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 4. – С. 136–145. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1881/2243> (дата обращения 25.12.2023).

282. Федотова, Н. Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 7 (90). – С. 105–108. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_25457593_18047158.pdf (дата обращения 17.03.2017).

283. Федотова, Н. Г. Экспертная оценка символического капитала Великого Новгорода / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2017. – Т. 6, № 2 (8). – С. 163–171. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30741456_64181497.pdf (дата обращения 16.08.2018).

284. Федотова, Н. Г. Urban imaginary как символический капитал города / Н. Г. Федотова. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 2. – С. 228–233. – С. 229. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35013654_64018075.pdf (дата обращения 20.06.2019).

285. Федотова, Ю. В. Музыкальный фестиваль как опыт сохранения культурной памяти народа (реконструкция уральских музыкальных фестивалей конца 30-х – начала 70-х гг. XX в.) / Ю. В. Федотова, А. С. Федотов. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 43. – С. 155–165. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47124562_67647683.pdf (дата обращения 07.10.2022).

286. Флиер, А. Я. Культура и ее смыслы (памяти А. А. Пелипенко) / А. Я. Флиер. – Текст: электронный // Вопросы социальной теории. – 2017. – Т. 9. – С.100–109. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Voprosi_sots_teorii/2017_IX/2017-9-07.pdf (дата обращения 18.12.2018).

287. Фокеева, В. П. Атлас «Мнемозина» Аби Варбурга: память образов / В. П. Фокеева. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 13(724). – С. 181–186. – С. 186. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_38518376_22360665.pdf (дата обращения 07.06.2017).

288. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с. – Текст: непосредственный.

289. Хайбулина, Э. И. Формы и сущность представлений: психологический подход / Э. И. Хайбулина. – Текст: электронный // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 10 (147). – С. 218–224. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20448762_11545998.pdf (дата обращения 13.06.2015).

290. Хайдарова, Г. Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое / Г. Р. Хайдарова. – Текст: электронный // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 1(46). – С.45–51. – С. 48–51. – URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/18_01/18_01_09.pdf (дата обращения 10.10.2019).

291. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Нов. изд-во, 2007. – 346 с. – ISBN 978-5-98379-088-9. – Текст: непосредственный.

292. Хасянов, О.Р. Роль «места памяти» в сохранении религиозных традиций в послевоенной колхозной деревне / О. Р. Хасянов, Л. Р. Мигунова. – Текст: электронный // Вестник самарского университета. история, педагогика, филология. – 2021. – № 27(1). – С. 15–22. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45632105_90214974.pdf (дата обращения 11.09.2022).

293. Царева, А. Э. Технологии цифровизации и искусственного интеллекта в сохранении культурного наследия / А. Э. Царева, Т. В. Тарасова. – Текст: электронный // Столыпинский вестник. – 2023. – Т 5, № 5(5). – С. 2700–2708. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-tsifrovizatsii-i-iskusstvennogo-intellekta-v-sohranении-kulturnogo-naslediya> (дата обращения 06.02.2024).

294. Цифровые технологии в деле охраны культурного наследия / Д. Д. Буркальцева, Э. У. Османова, И. А. Андрющенко [и др.]. – Текст: электронный // Вопросы истории. – 2022. – № 12 (1). – С. 124–141. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi33.

295. Чернецкая, А.А. Культура коллективной памяти: влияние коллективной памяти на человека / А. А. Чернецкая, А. Д. Куманьков. – Текст: электронный // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2022. – 7(86). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49328027_33161599.pdf (дата обращения 04.01.2023).

296. Чернявская, О.С. Изучение идентичности горожан / О. С. Чернявская. – Текст: электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 96–103. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18084774_45168282.pdf (дата обращения 29.11.2014).

297. Чернявская, О.С. Нижний Новгород глазами нижегородцев: внутренний образ города / О. С. Чернявская. – Текст: электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. – № 1 (29). – С. 69–76. – С. 73. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19527019_42333810.pdf (дата обращения 24.09.2014).

298. Чугуевская, О.И. Виртуальные экскурсии как новое явление в России / О. И. Чугуевская, С. А. Батоева. – Текст: электронный // Проблемы развития индустрии туризма и гостеприимства: опыт и инновации. Материалы IV Международной научно-практической студенческой интернет-конференции / отв. ред. М. П. Титова. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 159–165. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_34937575_41851785.pdf (дата обращения 26.09.2019).

299. Шабает, Ю. П. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения / Ю. П. Шабает, А. П. Садохин, О. В. Лабунова, Н. Н. Сазонова. – Текст: электронный // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 248–267. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35235550_86881997.pdf (дата обращения 19.05.2019).

300. Шарова, В. Л. Город как палимпсест: феномен «пустых мест» в городской среде / В. Л. Шарова. – Текст: электронный // Полилог/Polylogos. – 2022. – № 3. – URL: <https://polylogos-journal.ru/S258770110022905-7-1> (дата обращения 07.12.2023).

301. Шипицин, А. И. Городская скульптура и культурный код Волгограда в контексте брендинга территории / А. И. Шипицин. – Текст: электронный // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2016. – №4 (10). – С. 89–97. – С. 93. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27348584_14682595.pdf (дата обращения 14.05.2017).

302. Шмелева, Е. В. Новые медиа: переписывание или проектирование города? Кейс Foursquare и проекта «Районные блоги» / Е. В. Шмелева. – Текст: электронный // Социология власти. – 2017. – №4. – С. 137–155. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22936189_30202157.pdf (дата обращения 09.03.2019).

303. Шмелева, Т. В. Словесность и культурная память города / Т. В. Шмелева. – Текст: электронный // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 4 (16). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36290633_44981515.pdf (дата обращения 29.01.2019).

304. Шнирельман, В. А. Социальная память: вопросы теории / В. А. Шнирельман. – Текст: непосредственный // Историческая память и

российская идентичность: сб. статей / под ред. В. А. Тишков, Е. А. Пивнева. – М.: РАН, 2018. – 508 с. – ISBN 978-5-907036-24-6.

305. Шуб, М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательные потенциал / М. Л. Шуб. – Текст: электронный // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 3 (36). – С. 80–87. – С. 81. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-kommemorativnyye-praktiki-obrazovatelnyy-i-vospitatelnyy-potentsial> (дата обращения 13.11.2017).

306. Шуб, М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий / М. Л. Шуб. – Текст: электронный // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 4–11. – С. 6. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29037229_76700417.pdf (дата обращения 13.06.2018).

307. Шушпанова, И. С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы / И. С. Шушпанова. – Текст: электронный // Социологические исследования. – 2018. – № 12. – С. 93–104. – С. 94. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36676029_86817452.pdf (дата обращения 05.02.2019).

308. Щербинин, А. И. Конструирование города-бренда: монография / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина, А. В. Севостьянов. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 240 с. – ISBN 978-5-7567-0939-1. – Текст: непосредственный.

309. Щербинина, Н. Г. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху / Н. Г. Щербинина. – Текст: электронный // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3 (17). – С. 192–201. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35625039_78654611.pdf (дата обращения 28.03.2019).

310. Эко, У. Отсутствующая структура / Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Symposium, 2004. – 544 с. – ISBN 5-89091-252-6. – Текст: непосредственный.

311. Ярычев, Н. У. Актуальные мемориальные исследования: ключевые тренды и перспективы развития / Н. У. Ярычев. – Текст: электронный // Вестник КемГУКИ. – 2021. – № 57. – С. 23–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-memorialnye-issledovaniya-klyucheveye-trendy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения 10.12.2022).

312. Ярычев, Н. У. Мемориальная культура: от категории к феномену / Н. У. Ярычев. – Текст: электронный // Вестник МГУКИ. – 2022. – № 5 (109). – С. 32–39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memorialnaya-kultura-ot-kategorii-k-fenomenу/viewer> (дата обращения 25.09.2023).

313. Ярычев, Н. У. Функциональный потенциал мемориальной культуры / Н. У. Ярычев. – Текст: электронный // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 157–163. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48614959_37586343.pdf (дата обращения 25.09.2023).

314. Allcott, H. Social media and fake news in the 2016 election / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of Economic Perspectives. 2017. 31(2). Pp. 211–236. P. 213. URL: <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/fakenews.pdf> (Accessed 16 nov. 2018).

315. Anholt S. Editorial Place branding: Is it marketing, or isn't it? / S. Anholt // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. 4(1). Pp. 1–6. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1057/palgrave.pb.6000088> (Accessed 20 nov. 2014).

316. Assmann, A. Memory in a global age: Discourses, Practices and Trajectories / A. Assmann, S. Conrad / Eds. A. Assmann, S. Conrad. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan. 2010. XIV. 252 p. ISBN 978-1-349-32356-2.

317. Assmann, A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // *Memory Studies*. 2018. Vol. 11. No 3. Pp. 287–300. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/1750698018771859> (Accessed 12 may 2019).

318. Assmann, A. Re-framing Memory; Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past / A. Assmann // *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter (eds.). Amsterdam. 2012. Pp. 35–50. P. 35. ISBN 978 90 8964 205 9.

319. Assmann, Ja. *Communicative and Cultural Memory* / Ja. Assmann // *Cultural Memories. The Geographical Point of View* / P. Meusbürger, M. Heffernan, E. Wunder. London. New York. 2011. 383 p.

320. Astakhova, I.V. Issues of the culture of information security under the conditions of the digital economy / I. V. Astakhova // *Scientific and technical information processing*. 47(1). 2020. Pp. 56–64. URL: <https://link.springer.com/article/10.3103/S0147688220010062> (Accessed 09 May 2021).

321. Augé, M. *Non-places, introduction à une anthropologie de la surmodernité* / M. Augé. Paris Seuil. 1992. 155 p. ISBN 2020125269.

322. Batiashvili, N. *Memory and political change* / N. Batiashvili / Eds. A. Assmann, L. Shortt. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan. 2012. XVIII. 223 p. ISBN 978-0-230-35424-1.

323. Bloomfield, J. *Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places* / J. Bloomfield // *European Studies: A Journal of European Culture. History and Politics*. 2006. Vol. 23. Pp. 45–61. URL: https://doi.org/10.1163/9789401203623_005 (Accessed 11 Feb. 2013).

324. Blum, A. *The Imaginative Structure of the City* / A. Blum. Quebec. McGill-Queen's Press. 2003. 330 p.

325. Buckler, J. *The City's Memory: Texts of Preservation and Loss in Imperial St. Petersburg* / J. Buckler // *Preserving Petersburg. History, Memory, Nostalgia*. Indiana University Press. 2008. P. 39–56. 234 p. ISBN 9780253351425.

326. Burke, P. Co-memorations. *Performing the Past By* / P. Burke // *Memory and political change* / Eds. A. Assmann, L. Shortt. Basingstoke. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2012. XVIII. 223 p. Pp. 105–108.

327. Castells, M. *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells. 2010. Vol. II. Wiley-Blackwell. 585 p.

328. Cattell, M. G. Introduction. *Meaning in social memory and history: anthropological perspectives* / Jacob J. Climo, Maria G. Cattell (eds.) // *Social memory and history. Anthropological perspectives*. Walnut Creek: Altamira Press. 2002. 237 p. Pp. 1–36. ISBN 0759101779, 0759101787.

329. Çetinkaya, G. «Travel Blogs» as Transforming Spaces of Memory: An Attempt to Evaluate The Urban Memory Through «Travel Blogs» / G. Çetinkaya // *National Folklore*. 2020. Vol. 128. Pp. 138–152. P. 139. URL: <https://www.acarindex.com/milli-folklor-dergisi/travel-blogs-as-transforming-spaces-of-memory-an-attempt-to-evaluate-the-urban-memory-through-travel-blogs-738804> (Accessed 07 Oct. 2022).

330. Çınar, B. *Urban Imaginaries: Locating the Modern City* / B. Çınar / Ed. by A. Çınar, T. Bender. University of Minnesota Press. 2007. 320 p. ISBN 978-0-8166-4802-3.

331. Confino, A. *Collective Memory and Cultural History: Problems of Method* / A. Confino // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. No 5. Pp. 386–140. URL: https://www.academia.edu/5800544/Collective_Memory_and_Cultural_History_Problems_of_Method (Accessed 20 Sept. 2013).

332. Connerton, P. *Seven types of Forgetting* / P. Connerton // *Memory Studies*. 2008. №1. P. 63. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/1750698007083889> (Accessed 18 Mar. 2015).

333. Damin M. *Cultural Heritage, Social Memory and Information: the city of Porto Alegre in the palm of your hand?* / M. Damin, V. Dodebei, V. Morigi, L. F. H. Massoni. *Em Questao*. 2018. Vol 24(2). Pp. 388–403. DOI <https://doi.org/10.19132/1808-5245242.388-403>

334. del Cid, A. L. Potentiality of symbolic capital in the rural space as generator of territorial development / A. L. del Cid // *Agronomía Colombiana*. 2011. Vol. 29. No. 1, enero-abril. Universidad Nacional de Colombia. Pp. 115–123. URL: https://www.researchgate.net/publication/262755473_Potentiality_of_symbolic_capital_in_the_rural_space_as_generator_of_territorial_development (Accessed 01 Mar. 2013).
335. Delorme, P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain / P. Delorme // *In Ville autrement*. Sainte-Foy. 2005. Pp. 9–27.
336. Dumont, F. Le Lieu de l'homme / F. Dumont // *La culture comme distance et mémoire*. Montréal, HMH (Coll. Constantes #14). 1968. 233 p.
337. Dunas D.V. Emerging digital media culture in Russia: modeling the media consumption of generation Z / D. V. dunas, S. A. Vartanov // *Journal of multicultural discourses*. 2020. Vol. 15(2). Pp. 186–203. URL: <https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2020/06/dunas2020.pdf> (Accessed 09 Mar. 2021).
338. Echterhoff, G. Kontexte und Kulturen des Erinnerns: Maurice Halbwachs und das Paradigma des kollektiven Gedachtnisses / Hrsg. G. Echterhoff, M. Saar. Konstanz: UVK. 2002. P. 14.
339. Erll, A. Cultural Memory Studies: An Introduction / A. Erll // *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*. Walter de Gruyter. Berlin. New York. 2008. 442 p. Pp. 1–15. ISBN 9783110188608.
340. Etkind, A. Post-Soviet hauntology: Cultural memory of the Soviet terror / A. Etkind // *Constellations*. 2009. Vol. 16. No 1. Pp. 182–200. URL: https://www.academia.edu/3026468/Post_Soviet_Hauntology_Cultural_Memory_of_the_Soviet_Terror (Accessed 10 Sept. 2010).
341. Fedotova N. City's Cultural Memory as a symbolic resource / N. Fedotova, E. Maksimova // *SOCIOTIME*. Vol. 4. No 20. Pp. 107–113. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.107.

342. Fedotova N. The formation of urban identity: factorial and institutional aspects / N. Fedotova // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2017. Vol. 20. No 3. Pp. 32–49. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30765077_16337411.pdf (Accessed 09 Jun 2018).

343. Fentress J., Wickham Ch. *Social memory* / J. Fentress. Oxford: Blackwell. 1992. 229 p. ISBN 0631166181.

344. Gao, B. The Effect of Memory Construction of Cultural Landmarks on Urban Development / B. Gao // *Proceedings Of The 2nd International Conference On Architecture: Heritage, Traditions And Innovations*. 2020. 471 p. Pp. 426–432. P. 426. DOI: 10.2991/assehr.k.200923.073 (Accessed 06 Jun. 2021).

345. Gill, G. *Symbolism and Regime Change in Russia* / G. Gill. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. P.4. URL: https://assets.cambridge.org/97811070/31395/frontmatter/9781107031395_frontmatter.pdf (Accessed 13 Jun. 2017).

346. Halbwachs, M. *Les cadres sociaux de mémoire* / M. Halbwachs . Paris. 1925. 298 p. ISBN 2719309389.

347. Halbwachs, M. *The collective memory* / M. Halbwachs. New York: Harper & Row. 1980. No 2–3. 198 p. Pp. 8–27. ISBN 0060908009.

348. Harvey, D. *The Right to the City* / D. Harvey / ed. by R. Scholar // *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures*. 2003. Oxford. 2006. Pp. 83–103. URL: https://www.hlrn.org/img/documents/Harvey_right_to_the_city.pdf (Accessed 12 Dec. 2016).

349. Hauge, A. L. Identity and place – a comparison of three identity theories / A. L. Hauge // *Architectural Science Review*. 2007. 50 (1). Pp. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.3763/asre.2007.5007>.

350. Hockerts, H. G. *Zugänge zur Zeitgeschichte. Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft* / H. G. Hockerts // *Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt*. Frankfurt am

Main: Campus Fachbuch, 2002. Pp. 15–30. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/26154/zugaenge-zur-zeitgeschichte-primaererfahrung-erinnerungskultur-geschichtswissenschaft/> (Accessed 14 Oct. 2013).

351. Hussein, F. Cultural Memories and Sense of Place in Historic Urban Landscapes: The Case of Masrah Al Salam, the Demolished Theatre Context in Alexandria / F. Hussein, J. Stephens, R. Tiwari. *Egypt. Land*. 2020. No 9(8). 264 p. P. 204. DOI: <https://doi.org/10.3390/land9080264>.

352. Huyssen, A. *Other cities, Other Worlds: Urban Imaginaries in a Globalizing Age* / A. Huyssen / Ed. by Andreas Huyssen. Durham, North Carolina. 2008. 327 p. ISBN 0822342480.

353. Kavaratzis, M. From city marketing to city branding: towards a theoretical framework for developing city brands / M. Kavaratzis // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2004. Vol. 1 (1). Pp. 58–73. P. 63. URL: https://is.muni.cz/el/fss/podzim2017/ZUR393s/um/W_10_from_city_marketing_to_city_branding-_kavaratzis_2004.pdf (Accessed 10 Oct. 2013).

354. Lalli, M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings / M. Lalli // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. 12 (4). Pp. 285–303. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/s0272-4944%2805%2980078-7> (Accessed 25 Sept. 2015).

355. Lamont, M. Culture, and identity / M. Lamont / In: Turner J.H. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York. 2002. Pp. 171–185. P. 171. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/0-387-36274-6_9 (Accessed 14 Jan. 2021).

356. Lefebvre, H. *The Production of Space* / H. Lefebvre. Oxford: Blackwell, 1991. 470 p. ISBN 9780631181774.

357. Leyva, R. Testing and unpacking the effects of digital fake news: on presidential candidate evaluations and voter support / R. Leyva, C. Beckett. *Al & Society*. Vol. 35(4). 2020. Pp. 969–980. URL:

https://eprints.lse.ac.uk/104154/1/Leyva_testing_and_unpacking_effects_of_digital_fake_news_published.pdf (Accessed 14 Jan. 2021).

358. Linde, Ch. Working the past: Narrative and Institutional Memory / Ch. Linde // *Discourse & society*. 21(5). N.Y.: Oxford University Press, 2009. X. Pp. 607–608. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1177/09579265100210050603> (Accessed 10 sept. 2010).

359. Lynch, K. *The Image of the City* / K. Lynch. Cambridge The MIT Press. 1960. 194 p. ISBN 9780262120043.

360. McKenzie, R. D. Spatial Distance and Community Organization Pattern / R. D. McKenzie // *Social Forces*. 1927. Vol. 5. No 4. Pp. 623–627. DOI: <https://doi.org/10.2307/3004630>.

361. Moira, M., & Makris, D. Cultural memory in its spatio-narrative-augmented reality / M. Moira, D. Makris // *International Journal Of Media & Cultural Politics*. 2018. 14(2). Pp. 153–171.

362. Müller, J.-W. *Memory and power in post-war europe: Studies in the Presence of the Past* / W.-J. Müller / Ed. J.-W. Muller. Cambridge. Cambridge University Press. 2002. XII. 288 p. ISBN 0521806100

363. Nora, P. From lieux de mémoire to realms of memory / P. Nora. In Nora P., Lawrence D. 1996. 642 p. ISBN: 9780231084048.

364. Nora, P. *Les lieux de mémoire* / P. Nora. En 3 vol. 7 livres. Gallimard (Paris). 1984–1992. 720 p. ISBN 2070701921.

365. Nora, P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past* / P. Nora. Vol. 1: conflicts and divisions. N. Y.; Chichester: Columbia University Press. 1996. 651 p. ISBN 0231084048.

366. Norberg-Schulz, Chr. *Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture* / Chr. Norberg-Schulz. New York: Rizzoli. 1980. 213 p. ISBN 0847802876.

367. Olick, J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic / J. Olick, J. Robbins // *Annual review of sociology*. 1998. Vol. 24. Pp.105–140. P.109. URL:

<https://eclass.uowm.gr/modules/document/file.php/ELED278/Olick%20%26%20Robbins%20social%20memory%20studies%201998%20ARS.pdf> (Accessed 24 apr. 2016).

368. Olick, J. *The sins of the fathers*. Germany, Memory, Method / J. Olick. Chicago: The University of Chicago Press. 2016. 517 p. ISBN 978-0-226-38642-2.

369. Paasi, A. *The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity* / A. Paasi. Fennia. 1986. 164 (1). Pp. 105–146. URL: <https://fennia.journal.fi/article/view/9052/19829> (Accessed 24 apr. 2016).

370. Prata, MCRQ. *Memory stones: urban and cultural heritage in Campos dos Goytacazes*. Patrimônio E Memória. 2020. No 16(2) Pp. 444–468.

371. Proshansky H. M. *The development of place-identity in the child* / H. M. Proshansky, A. K. Fabian // In: Weinstein C. S., David T.G. (eds.) *Spaces for Children*. New York: Plenum. 1987. Pp. 21–40. URL: https://www.sci-hub.ru/10.1007/978-1-4684-5227-3_2 (Accessed 24 apr. 2016).

372. Pollice, F. *The Role of Territorial Identity In Local Development Processes* / F. Pollice // *Proceedings of the Conference the Cultural Turn in Geography*. Gorizia Campus. 2003. Pp. 107–117. URL: https://www.researchgate.net/publication/242122046_THE_ROLE_OF_TERRITORIAL_IDENTITY_IN_LOCAL_DEVELOPMENT_PROCESSES (Accessed 10 nov. 2015).

373. Soja, E. W. *Writing the City Spatially* / E. W. Soja // *City*. 2003. Vol. 7. No 3. Pp. 269–280. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1360481032000157478> (Accessed 23 feb. 2016).

374. Soja, E. W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions* / E. W. Soja. Oxford: Blackwell Publishing. 2000. 440 p. ISBN 1-55718-000-3.

375. Schwenk, J. Soziales Imaginäres und Stadtforschung / J. Schwenk // In Österreich Z Soziolpp. 44 (Suppl 2). 2019. Pp. 99–115. P. 99. DOI <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00375-y>.

376. Schudson, M. The Present in the Past versus the Past in the Present / M. Schudson // Communication. 1989. Vol. 11. Pp. 105–113. P. 109.

377. Saunders, M. Life-writing, cultural memory, and literary studies / M. Saunders // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin. New York: Walter de Gruyter. 2008. 398 p. P. 321–332.

378. Tuan, Yi-Fu. Language and the Making of Place: A Narrative-Descriptive Approach / Yi-Fu Tuan // Annals of the Association of American Geographers. 1991. Vo 81. No 4. Pp. 684–696. URL: <https://www.jstor.org/stable/2563430> (Accessed 19 sept. 2018).

379. Tortora M. A Conceptual Framework for Tourism Transition Areas Based on Territorial Capital: a Case Study of Vinci / M. Tortora, F. Randelli, P. Romei // J. Tourism Hospitaliti. 3:135. 2014. URL: <http://https://www.omicsgroup.org/journals/a-conceptual-framework-for-tourism2167-0269.1000135.php?aid=34051> (Accessed 10 May 2015).

380. Tonkin, E. Narrating our pasts. The social construction of oral history / E. Tonkin. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. Pp. 118–131. 170 p. ISBN 0 521484634.

381. Wagner, C. Visualizations of Urban Space: Digital Age, Aesthetics, and Politics / C. Wagner // 1st Edition, Series Advances in Urban Sustainability. London and New York: Routledge. 2022. P.12. URL: https://www.researchgate.net/publication/363475730_Visualizations_of_Urban_Space_Digital_Age_Aesthetics_and_Politics (Accessed 20 dec. 2023).

382. Warburg, A. Werke in einem Band / A. Warburg. Berlin: Suhrkamp. 2010. 913 p. ISBN 978-3-518-58531-3.

383. Watney, M. Evolution of Illegal Social Media Communication Regulation / M. Watney // Proceedings of the 5th European Conference on Social Media. 2018. 507 p. Pp. 345–352. P. 345. URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_37302720_13952004.pdf (Accessed 06 nov. 2020).

384. Weissberg L. Introduction / L. Weissberg // Dan Ben-Amos, Liliane Weissberg (eds.). *Cultural memory and the construction of identity*. Detroit: Wayne State University Press. 1999. Pp. 7–26. ISBN 0-8143-2753-2.

385. Wertsch, J. W. *Collective memory* / J. Wertsch // *Memory in mind and culture*. Cambridge. 2009. Pp. 117–137. ISBN-13 978-0-521-75892-5.

386. Zenker S. How to catch a city? The concept and measurement of place brands / S. Zenker // *Journal of Place Management and Development*. 2011. Vol. 4 (1). Pp. 40–52. URL: https://www.researchgate.net/publication/235266373_How_to_Catch_a_City_The_Concept_and_Measurement_of_Place_Brands (Accessed 12 apr. 2018).

387. Zierold M. *Memory and Media Cultures* / M. Zierold // *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*. Walter de Gruyter, Berlin, New York. 2008. Pp. 399–408. P. 405. ISBN 978-3-11-018860-8.

388. Zukin S. *Whose Culture? Whose City?* / S. Zukin // *The City Reader*. Ed. by R. Le Gates and F. Stout. Routledge. 2001. Pp. 131–142.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Визуальные носители культурной памяти Великого Новгорода

Рис. 1 – Вид на озеро Ильмен и реку Волхов с территории Юрьева монастыря

Рис. 2 – Вид на Новгородский Кремль (боевой ход)

Рис. 3 – Софийский собор

Рис. 4 – Ярославово дворце

Рис. 5 – К.И. Горбатов «Новгород. Пристань» 1919 г.

Приложение 2

Логотипы (визуальные элементы) брендов российских городов

Рис. 1 – Бренд города Мурманск

Рис. 2 – Бренд города Казань

Рис. 3 – Бренд города Клин

Рис. 4 – Бренд города Вологда

Рис. 5 – Бренд города Великий Новгород

Приложение 3

Результаты эмпирического исследования представлений новгородцев о Великом Новгороде и выявление образов, хранящих культурную память города

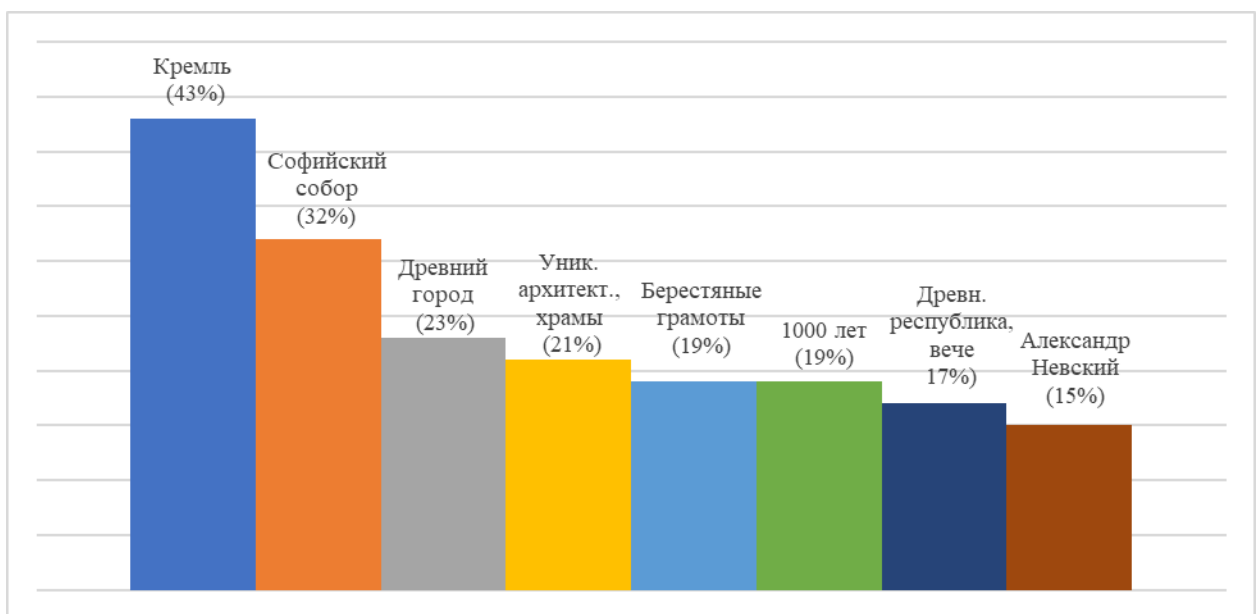

Рис. 1 – Ключевые образы, с помощью которых новгородцами представляется Великий Новгород

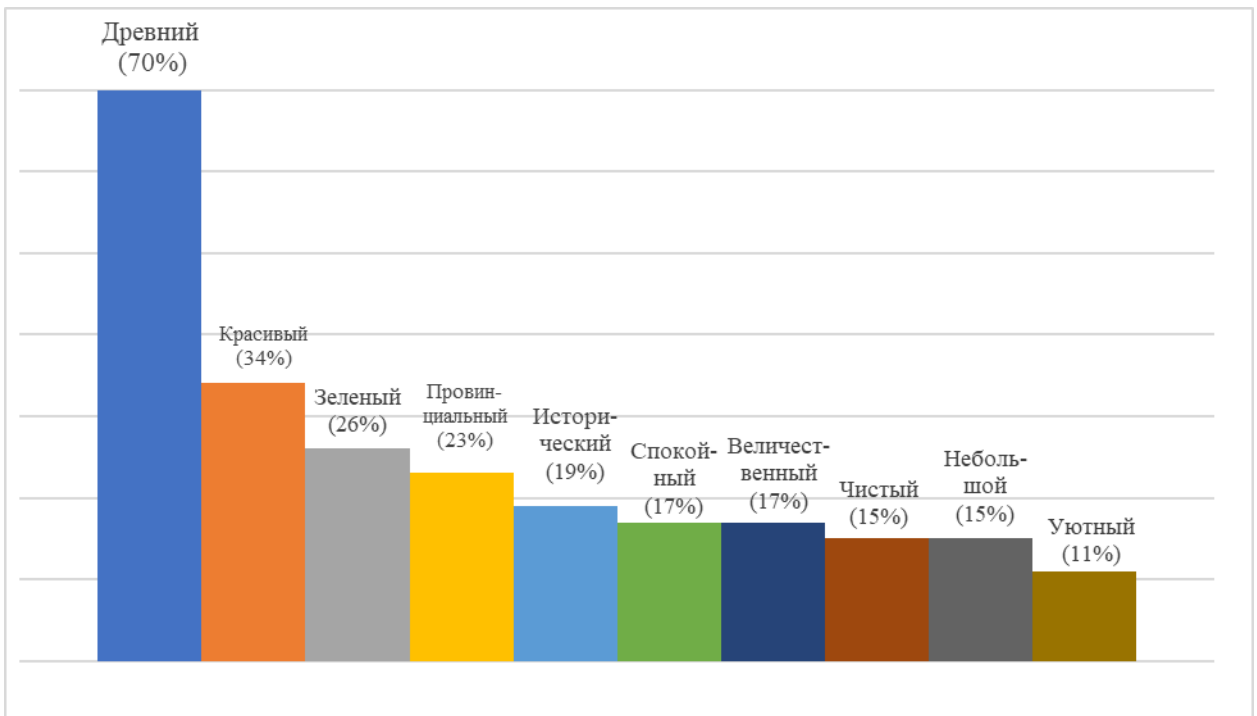

Рис. 2 – Идентификация Великого Новгорода с позиции новгородцев

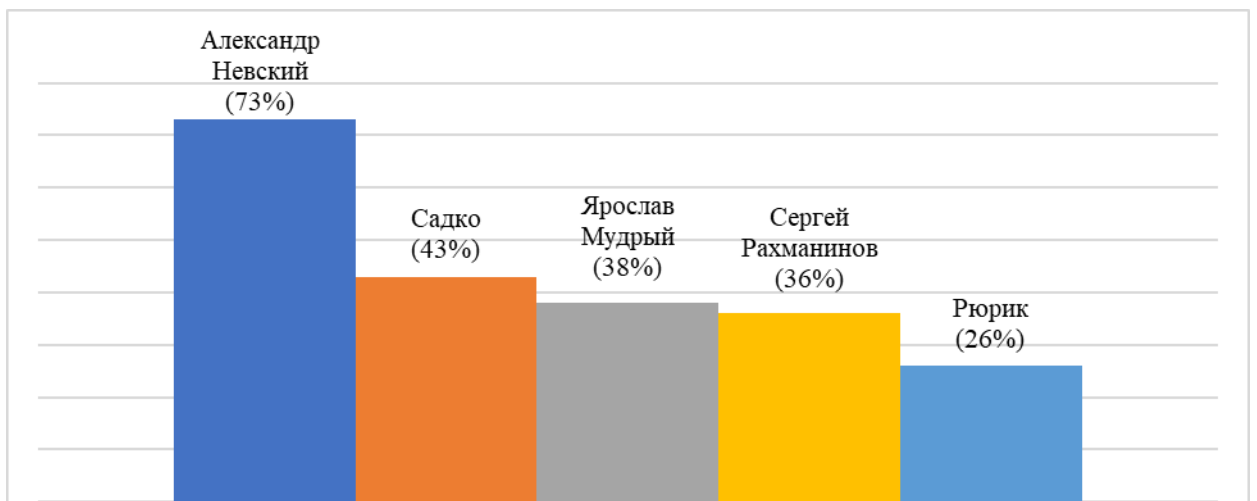

Рис. 3 – Известные личности Великого Новгорода по мнению жителей города

Рис. 3 – Город Пермь. Фотовыставка, посвящённая 100-летию пребывания Бориса Пастернака на Урале

Рис. 4 – Макет российских городов в миниатюре. Музей «Гранд Макет Россия», Санкт-Петербург

Приложение 5

Коммеморативные практики в Великом Новгороде

Рис. 1 – Кадр из фильма «Садко». Реж. А. Птушко. 1952

Рис. 2 – Сцена уличного театра «Садко» в Великом Новгороде

Рис. 3 – Фрагмент театрального действия фолк-оперы «Садко» в Великом Новгороде

Рис. 4 – Международный фестиваль «Словиша» в Великом Новгороде

Рис. 5 – Пяти-струнные гусли – символ фестиваля «Словиша» в Великом Новгороде

Рис. 6 – Фрагмент исторической реконструкции «Княжья братчина» в Великом Новгороде

Рис. 7 – Памятник Ярославу Мудрому в Великом Новгороде

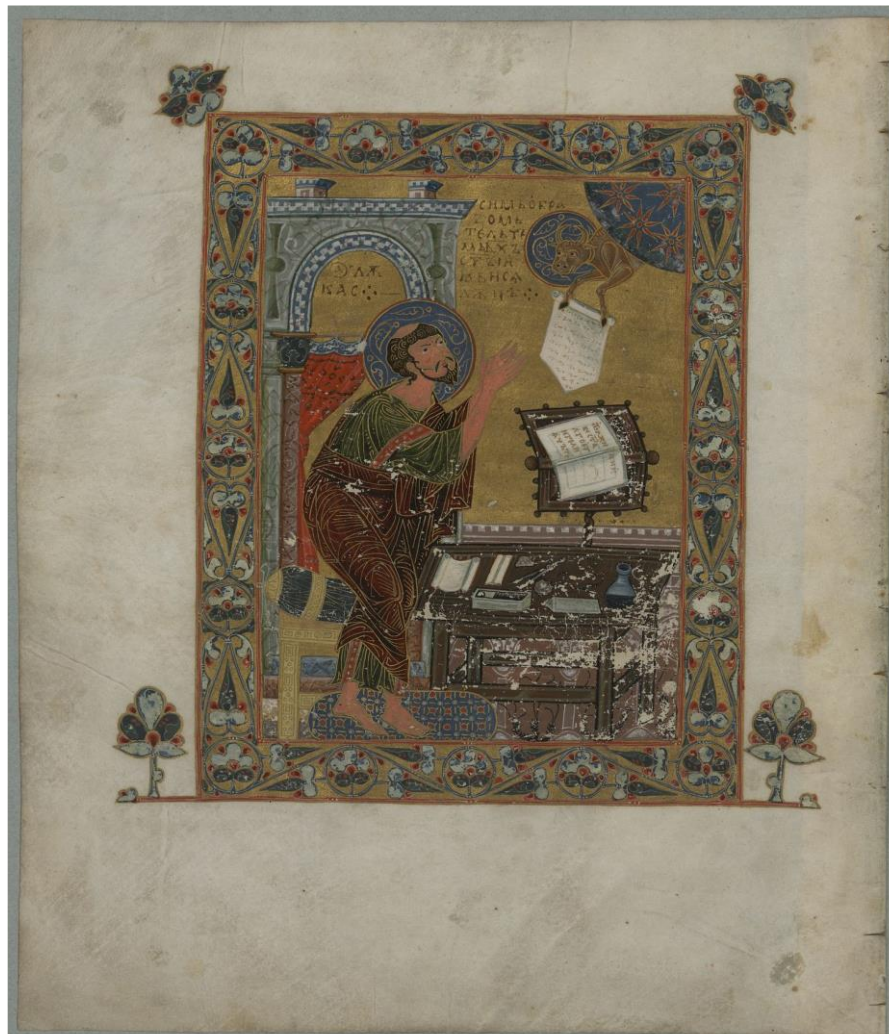

Рис. 8 – Титульный лист оцифрованной древней новгородской рукописи
«Остромирово евангелие. Апракос краткий»

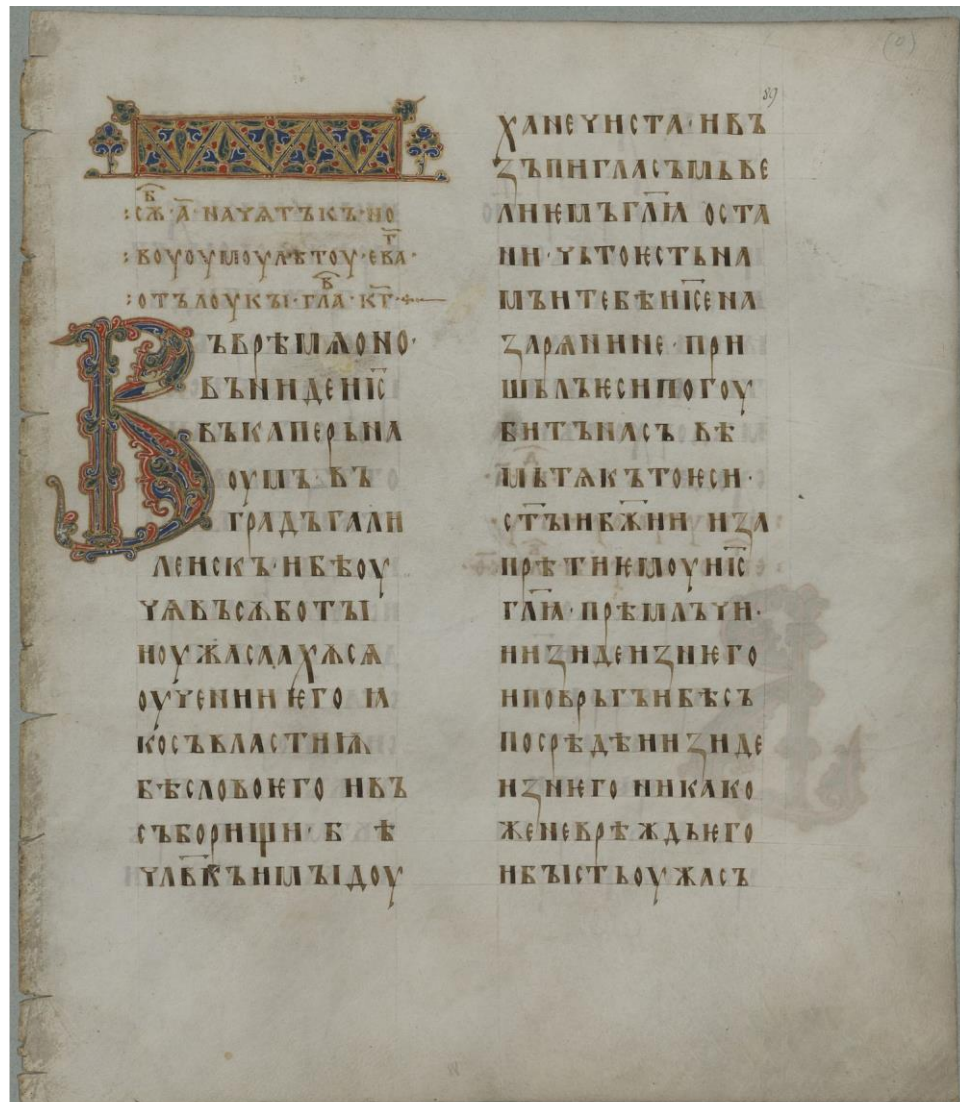

Рис. 9 – Фрагмент оцифрованной древней новгородской рукописи «Остромирово евангелие. Апракос краткий»

Рис. 10 – Мурал на стене дома в Великом Новгороде на улице Павла Левитта, выполненный по мотивам рисунков мальчика Онфима

Рис. 11 – Российские блогеры в рамках проекта VK «Места» в Великом Новгороде